

"Мы те, которых нет"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мы те, которых нет

Нас списали. Смахнули, как докучливых тараканов со стола. Да, именно со стола, на котором разделявали жирного жареного барашка.

Кто-то принял решение, и мы фактически были уже мертвы. Мы пока еще привычно топтали берцами пыльные горные дороги, возвращались из поиска, пили кумыс и ели жирный узбекский плов на выжженных немилосердным солнцем узких восточных улочках. Но будущее для нас было закрыто. В этом самом будущем нас было не предусмотрено.

Во всяком случае, так казалось тем, кому мы мешали и по мнению которых мы не имели права на жизнь.

- Подъем, перекур закончен. Вперед! - резко приказал я.

И посланная на заклание группа военной разведки перешла на ритмичный бег. До места засады, где нас должны были уничтожить, еще далеко.

Мы вдыхали чистый горный воздух, слушали журчание стремительных горных речек, нас окружал скупой коричнево-серый инопланетный пейзаж. Не раз хоженные дороги. Чужая враждебная страна, где приходилось выполнять деликатные поручения. Отныне поручения придется выполнять другим.

Нельзя терять времени - у нас его мало. Главное - выбрать режим движения. Попасть в ритм. Не сбиться. Мы должны преодолеть расстояние раньше назначенного.

Цепочку возглавляет Гром - наш сапер, признанный мастер своего дела. Ему этот бег нипочем. Ни солнце, ни расстояния его не страшат. Низкорослый, поджарый, как охотничий пес, жесткий, выносливый. Он задает темп.

На некотором расстоянии за ним следую я - командир группы. Дальше пылит громадный Мамонт с пулеметом на плече. Потом долговязый Шатун, гений-следопыт. Замыкает цепочку невысокий, совершенно безобидный на вид колобок с короткими ногами и избыточным весом - это снайпер Роб. Кажется странным, что он попал в нашу компанию диких собак. Но это впечатление обманчивое. Мы все - слаженная ГСН (группа спецназначения). Лучшая на южных рубежах. Облеченная самым высоким доверием. Облеченная и обреченная.

- Подтянись! Не сбавлять темп! - прикрикиваю я.

И мы идем вперед. Через стелющийся по распадку туман, скользя подошвами на влажных камнях. Метнулась меж колючек юркая ящерка, возник в тумане силуэт горного барана архара с закрученными огромными рогами.

Мы опять на вражеской территории, где правят шариат и война. Откуда идут караваны с наркотиками и куда идут караваны с оружием. Нарыв на теле земли - вечно зудящий и не поддающийся никакому лечению.

Сегодня у нас дембельский аккорд. Придется напрячься.

А начался этот флирт со смертью три дня назад.

Я в этих краях третий год. Хожу за линию, разделяющую бывшую республику СССР с вражеской территорией. Стреляю. Отрываюсь от преследования и преследую сам. Знаю теперь эти края как родную Псковскую губернию. Сроднился с местным населением, и у меня здесь появились не только кровные враги, но и кровные должники. С одним из них я и встретился на пустыре в пригороде Джамаса три дня назад.

- Мир дому твоему, почтенный командир, - склонился в поклоне Рахимбой - по виду совсем мальчишка, тонкий, изящный, безусый, в джинсах, рубашке навыпуск, черных очках. Говорил по-русски без акцента.

- И тебе, - кивнул я. - Хотя у меня нет дома.

- Он будет. У воина должен быть дом. Воину нужно что-то защищать.

- Не спорю...

- Я не смог защитить свой дом, - вздохнул Рахимбой.

- Не вини себя.

- Ты защитил мой дом, - торжественно добавил он.

Это было так. Во время очередной вылазки в горный район, не контролируемый никем - ни правительством, ни местными бандами, мы встряли в одну из местных клановых разборок. Наткнулись на аул, где душманы собирались казнить своего кровника Рахимбоя вместе с семьей, включая и маленьких детей... Мы зачистили гадов.

- Я твой... Кровный... Должник, - разбитыми губами прошептал Рахимбой, когда мы нейтрализовали бандитов.

- Сочтемся. Может быть. А может, поубиваем друг друга на тропе войны.

- Я нет. Я должен...

Через некоторое время я узнал, что Рахимбой ищет встречи с русским шайтаном, спасшим его семью. Так я приобрел весьма осведомленного информатора. Правда, по большей части информацию он скидывал по каким-то мутным делам, когда ему это было выгодно. Но и мы не жаловались. Благодаря Рахимбою взяли груз героина, прихлопнули эмиссара из Саудовской Аравии.

То, что у меня такой информатор, знала только наша группа. Обстановка стала какая-то мутная. Накопилось много вопросов - очень неприятных, в том числе к вышестоящему начальству. И хороший информатор - это туз в рукаве.

Вот и сыграл свою роль этот туз, оказавшийся козырным.

- Сергей, тебя решили казнить, - произнес тогда Рахимбой.

- Кто? - изумился я. - Никак Курбонали? Или Нурмат?

- Тебя решили казнить твои. Завтра вы выдвигаетесь на задание. И попадаете в засаду. Вас убьют.

- Зачем?

- Слишком много от вас неудобств. Слишком много знаете.

- Про наркотрафик?

- Про порошок. Да.

Рахимбой описал точно, где за «ниткой» (за границей Республики) будут ждать мою группу.

- Одного не пойму, - сказал я. - Почему я там должен оказаться?

- Не знаю. Но окажешься.

- Кто будет нас убивать?

- Горный Лев и Ахал. Я слышал разговор, - впервые Рахимбой выдал информацию на своих соплеменников. - Все. Больше ничего не знаю... Не жалею их. Я их не жалею. Они собаки.

На следующий день меня вызвали в штаб и отдали боевой приказ, на вид обычный - встретить связника, перевести через границу, обеспечить безопасность. Маршрут следования и место встречи полностью совпадали с теми, что сообщил Рахимбой.

- Потом отпуск, - благодушно сказал полковник Бульбаш из разведки, наш прямой командир. - Отдохнешь.

И что-то гнусное плеснулось в его глазах.

В тот момент в моей груди образовалась черная дыра, которая стремительно стала поглощать мою старую жизнь, мои надежды, мое будущее. Это был конец.

- Мужики, нас списали, - собрав в укромном месте бойцов и объяснив ситуацию, объявил я. - Что делать будем?

- Они списывать только и умеют... - кровожадно ощерился Роб, утратив всякое сходство со сказочным колобком.

- Будем драться? - спросил я и, дождавшись утвердительных кивков, продолжил: - У нас осталось несколько часов. За это время надо кинуть весточку, чтобы эвакуировать семьи.

И вот теперь мы идем, выбивая пыль из дорог. В максимальном темпе. Чуть-чуть меняя маршрут.

Когда приблизились к намеченной мной точке, были уже на пределе сил. Но любой предел далеко не предел. Главное, какой у тебя мотив, чтобы переступить через невозможное.

Я остановился, глядя на уходящую вверх горную грядку.

- Ну что, братцы, последний бросок.

Вот тут нам пригодились и запас времени, который мы отыграли напряжением всех сил, и альпинистское снаряжение, приобретенное год назад за свои деньги.

Горную подготовку прошли все. А Гром вообще был прирожденный альпинист, вырос в Кабардино-Балкарии, с детства ходил по горам, как по паркету. Он прокладывал путь.

Лезем вверх. Стена почти отвесная. Сбиваем пальцы, колени. Вбиваем крюки. Вот посыпалась из-под рифленой подошвы ботинка каменная крошка, и подо мной разверзлась пропасть. Страховка помогла не сорваться. Вверх, вперед.

Мы преодолели скальную стену, прошли по гребню. Я знал эти места. И басмачи знали их и считали, что этим путем никто не пойдет. Это невозможно.

Невозможно, если бы с нами не было Грома. Но он был с нами...

Гребень. Горный ручей. Еще одна скала.

Хочется лечь и сдохнуть. Но подышать нельзя. Хотя бы потому, что кто-то очень хочет этого.

И вот мы перевалили через гребень и выбрались на уходящий вниз террасами каменистый склон, поросший жестким кустарником, низкими деревцами и желтой жесткой травой. Мы на месте!

Несколько минут лежали, боясь дышать. Высматривали разведчиков, которых басмачи могли прислать заранее. И не высмотрели никого. Можно работать.

- Обустраиваемся, - приказал я, уже просчитав сектора обстрела и выбрав складки местности и укрытия.

Не прошло и четверти часа, как группа растворилась на склонах, исчезла, будто и не было ее. За годы войны мы усвоили простую истину - побеждает тот, кто лучше маскируется и у кого больше терпения. Маскироваться мы научились. И терпения нам не занимать.

С нашей позиции до места засады было рукой подать. И ждать нам оставалось часа три-четыре...

Время тянулось, как резиновое. По узкой извилистой дороге, петлявшей по низине ущелья, проследовало два человека на ослах и трое - пешком. Проехала грузовая «Тойота» с блеющими баранами в кузове. И, наконец, послышался звук мотора. Показался зеленый дребезжащий грузовик неизвестной модели.

Из кузова и кабины посыпались басмачи. Человек пятнадцать начали рассредоточиваться на склонах. Перестраховываются гады - с такой позиции гораздо меньшим числом за минуту можно уложить нас всех.

Осторожно выглядывая из укрытия, я обводил безбликовым биноклем бандитов. Вот и Горный Лев. В роскошном халате на голое тело, на голове чалма. Настоящий воин ислама. Вооружен - автомат Калашникова. На боку автоматический пистолет Стечкина - любимая двадцатизарядная игрушка полевых командиров.

Надо отметить, басмачи выбрали позиции и замаскировались, используя кусты и камни, умело. На входе в ущелье поставили наблюдателя. И стали ждать.

Вот Горный Лев вылез из укрытия и отправился проверять позиции.

- Пора, - шепнул я Робу, лежащему рядом. - В командира пара пуль, чтобы обездвижить. Живым нужен. Остальных валим.

Цели и сектора обстрела расписаны заранее. Два тоновых сигнала по рации. Работаем!

Винторез хлопнул два раза почти без паузы. Горный Лев рухнул, держась за ногу.

И тут же мы со всех стволов врезали по душманам. Шансов у них не было никаких.

*

- Ты знаешь, что такое допрос первой степени?

- Вы с дубу рухнули, военные? - Лежащий на бетонном полу, с перетянутыми скотчем руками и ногами, полковник Бульбаш держался стойко.

Я знал, что каждый день он таскается на улицу Низами к своей любовнице - местной учительнице. На подходе мы его и взяли, запихали в кузов старенького фургончика, который Гром реквизировал у своего должника. И отвезли в давно присмотренный на такой случай подвал полуразрушенного корпуса станкостроительного завода на окраине Джамаса.

- Под трибунал захотели?! - зарычал Бульбаш.

- А что трибунал? Расстрела сейчас нет. К расстрелу ты нас приговорил, - пнул я его носком ботинка.

- Вот что, господа офицеры, - голос полковника дрогнул, но потом вернулась былая уверенность. - Вы что-то попутали. Обещаю ничего не предпринимать против вас. Я поднимаюсь и ухожу. И мы забываем о недоразумении.

- Недоразумение?.. Горный Лев тебе привет передавал.

- Какой Горный Лев?!

- Как офицер разведки ты должен знать, что Горный Лев, он же Сайлигул Далил, один из самых опасных полевых командиров. Интерпол его ищет.

- Какой Интерпол? Какой привет?!

- Значит, не понимаешь. Ну ладно.

Нас хорошо учили интенсивной методике допроса, когда из захваченного языка нужно за минуту выбить важные сведения. Полковник тоже знал, что это такое. Поэтому, когда мы принялись за него всерьез, раскололся быстро.

Вытирая газетой кровь с рук, я прикинул сложившуюся схему событий. Все примерно так, как я и подозревал.

Где-то год я стал ощущать не порядок. В нашей конторе потянуло мерзким запахом предательства. Получалось, что основная масса афганского героина, который здесь дешевле стирального порошка, идет транзитом в СНГ с попустительством армейцев и пограничников. А мою группу используют втемную для зачистки от конкурентов.

Постепенно путем анализа агентурной информации и ситуации в целом мои предположения перерастали в уверенность.

Я довел свои умозаключения до офицера из нашей штабной группы майора Рубанова, которого считал своим. Кто меня за язык тянул?

Рубанов обещал поразмыслить над моими словами. И сдал нас. Потому что был в доле. Во всяком случае, так утверждал полковник Бульбаш.

К тому же мы инициативно провели ряд несанкционированных акций, хлопнули большую партию героина и свели под ноль целый караван басмачей. Мы нанесли этой мафиозной группировке слишком большой ущерб. От нас неизвестно чего ждать. Мы далеко зашли. И нас решили ликвидировать.

- Кто входил в вашу теплую компанию? - спросил я.

- Отпустите? - пытаюсь пошевелить сломанным пальцем, прохныкал Бульбаш.

- Конечно, - кивнул я. - Ты только рассказывай. Не тяни.

Полковник стал выдавать имена и подвиги предателей. Военные с моей родной двести пятой военной базы, особисты, пограничники, представитель МВД России. Ниточки тянулись и к местному правительству, и в Москву.

Здесь верховодил старший по званию - генерал-майор Проклов, куратор двести пятой базы от Министерства обороны России. Жесткий, агрессивный вояка, лет под шестьдесят, с репутацией человека, способного на поступок, в этих местах был личностью легендарной, авторитетной и у военных, и у гражданских властей. Благодаря ему, когда он был еще заместителем командира двести пятой дивизии, предшественницы базы, в республике была предотвращена братоубийственная межклановая резня. В начале девяностых исламские фундаменталисты заваливали арыки трупами своих противников, и только русские военные, открывшие огонь без согласования с Москвой, по приказу Проклова, спасли республику. Я его считал мужчиной. А он оказался крысой.

- Генерал сегодня улетает в Москву, - прохрипел полковник Бульбаш. - И я должен ему доложить, что проблема с вами решена.

- Докладывай. - Я протянул полковнику изъятый у него телефон. - Смотри, не брякни чего лишнего.

Бульбаш отрапортовал по телефону:

- Все в порядке, товарищ генерал.

- Спасибо за службу, - хмыкнул генерал. - Я через полчаса убываю. Прилечу - обговорим. И рассчитаемся.

- Спасибо, товарищ генерал.

Отбой.

Полковник отбросил мобильник, тот упал на бетонный пол, но не разбился.

Я кивнул Грому. Тот с пониманием кивнул... Взмах десантным ножом. Лезвие рассекло артерию. Тело дернулось.

Одной крысой меньше.

А нам сегодня еще предстоит поработать...

К военному аэродрому, расположенному в двадцати километрах от города, вела пустынная дорога, пронизывающая немногочисленные пригородные поселки и петляющая среди скалистых гор. Мы выбрали отличное место – отрезок дороги за коротким туннелем. В свое время, просчитывая контртеррористические мероприятия, мы излазили всю трассу и знали все хитрые места.

Фургон спрятали поодаль, на съезде с дороги, рядом с журчащим ручьем. И затаились. Мы успели вовремя. По нашим расчетам генеральская машина должна была скоро появиться.

Проклова на аэродроме ждал военно-транспортный самолет «Ан-72», который унесет его в Москву. Завтра коллегия Министерства обороны, на которой планируется доклад генерала о положении дел на южных рубежах.

Передвигался Проклов обычно без охраны. По идее, за каждым углом его должны были ждать вооруженные до зубов душманы, однако за последние пять лет на него не было ни одного покушения. Мы считали это свидетельством особого авторитета генерала, которого уважают даже враги. Но причины оказались более прозаичными – душманы были для него коллегами по цеху.

Движение по дороге было слабенькое. Проехали топливозаправщик, пара военных машин и несколько мятых, древних «Москвичей» и «жигулят». Дорогих иномарок здесь нет. Этими краями безраздельно правила нищета.

- Объект на подходе, – произнес я в рацию, когда с моего пункта наблюдения засек машину.

Едва «БМВ», несущаяся по дороге, подставилась под наши выстрелы, я подал сигнал – работаем.

Негромко захлопал винторез. Пули пробиты шины. Машина вильнула. Ударилась в лежащий у обочины двухметровый кусок скалы.

Сработали подушки безопасности. В салоне все остались живы.

Из покореженного «БМВ» вывалился адъютант с автоматом. Получил пулю в плечо. И успокоился.

Оглушенный водитель с трудом освободился от подушки. Вылез из салона. Не обращая внимания на распростершегося майора, вытащил потерявшего сознание генерала и уложил на землю. Проклов открыл глаза и попытался приподняться. В руках он сжимал дипломат, который не выпустил, даже будучи в бессознательном состоянии.

Растерявшийся водитель обратил на нас внимание, когда мы уже слетели со склона. Распрямылся во весь рост. Я саданул ему прикладом в лоб, сбил с ног...

Генерал попытался дотянуться до автомата, который выронил раненый адъютант. Но я пинком отбросил оружие в сторону и присел на колено рядом:

- Когда же ты скурвился, сука?

- Живой, Земляк, – прохрипел генерал, называя меня по моему позывному. – Все равно конец. Конец тебе.

- Ты предатель. Говорить будем?

- Ничего я тебе не скажу. Стреляй.

- Как скажешь.

Я нажал на спусковой крючок. На допросы времени не было.

Сбив прикладом замки, я открыл дипломат. Внутри – плотно упакованные пачки стодолларовых купюр. Очередной транш в Москву.

- Командировочные, – усмехнулся я.

- На мелкие расходы, – кивнул Роб. – Ну и выдра лампасная.

Послышался отдаленный звук двигателя тяжелого грузовика.

- Уходим, – приказал я, закрывая дипломат.

*

Заместитель генерального прокурора грузный шестидесятитрехлетний государственный советник юстиции второго класса Николай Семенов, с трудом переводя дыхание, вылез из представительского «Мерседеса» во дворе длинного солидного сталинского дома на Фрунзенской набережной. Все-таки избыток веса – это очень плохо. Сто сорок килограмм...

Семенов взял лежащий на заднем сиденье объемный целлофановый пакет с продуктами и коробку с хорошим французским коньяком. Сегодня он ожидал из Салехарда своего школьного друга, бурового мастера. Колоссальная разница в социальном положении вовсе не мешала многолетней дружбе. Семья прокурорского работника отдыхала на даче в ближнем Подмоскowie, и встрече никто не помешает.

- Я отнесу, Николай Степанович, – вызвался шофер, перепрыгивая через лужу и подходя к шефу.

- Сашок, ты меня совсем за немощного держишь?

Вопреки расхожему представлению заместителя генпрокурора не охраняют матерые спецназовцы. Обычно эту задачу выполняет водитель, он же охранник, он же доверенное лицо. Но способен ли он уберечь хозяина от снайпера – ангела смерти?

Пуля проделала в черепе прокурорского чина аккуратную, ровную дырку. Даже странно, что такое несерьезное отверстие полностью несовместимо с жизнью.

Один хлопок – били из обычной винтовки. Водитель было кинулся к упавшему телу. Но, осознав, что происходит, отскочил в сторону, присел за машину, вытаскивая пистолет Макарова – совершенно бесполезный при таких раскладах.

Однако больше не стреляли. Водитель остался жив, потому что снайпер поленился лишний раз нажать на спусковой крючок...

Через несколько минут на месте происшествия человеческим водоворотом закрутились представители полиции, «Скорой помощи», фээсбэшники, замаячил «Форд» с надписью «Следственный комитет Российской Федерации». Все это воспринималось как следующий акт театральной драмы, постепенно переходящей в фарс. И тело на земле казалось реквизитом.

- Мы ведем репортаж... - бубнила корреспондент «НТВ».
- Наша камера установлена... - это уже обозреватель «РЕН-ТВ».
- По сообщениям наших источников... - заливалась соловьем представительница какой-то непонятной телекомпании.

Последующие дни, как свора голодных псов, получивших ведро лакомых костей, журналисты бесновались, строя самые разные предположения.

«Убийство связано с громкими делами по казино. Личность погибшего не фигурировала в расследовании, однако, как утверждают сотрудники Генеральной прокуратуры, пожелавшие остаться неизвестными...»

«Не исключен личный мотив драмы. Свидетели утверждают, что личные отношения убитого не раз являлись предметом различных разбирательств».

Источники били фонтанами. Истина была утоплена в извергаемой мутной жиже.

Только «Экспресс-листочка» - несерьезная газетенка, славящаяся бесстыдной скандальностью, напечатала скромно на третьей полосе в своем стиле:

«Даже ребенку детсадовского возраста известно, что любовные похождения и обиженные уголовники не имеют к убийству высокопоставленного прокурорского чиновника никакого отношения. Ну а любому старшекласснику известно, что имел место удар новой террористической группировки. А особо продвинутые студенты вам скажут, что на крыше дома, откуда снайпер стрелял в Николая Семенова, найден логотип «Альянса действия» - ладонь с растопыренными пальцами и круглой дырой в центре. Ждем комментариев от так называемых компетентных органов, чья компетенция давно вызывает сомнения».

Как ни странно, правы были именно они.

Снайпер бил с крыши пятиэтажки. Австрийскую снайперскую малокалиберную винтовку «Voerge», модель 1992, оставил на месте. На лифтовой будке вывел символ «Альянса действия» - недавно заявившей о себе террористической организации, о которой пока известно мало. Полтора месяца назад она взяла на себя ответственность за убийство журналиста праворадикальной газеты «Бизнесмен», выступившего с серией пасквильных статей о левом движении в России.

Тогда в подъезде, на месте расстрела журналиста, на стене фломастером, одним движением, с некоторым изяществом, была выведена рука с растопыренными пальцами и написано «Альянс действия». Вогнав человеку три пули, недрогнувшей рукой рисовать на стенах - для этого нужны железные нервы.

Убийство журналиста вызвало много шума. СМИ крайне болезненно воспринимают гибель своих коллег. Были версии, отчеты правоохранительных органов перед населением, громкие заверения. И на выходе - пустота. То же самое повторилось с убийством заместителя генерального прокурора. Представители власти били себя в грудь, заверяя, что такое преступление не может остаться безнаказанным.

Осталось.

Шумиха выдохлась. Подоспели другие, гораздо более важные события. Были назначены

выборы в Государственную думу, которые вскоре затмили все ранее достигнутые успехи в грязных политехнологиях манипулирования общественным сознанием. В беспощадную информационную войну вливались огромные деньги, в том числе из-за рубежа. Власть использовала административный ресурс. Улицы Москвы стали ареной митинговых страстей.

«Долой власть мздоимцев!» – этот лозунг злым ветром полетел по российским просторам.

Из забвения вылезли давно уже, казалось, списанные политические фигуры, в речах которых сквозило: «Дайте нам власть, мы очень хотим власти. Вы поруководили и поворовали всласть, дайте и нам заняться тем же. Вам жалко, что ли? Ведь мы такие опасные и зубастые. Мы умеем кусаться и собирать толпы».

В условиях жесточайшего противостояния парламентские выборы все же были проведены. Партия власти получила большинство голосов, традиционно собрав за себя на Кавказе и в национальных республиках более девяноста процентов голосов и с треском прогуд в Москве и Санкт-Петербурге.

- Мы за стабильность, мы за развитие, – обещали новые парламентарии.

- Вы за разложение, – отвечали оппозиционеры.

Экономическое состояние страны оставляло желать лучшего, социальные программы свертывались, олигархический капитал не желал делиться наворованным с народом, предпочитая скупать яхты и футбольные клубы, прожекты высасывали все соки из бюджета. Поэтому протестная база была достаточно широка.

Естественно, результаты выборов оппозицией были объявлены недействительными, а новая Дума – нелегитимной. Продолжились антиправительственные выступления.

В ответ власть собирала митинги из своих сторонников и просто людей, которым не улыбалась перспектива гражданской войны и взаимной бойни, неизбежных при развале государства. Политические силы разделились на два непримиримых лагеря: приверженцев социальных потрясений – «оранжойдов» и защитников существующего строя – «стабилов».

В Питере на Дворцовой площади в тот майский день собралась манифестация в защиту институтов государства. Проводила его партия «Объединенная Россия». Моросил мелкий дождь, и было прохладно. Но выступления звучали бодрее. Настроения позитивные.

Взрывное устройство рвануло рядом с трибуной, когда на нее взгромоздился депутат от правящей партии, известный и авторитетный хозяйственник. Его посекло осколками, но он остался жив. Три человека погибли, еще одиннадцать были ранены. Взрывное устройство оказалось встроенным в элемент крепления трибуны. Кто его туда засунул – установить не удалось.

При осмотре под трибуной была обнаружена металлическая пластинка с изображением красной руки – логотип «Альянса действия».

Ночью в Интернете появилось сообщение, которое до того, как его удалили, разлетелось по всему миру:

«Альянс действия» находится в состоянии войны с российскими и международными олигархическими кругами, лишившими народ свободы выбора.

Находясь в состоянии войны, мы оставляем за собой право не думать о потерях среди мирного населения, поскольку так называемые сограждане являются пособниками олигархии и врагами свободы.

Мы не добрые волшебники. Мы не несем вам счастья. Мы хирурги, удаляющие разросшуюся опухоль. Мы расчищаем, но не созидаем. Созидать придется вам.

Мы за власть трудящихся, но не закрываем дверь перед соратниками, готовыми идти на смерть, вне зависимости от исповедуемых религиозных и политических взглядов.

Нас много. Сотни. Завтра нас будут тысячи. Мы готовы умирать за вас и ваше будущее. И мы готовы убивать за него.

Время подходит. Время выбора.

Мы будущее мира. А кто вы – решать вам!»

*

В квартире царил идеальный порядок, все находилось строго на своих местах. Кухня сияет чистотой. Холодильник заполнен разумно. На полках и в серванте стоят многочисленные фарфоровые фигурки. На стенах – примитивные лубочные картины с утопающими в зелени сельскими церквушками.

Казалось, не обошлось без женской руки. Но женщины здесь нет. И похоже, не будет. Во всяком случае, при мне.

Идеальный порядок меня приучили поддерживать в армии. А до этого дядя Володя. Он был тоже фанатик порядка, в армии дослужился до подполковника. И, бывало, говорил мне назидательно:

– В мире и так слишком много хаоса. Поэтому вокруг человека, если в нем есть разум, должен быть порядок.

Как-то всегда получалось, что я тщательно, не жалея сил и средств, обустроивал жилье. Хотя понимал, что надолго мне в нем задержаться не суждено.

У меня никогда не было своего надежного дома, своей прочной, надежной, на века, крепости. Были лишь временные пристанища. У меня не было семьи – были временные привязанности, которые рвались легко, как гнилые нитки.

Сколько лет прошло после того, как мы дезертировали? Пять!

Я никогда не думал, что мне придется заниматься тем, чем я занимался сейчас. Я с детства был готов драться насмерть. Но с открытым забралом.

А теперь кто я?

Призрак?

Воспоминание?

Ночной ужас?

Трудно сказать. Да и неважно. Главное, что теперь у меня есть цель. Таким, как я, она необходима.

Я полулежал на диване с дистанционным пультом в руке, бездумно переходя с одного телеканала на другой. Совершенный полутораметровый светодиодный экран демонстрировал фабрику глупого тщеславия, пустых и пошлых славословий.

- И вот долгожданные еженедельные новости из мира звезд, - радостно верещала декольтированная ведущая.

...Гениальная певица всех времен и народов зацепила нового малолетку, обещав обвенчаться с ним в церкви. Певцу голубых кровей вручен орден за заслуги перед Отечеством. Продюсер отнял у другой великой певицы их ребенка и вывез в США.

Политика. Альянсы, продажи союзников и союзы с врагами. Все идет из века в век. Митинги и демонстрации. «Долой лживые выборы. В топку ненародных избранников».

Криминальная хроника. На Дальнем Востоке исчезли три девушки, истерзанный труп одной нашли в лесополосе. Изнасилование пятилетнего ребенка. Интервью с губернатором одной из областей, находящимся в международном розыске за хищение пятисот миллионов бюджетных денег и чинно проживающим ворованное в Англии.

Хаос. Он напирает на мирок этой тихой квартиры со всех сторон. Он готов раздавить его, как скорлупу.

По третьему каналу фильм - советский, про басмачей тридцатых годов. Вот это мое, родное.

До сих пор вспоминаю, как мы уходили, оставив за собой расстрелянного генерала. Как объявили на нас гон.

Мы знали, что скоро все возможные пути отхода будут перекрыты. И не стали пытаться вырваться обычным путем в Россию, по компасу на север. Двинули на юг, на вражескую территорию. Перешли границу. На себе несли оружие, боеприпасы и чемодан с миллионом ста пятьюдесятью тысячами долларов.

Пробирались горами и ущельями. Маскировались. Экономили еду и воду. Роб повредил ногу и сломал ребро, не удержавшись при переправе через горную речку. Пришлось тащить его тушку на себе. Обвалом нас чуть не накрыло и разбило камнем пулемет у Мамонта - чудо, что он сам остался жив. Чудо, что мы все остались живы.

Мы преодолели владения «Талибана» и выбрались в Узбекистан.

О том, куда идти дальше, - споров не было. У нас есть Родина. И мы не собирались оставлять ее. ГСН не погибла. Она возвращалась домой.

У Мамонта и Шатуна были семьи. Благодаря тому, что мы вовремя их предупредили, и такие варианты прорабатывались нами заранее, жены с маленькими детьми смогли эвакуироваться, бросив жилье и имущество. Сумели запутать следы.

Гром до армии имел богатую биографию, пересекался с одной из влиятельных криминальных структур, и случилось так, что ее лидер был обязан ему жизнью. И пришла пора отдавать долги. Через него за часть генеральских денег мы выправили документы, сделали пластические операции, изменив внешность до неузнаваемости. Оставшиеся деньги поделили.

- Ну что, братцы, расходимся, - сказал я. - Так будет лучше. Пора устраиваться в новой жизни.

И мы разошлись. Теперь у каждого свой путь.

Правда, договорились об экстренной связи: через Интернет, через почтаматы. Каждый из нас должен был иметь возможность в любой момент собрать всю группу.

Потратив бо?льшую часть своей доли, я купил однушку в Москве. Устроился механиком на автобазу.

Размеренная жизнь, несложные, хорошо знакомые обязанности. Я был создан не для того, чтобы только воевать. Меня всегда привлекали мощные механизмы, перерабатывающие энергию в движение.

Я думал, что смогу выстроить себе убежище. И выйти из игры. Забыть о том, что я капитан спецназа, что у меня за спиной приговор, приговор бандитов. Но вернулись мы в страну, которую сотрясали социальные тектонические сдвиги. Которая висела на волоске.

Я переключил программу.

- Сегодня произошел взрыв на стихийном рынке около метро «Братиславская». Ответственность на себя взяла ставшая популярной в последнее время организация «Альянс действия». К другим новостям. Продолжается голодовка членов оппозиционного движения «Ярмо». Как сказал руководитель Ярилов, он готов умереть за честные выборы.

И вот интервью с известным астрологом - в июне ожидаются погодные аномалии, техногенные катастрофы на Дальнем Востоке и террористические акты в европейской полосе России.

- Почему прогнозы в последнее время настолько мрачные? - спросила телеведущая.

- Земля избавляется от лишних людей, - улыбнулся снисходительно астролог.

Я со злостью нажал кнопку и отключил зомбо-ящик. Отбросил пульт на диванную подушку.

Земля избавляется от людей. Вот же сволочь!..

Уже четыре месяца минуло с той кровопролитной питерской акции, когда мы зачистили анархистскую террористическую группу «Планета и воля», виновную в гибели полусотни мирных граждан. Все это время меня не тревожили. Мой опыт говорит о том, что такое затишье до добра не доводит. Оно в один прекрасный момент обрывается, и тогда все идет вразнос.

А может, обо мне просто забыли? Я больше не нужен? Изменились методы и приоритеты?

Вряд ли... Интересно, что со мной сделают, когда я стану не нужен? Не думаю, что Куратор спишет меня, как списали бывшие командиры. В нем есть стержень, который не позволяет предавать своих. Поэтому я и согласился с ним работать. Скорее всего, обо мне просто забудут.

Я взял смартфон, на самом деле являющийся сложным и секретным средством связи.

- Ну, чего ж ты все молчишь? - произнес я.

И, будто откликнувшись, смартфон вздрогнул, на экран высыпали цифры.

Накликал. Как по волшебству.

Я расшифровал информацию. Ну что ж, вспомнили обо мне. Нужен я еще...

Посмотрел на часы. До встречи с Куратором оставалось полтора часа.

Интуиция не подвела.

Когда все трещит по швам, вспоминают о Земляке и его команде.

*

У Куратора были странные привычки и чудачества. Ответственные встречи он предпочитал назначать не в кабаках и не на конспиративных квартирах. Его, ценителя изящных искусств, тянуло в музеи, выставочные залы.

Вот и сейчас он выбрал Пушкинский музей. Что радовало – на улице жара, а в залах прохлада.

Я неторопливо поднялся по парадной мраморной лестнице, меня обогнала японская делегация – шустрые, быстрые, обвешанные фотоаппаратами.

Теперь в итальянский зал. До встречи оставалось минут пять.

В давние советские времена во многих московских музеях имелись специальные помещения, где сотрудники ОГПУ-НКВД-КГБ из года в год, из десятилетия в десятилетие встречались с источниками информации, как правило, с иностранцами. С той поры много воды утекло. Нет уже этих помещений. А традиции встреч остались.

Зал заполонила делегация американцев, и по мановению руки экскурсовода они послушно и добросовестно, на все заплаченные деньги, пялились на застывшую на веки на постаменте суровую чугунную статую кондотьера Гаттамелата – знаменитого предводителя венецианских наемников. И на фигуру Давида, похожего чем-то на гопника, раздетого для проведения тщательного личного обыска.

Сзади почти неслышно появился Куратор – крепко сколоченный, мужчина лет пятидесяти пяти, похожий на матерого седого бобра, в легких джинсах и рубашке навыпуск. В руке он сжимал потертую барсетку.

- Любуешься? – спросил он.

- Не по себе мне рядом с истуканами.

- С истуканами, – усмехнулся Куратор. – Не сотвори себе кумира... А знаешь, странно получается. Иван Цветаев создавал этот музей как собрание слепков и копий для юношества с целью обучения истории мирового искусства. Тут раньше были только копии. И здесь я всегда пытаюсь понять, что все же важнее – форма объекта, то самое уникальное искривление пространства, создающее гармонию сфер, и тогда копия имеет полное право на существование наравне с оригиналом. Или важна сама вещь – камень, металл, которых касался автор своей гениальной рукой.

- Важнее, конечно, форма.

- Ты быстр в суждениях.

- Сужу по себе. Я сам копия. Того самого капитана ГРУ Сергея Гончаренко. Феникс, восставший из пепла. И вы автор этой метаморфозы.

- За что тебя люблю - так это за нестандартность суждений...

Мы преодолели несколько исторических периодов и оказались в греческих залах. Устроились на мягкой скамейке на балкончике, откуда открывался вид на античные скульптуры и копию части колоннады афинского акрополя.

Мимо прошелестела стайка школьников младших классов - как ветер прошел, поднимая вверх, будто шелуху, детские голоса.

- Моя группа расконсервируется? - без всяких дипломатических экивоков взял я быка за рога.

- В точку, - кивнул Куратор.

- Объект - «Альянс действия»?

- В корень зришь.

- Вы в тупике... Хоть что-нибудь нарыли?

- Ничего. Сегодня в их активе - два десятка погибших.

- Бывало хуже.

- Важна тенденция, Сережа. Интенсивность растет.

- Отработали версии хоть качественно?

- Отрабатываем контингент, притом жестко. Смотрим аналогичные преступления. Проводим аналитику по объектам посягательств. Активизируем агентуру. И все без толку.

- Если бы все террористы вычислялись по алгоритму, мы бы их всех давно вывели.

- Понимаешь, все наши бандиты подлежат классификации. Ваххабиты, ультралевые. Действуют в строго отведенных рамках. Мы знаем, от кого что ждать. «Альянс» не вписываются ни в какие схемы.

- Лозунги у них громкие, - отметил я. - И беспощадные. Они надеются завоевать сторонников?

- Думаешь, им нужны сторонники?

- А что им нужно? Неразбериха и бардак?

- Что им нужно и кто они такие, расскажешь мне ты. Когда выполнишь задание.

- Вы обо мне слишком высокого мнения.

- Капитан, ты удачлив. На эту удачливость я надеюсь больше, чем на все научные методы ведения поиска.

- Удача - дама изменчивая.

- Так охмури ее! - Он протянул мне флэшку и назвал код доступа. - Сергей, сколько мы

работаем вместе?

- Четыре года.
- Какие мы с тобой дела делали.
- Лихие. Матерых волков давили.
- Так вот, я чувствую, это все щенки были. И сейчас игра начинается по-настоящему крупная.

*

Я нырком ушел от бокового удара, принял на перчатку еще один удар, подставил ногу, пресекая сокрушительный пинок ногой в живот.

И выстрелил кулаком в солнечное сплетение.

Роланд застыл на миг и согнулся, не в силах восстановить дыхание. Осел тяжело на маты.

Со стороны казалось, что такую тушу, за сто тридцать кило весом, с мощным загривком и бугрящимися мышцами, никаким ударом пробить невозможно, особенно рукой в перчатке, да в солнечное сплетение.

Но можно все. Человек - вообще существо хрупкое. Любого можно свалить даже несильным ударом, если знать, куда и как бить. Для этого нужно просто выждать удобный момент.

А в выжидании удобного момента мне равных нет.

- Чистая победа, - поднял руку Жук - двухметровый, грузный, широкоплечий, лысый сорокачетырёхлетний верзила в камуфляжных брюках и майке. Два глубоких шрама, рассекавшие лицо, придавали ему зловещий вид.

Роланд с трудом встал и доплелся до скамейки. Поднял на меня укоризненный взор.

- Ну, ты и бить горазд, Чак, - переведа дыхание, выдавил он, назвав меня по прилипшей в последние годы кличке - производной от мастера единоборств Чака Норисса.

«Мог бы и убить», - подумалось мне. Убивать даже легче. Все рефлексy, которые мне привили, были заточены на то, чтобы за кратчайшее время уничтожить противника. В спортивных схватках приходится их сдерживать.

Но этим людям не нужно знать о специфических навыках, которым меня обучали очень крепкие специалисты - настоящие мастера, из тех, кто не участвует в спортивных боях, зато имеет обширный опыт участия в боях настоящих. В смертельных боях, в которых уже то, что остался жив, говорит о многом.

Жук хлопнул в ладони:

- На сегодня тренировка закончена, братья. По домам.

Пара десятков качков издали в едином порыве громкий боевой клич:

- Россия, ура! Ура! Ура!

Вычурная вывеска на дверях спортзала гласила, что здесь расположен спортивный клуб «Эра Водолея». Помимо развития боевых навыков в его планах значились изучение русской истории, патриотическое воспитание.

Здесь собирались молодые, сильные ребята. Не курят и не пьют. Готовятся к борьбе. Вот только в какую борьбу их втянут? И какие времена нас ждут?

Через пятнадцать минут зал опустел, в нем не осталось никого, кроме меня и Жука.

- Хороший материал набрал, - отметил я.

- Это не материал, - укоризненно произнес Жук. - Это будущие соратники... Пошли по улице пройдемся, что здесь сидеть?

Не исключено, что спортзал начинен микрофонами. Ни ФСБ, ни подразделения по борьбе с экстремизмом не пройдут мимо такого рассадника русского национализма.

Жук не скрывал, что стоит на крепких националистических позициях, мечтает о возрождения России с доминированием русского народа и пропагандирует самые жесткие способы решения вопросов нелегальной миграции. Пару раз его пытались привлечь за разжигание национальной розни, но он срывался с этой статьи Уголовного кодекса.

Во многом я не соглашался с Жуком, во многом его взгляды мне казались крайними, но уважал его за то, что он один из тех, кто свято верит в русский дух, в будущее России. У него есть непоколебимые принципы. А это дорогого стоит.

А еще Жук - мой старый друг, который сильно поддержал меня в период безвременья.

Ну а кроме того, он был моим агентом. Точнее, союзником. Нас не роднили деньги и компромат. Просто однажды я сумел его убедить в своей правоте. Так же, как в свое время меня убедил в своей правоте Куратор.

Дневная жара отпустила, был прозрачный, изумительный вечер. В скверик высыпали мамы с колясками. С ногами на скамейках водрузились болезненно веселые, с банками пива подростки. На траве сидели на корточках пятеро молчаливых смуглых среднеазиатов. Рядом с лавкой спал, обняв кулек с тухлым тряпьем, член гильдии бомжей демократической России.

- Грязь, - произнес Жук. - Когда мы будем ее убирать?

- Это накипь, Жук, - поморщился я. - Если будем живы, сотрем ее рано или поздно. Только нужно, чтобы ребята, которых ты натаскиваешь, не сгорели в пламени междоусобицы. Это наше будущее.

- Пламя... Если вспыхнет, будем тушить его своими телами...

- Все к тому идет. Ты слышал об «Альянсе действия»? - спросил я. - Что думаешь?

- Властные разборки. Или Кавказ что-то затеял - зверькам чем хуже, тем лучше.

Жук имел обыкновение во всех бедах обвинять инородцев.

- Жук, «Альянс» - враг. Мы должны его обнулить.

- Не вопрос... Как искать будем?

- Количество терактов подразумевает втягивание в процесс многих людей. Должен «Альянс» откуда-то черпать отморожков. Ты вращаешься в среде лиц, склонных к активным действиям.
- Вращаюсь. - Жук задумался. - Знаешь, пару месяцев назад один из моих парней говорил, что к нему заход делали. Мол, пора делом заняться. А не груши молотить в подвалах.
- Кто обращался?
- Не знаю. Просто Сема обмолвился. Со смехом.
- Вышибалы много кому нужны. Нацикам. Бандитам.
- У Семы в армии профессия хитрая была.
- Какая?
- Взрывник.

*

Скачут, повинуюсь пульту в моей руке, программы на экране. Рушатся на голову обывателя клиповые новости. Двадцать секунд - кусок информации проглочен. Следующая. Мозаичная информация. Мозаичная жизнь. Растущая тревога.

Есть новости ударные и фоновые. Ударные нагнетают энтузиазм, страх и истерию. Энтузиазм сегодня не нужен никому. Истерия - ходовой товар.

Главная ударная новость, как таран взламывающая общество, - кадры разгона очередного митинга.

Романтическим символом протестного движения стали синие бантики на блузках и рубашках от Версачи. И теперь «синибанточники» бузили без усталости.

Толпы офисных хомячков стремились к чему-то неясному и неуловимому, чтобы все как на Западе, либерально - чтоб разделение властей, свобода и, главное, чтобы деньги сыпались с неба, чему коварно мешают бюрократы.

Широкие массы националистов мечтали вытеснить национальные меньшинства.

Сексуальные меньшинства мечтали вытеснить сексуальное большинство и сделать гей-парады еженедельными и общеобязательными.

Фашисты мечтали об официозной свастике.

Коммунисты - о звездах на телебашне.

У всех была болезненная несбыточная мечта. И дорога к ней шла через смуту.

Три месяца назад был отменен фискальный закон о некоммерческих организациях, и в страну полноводной рекой хлынуло финансирование протестной волны от зарубежных фондов, обществ и клубов, которыми, как фиговыми листочками, прикрывались разведки самых разных стран.

И результат был. На телеэкране кровь на асфальте, запруженная демонстрантами Болотная

площадь, ставшая аналогом римского Колизея, там все время проходили гладиаторские бои в формате «ОМОН против либеральной оппозиции».

Вот демонстрантов тащат в омовские автобусы. Борцы за свободу упираются и пинаются, не уставая цитировать Конституцию – что-то про свободу собраний.

Известная светская журналистка, похожая на продавщицу пивного ларька, визжит в голос, как в палате для буйных: «Спасите, люди! Бейте ментов!» Ее заталкивают в автобус вместе с толпой геев – самой надежной опорой либеральной революции.

– Представители адвокатского сообщества протестуют против чрезмерного применения силы в отношении демонстрантов, – вещала ведущая с торжественным видом. – В действиях спецподразделений полиции, по мнению адвокатов, усматриваются признаки превышения власти. Также Объединенный союз правозащитных европейских организаций осудил факты...

Щелчок. «РЕН-ТВ». Зарубежные новости.

Мировая экономика напоминала самолет в руках пьяного пилота. Цены на нефть бились, как в лихорадке, то взмывая до небес, то ныряя в глубины океана. Мировые валюты то ли намеревались, сделав мертвую петлю, выздороветь, то ли, войдя в штопор, рухнуть и отдать концы.

В Африке продолжалась бойня. Вырезались христианские деревни. «Аль Кайда» оккупировала потихоньку арабские страны, перед этим от демократизированные «Томагавками» мирового сообщества.

Щелчок. Канал «Культура».

– По оценкам ученых-экологов, биосфера Земли вступила в эпоху необратимых изменений. Под угрозой существование человечества, которое не переживет текущего столетия...

Не переживем? Тогда чего дергаться? Не лучше ли пожить красиво?

Хрен с ними со всеми. Надо работать. О гибели биосферы будем думать в свободное время.

Но с работой не клеилось. Пять дней назад Куратор выдал мне флэшку с заключениями экспертиз, протоколами, фотографиями мест происшествий. А также с бесконечными списками подозрительных лиц и результатами их отработки. И ничего полезного!

Нужна зацепка. Логика и улики – это хорошо. Но ничто не заменит полноценного агентурного сообщения.

Я прошелся по своим источникам оперативной информации. Посетил места, где загадочная фигура по кличке Чак (ваш покорный слуга) имела вес. Где знали, что Чак крут, за ним много чего героического и противозаконного, но об этом говорить нельзя, поскольку длинные языки режут. Авторитет я зарабатывал долго. Мы с Куратором провернули не одну комбинацию, чтобы убедить общественность – Чак чистый отморозок, готов на все, и при этом хитрый змей, всегда уползет и затаится. Для этого пришлось отсидеть три месяца в следственном изоляторе в Лефортово.

Пять дней я дышал дымом марихуаны и морщился от запаха пота в спортзалах. Побывал в качалках, где нацики наращивали мышцы, в студенческой общаге, где тусовались радетели за счастливое будущее человечества, в музыкальных кафешках.

Меня уважали, угощали пивом. Со мной трепались о необходимости построения царства справедливости на земле и пользе тотального террора. Пришлось разбить пару морд, когда со мной не желали общаться или общались недостаточно почтительно.

- «Альянс действия» - вот сила. А мы... - горестно сетовал один из несостоявшихся террористов, полностью деморализованный после короткой беседы в управлении по борьбе с экстремизмом.

- Себя силой не считаешь? - спросил я.

- Куда там. Ботаны мы. Только траву курим, - бросил кухонный революционер, давя в пальцах косячок. - Да терки дурацкие трем.

«Альянс действия» все эти ребята упоминали с уважением, но говорили как об инопланетянах - вроде они и должны быть, но никто не знает, как выглядят.

Идея насилия и террора бродила в среде этих мальчиков и девочек, вскипая и пузырясь, как перебродившая брага. Она же будоражила более серьезных ребят, реально готовившихся к вооруженной борьбе. Бандиты, с которыми я тоже пересекся, также были все в ожидании большого куша, который ухватят, когда все пойдет вразнос.

- По мне чем хуже, тем лучше, - заявил мой знакомый, отъевшийся хряк из подмосковной группировки. - Если мочилово пойдет, мы свое возьмем.

- Кто вы? - любопытно спросил я. - Ваши паханы?

- Паханы? Нет, их этот порядок устраивает. Они в него вросли. А нам нужны перемены. Мне надоело шестерить. И если большой кибиш пойдет, я с братанами свое возьму. Так что подумай о разговоре. Я тебя буду иметь в виду.

- Подумаю.

После одной такой теплой беседы я засек за собой наружное наблюдение. Аккуратно оторвался. Интересно, кому я понадобился? Скорее всего, попал в поле зрения фээсбэшников, отрабатывающих экстремистскую молодежную среду. Обо мне, кроме клички, они ничего не знали, а слухи о серьезном, в возрасте под тридцатник, человеке бежали впереди меня. Вот и решили уложить меня в адрес и начать разрабатывать. Интерес был сиюминутный, иначе я бы так просто не сорвался и пришлось бы просить Куратора оградить меня от его коллег.

Жук после нашего разговора на звонки не отвечал. В спортзале его не было. Я уже начал беспокоиться, учитывая его способность ввязываться в разные дела. Он человек слова. И если сказал, что сделает - значит, так и будет.

Жму на кнопку. Щелчок. Это уже молодежный канал.

- И из жизни звезд. Участница шоу «Секс и любовь в застеколье», бывшая порнозвезда выходит замуж за владельца сети ресторанов в Москве. Желаем любви и хорошего секса!

Зазвонил телефон.

- Чак, можешь подобрать меня в Можайском районе? - послышался усталый голос Жука.

- Когда?

- Чем быстрее, тем лучше.
- Ты туда пешком добрался?
- Не время для вопросов.
- Давай координаты.
- Записывай.

Я натянул потертые джинсы и просторную рубашку, засунул за пояс «Глок» - когда связываешься в дела Жука, лучше иметь при себе ствол.

Во дворе стоял скромный темно-синий «Форд Фокус» в идеальном состоянии. Надежная машина для людей моего рода деятельности - это лишняя возможность выжить.

До места я добирался почти три часа. Съехал с шоссе, покрутился по грунтовым дорогам меж сосновых лесов, огороженных колючей проволокой имений. Вот и точка randevu на проселочной дороге к разрушенной свиноферме.

На изъеденном временем колесе от трактора «Беларусь» сидел Жук. Рядом стоял невысокий, квадратный тип, руки как грабли, борода лопатой, угрюмый взгляд - чистый гном. Оба в джинсах, клетчатых рубашках, с рюкзаками.

Я распахнул дверцу:

- Карета подана, господа.

Жук плюхнулся на переднее сиденье, а гном устроился сзади, долго шурша и выбирая удобную позу.

- За грибами ходили? - Я тронул машину с места.

- За ягодами, - буркнул гном.

- Много набрали? - Я кивнул на рюкзак.

- Все наши.

- Повежливее, Сема, - с веселыми нотками в голосе произнес Жук. - Ты хоть знаешь, кто это?

- Водила, кто же еще.

- Это Чак.

- Тот самый, что ли? - озадаченно произнес гном.

Похоже, в узких кругах обо мне складывают саги.

- Тот самый. А это Сема, взрывник, - продолжил Жук. - Помнишь?

- Тот самый? - усмехнулся я.

- Тот самый.

*

Совещание проходило в высотном здании ФСБ на Волгоградском проспекте. Просторный, с дорогим евроремонтом и современной мебелью в стиле хай-тэк, кабинет был надежно защищен от прослушки. Меры предосторожности нелишние – то, что обсуждали здесь, могло взорвать всю внутрисполитическую обстановку. И похоронить собравшихся здесь людей, притом в прямом смысле слова.

Во главе стола возвышался вальяжный седовласый генерал-лейтенант Роман Панасенко, по виду – эталонный чиновник, с мудрыми усталыми глазами, печалющийся за страну и народ. Полковник Александр Ломакин, он же Куратор, жадно глотал холодную газированную воду. Напротив него положил пудовые кулаки на стол лысый громила с исполосованным шрамами широким лицом и слегка узкими восточными глазами – это Батыр, он же генерал-майор Виктор Юрасин, в прошлом легендарный руководитель «Альфы». Листал блокнот полковник Панкрат Гаврилов – худощавый, в очках, по виду канцелярская крыса, на деле прекрасный аналитик и хитрый, как змей, опер.

– Хочу поздравить вас, коллеги. – Генерал Панасенко обвел глазами своих заместителей. – Мы дружно проспали появление мощной террористической организации. Наши хваленые агентурные сети, наша супертехника, позволяющая заглядывать в любую замочную скважину и слышать любой шепот. Где они? Товарищ Гаврилов, что скажете?

– Соглашусь. Против нас действует разветвленная террористическая сеть, в которую вовлечены большое количество людей и серьезные средства. Ее формирование прошло мимо нас. Гадать, кто они и что представляют, без конкретной информации бесполезно.

– Ну почему же. Вон, аналитики ударно поработали. – Панасенко хлопнул по пачке бумаг. – Расписали, бумагомараки, все, от царя Гороха до наших дней. Истоки террора. Тактика действий террористических групп. Сто двадцать страниц. Это диссертация, литература, публицистика. Но только не аналитический документ, который позволит ухватить врага за хвост.

– Подпись генерала Пустовалова, – хмыкнул Гаврилов.

– Генерал Пустовалов идиот, – произнес Панасенко. – Из призыва дураков.

Присутствующие отдали не один десяток лет службе в органах госбезопасности. И помнили много. Как в начале девяностых годов последний Председатель КГБ СССР, видный либерал, сдал государственные секреты американцам, выкинул на улицу большинство толковых сотрудников и написал об этом книгу «Избавление от КГБ».

Тогда престиж службы и зарплата упали до нуля. Образовался кадровый вакуум. На должности оперативников стали массово принимать прапорщиков, проверявших на воротах документы, тыловиков, тюремных контролеров. Думали, они долго не удержатся, а потом наберут умных. Но некоторые виды паразитов очень легко заводятся, а потом их не выведешь из-за феноменальной приспособляемости. Теперь эти бездари и интриганы стали генералами.

Когда авторитет спецслужб начал восстанавливаться, выяснилось, что ситуация катастрофическая. Система потеряла эффективность. И как ее восстановить – не знает никто.

Сегодня ФСБ на первый взгляд – это обычная конторка, типа полиции, только еще лезущая в политику и присматривающая за структурами, куда другие органы не пускают.

Вместе с тем уровень угрозы национальной безопасности настолько высок, что наличие

дееспособных спецслужб – это вопрос выживания государства. И нашлись в свое время умные люди, чьими стараниями ФСБ сегодня похожа на капусту. Снаружи – вялые завядшие листья. Ближе к центру – крепкая кочерыжка. В каждом подразделении оставались настоящие опера – пусть и не на руководящих должностях, но с некоторой свободой действий. Были боевые отделы, зачищающие террористов и громящие иностранную агентуру. А еще было создано несколько хитрых подразделений, сам факт существования которых являлся гостайной высочайшего уровня – это последняя линия обороны.

Официально подразделение, которым руководил генерал-лейтенант Панасенко, именовалось «Управлением по реагированию на новые вызовы и угрозы». За этой ширмой скрывалась «НК» – нелегальная контрразведка.

На последней коллегии ФСБ вновь звучали грозные призывы неукоснительно соблюдать права человека и законность. На самом деле спецслужбы созданы для того, чтобы нарушать законы. Шпионаж – это уголовное преступление. То есть вся Служба внешней разведки создана для нарушения уголовного законодательства зарубежных стран. А внутри страны чем лучше? Нормальная спецслужба ведет настоящую войну, где противника перекупают, уничтожают, разоряют. А какие законы мирного времени пригодны на войне?

Формально задачей «НК» является «предотвращение террористических актов на стадии приготовления». Руководство чаще трактовало это как физическую ликвидацию источника угроз.

– Александр Аверьянович, мы сегодня не слышали вашего мнения, – произнес генерал Панасенко.

Куратор побарабанил пальцами по столу:

– Террористическая активность «Альянса» будет возрастать. Они не успокоятся. Они будут бить по самым больным местам. Это не фанатики, а комбинаторы.

– Их цель?

– Узнаем. Когда возьмем их.

– Стоит задействовать по полной программе группы контртеррора. – Панасенко без особой охоты принимал такие решения, зная, насколько острое это оружие.

– Уже задействовал, – бросил Куратор.

– Без согласования? – приподнял бровь генерал.

– Я принял решение в рамках полномочий. В соответствии с пунктом пятым Протокола. И сейчас считаю нужным доложить об этом.

Система «НК» была основана на том, что каждый из собравшихся при формальном подчинении руководству обладал полной свободой применения подчиненных сил. Если считалось, что руководитель сектора превысил допустимые рамки, это рассматривалось позже на совещании Управления, а потом у Директора ФСБ – единственного, на ком замыкалась эта система.

– Результаты есть? – спросил Панасенко.

– Пока нет, – покачал головой Куратор. – Мы делаем все.

- Если так пойдет, то и нас взорвут, - подал голос генерал Юрасин.
- Это будет прискорбно. Но не смертельно, - усмехнулся Куратор.
- Все, совещание закрыто, - хлопнул по столу ладонью Панасенко.

Действительно, пора работать. Здесь не любили чесать языками.

*

Жук работал при нашей автобазе в конторке, созданной для распила бюджетных денег - то ли менеджером, то ли завхозом. На офисного хомяка он походил меньше всего. Огромный, накачанный, суровый.

Я считал его кем-то вроде бандита, крышующего автобазу. Такую публику я предпочитаю обходить за километр. Но как-то мы оказались с ним на общей пьянке - он не считал зазорным общаться с рабочим классом. Мы разговорились, и я понял, что тут совершенно иной случай. Передо мной был фанатик. Человек, иступленно преданный идее возрождения России.

Тогда ему уже стукнул сороковник. Он вел секцию рукопашки, куда привлекал молодежь, руководил патриотическим клубом «Эра Водолея». И был одним из лидеров полулегальной организации «Русский реванш».

На той памятной пьянке он пригласил меня в секцию:

- Ты парень молодой, сметливый. Приходи. Присмотришься, может, понравится.

И я пришел в спортзал. Узнав, что я имею некоторое представление о рукопашке, Жук предложил «отстукивание» - пристрелочный бой с его питомцами. На рукопашку меня натаскивали с детства. Так что при моем сухощавом сложении уделал я здоровенных качков и даже не вспотел.

С Жуком мы обменялись несколькими ударами. И я понял, что смогу уделывать и его. Он это тоже понял. Прервал бой. Хлопнул меня по плечу:

- Мастер.

Я стал захаживать в спортзал.

Тренировки сочетались с «бдениями» - Жук очень увлекательно рассказывал об истории России. О беспощадных войнах, где закалялся русский дух. О том, что и нам пора решать - хотим ли мы оставаться народом-победителем или стать жертвенной коровой на геополитическом разделочном столе.

Постепенно мы сближались. Однажды я узнал, что деятельность Жука тренировками и проповедями не исчерпывается. Тогда в тренерской комнате, в углу, мерцал экран телевизора. Показывали репортаж о задержании добрых молодцев, совершивших налет на грязную общагу на окраине Москвы, где обитали чернокожие наркоторговцы. Смаковались кадры, где «русских скинхедов» загружали в полицейские автомобили.

Жук чертыхнулся:

- Мои ребята. Надо вызволять. Адвокатов искать.

- Хоть не ты их туда послал?

- Я похож на дурака? Они откололись пару месяцев назад. Хотели всего и сразу. Но помогать надо. Мы своих не бросаем.

Постепенно мне открывалось, что Жук является идеологическим вдохновителем нескольких боевых групп. К нему многие приходили за советом. К его словам прислушивались ребята, больше не слушающие никого и не признающие никаких авторитетов.

- Вы хотите убивать таджикских дворников? - резко отчитывал он их. - За цвет кожи? Мы не можем ровнять всех под одну гребенку. И бить таких же бедолаг, как и наши работяги. Они же сами жертвы, у нас общие враги.

- Зверьки должны знать место, - хмурился необъемных размеров коротко стриженный битюг.

- Это не наш путь. Мы должны быть выше, умнее, организованнее. И силу использовать лишь тогда, когда нельзя иначе. Но тогда бить так, чтобы любая мразь трепетала, только завидев русский кулак.

Позже я узнал, что Жук являлся организатором нескольких громких силовых акций. Та нашумевшая история, когда следователь хотел выпустить горцев, насмерть расстрелявших двоих русских ребят из травматики. Родители джигитов были большими шишками. Тогда я увидел, как может стремительно разворачиваться машина «русских дружин». За считанные часы было организовано многотысячное пикетирование прокуратуры и МВД. Переполнены информацией СМИ и Интернет. Поднят такой шум, что власти реально испугались, в результате виновных осудили.

Однажды Жук собрал дружину и рванул в Ивановскую область, где местные мужики схлестнулись с чеченской мафией. Порядок там навел быстро, жестко и без шума.

Жук не пытался втягивать меня в свои дела. Хотя понимал, что я не просто приятный собеседник и хороший спортсмен. Что у меня за душой есть что-то стоящее.

Но однажды он попросил меня. На двоюродную сестру его сотрудника наехали диковатые кавказцы. Одно время она крутила любовь с кавказцем, и тот теперь считал ее своей собственностью. Обещал взять за волосы и уволочь в свой аул. Увозил пару раз от дома на машине, угрожая: «Пикнешь, сверну шею, я человек важный, мне ничего не будет».

- Непорядок это, - сказал Жук. - Своих надо выручать. Разомнемся?

- А что? - бесшабашно махнул я рукой. - Можно.

Двое важных бабуинов ждали у подъезда свою жертву. Кстати, к кавказцам я отношусь толерантно - и в детстве, когда жил в Чечне, и на войне видел их разных. Среди них были мои друзья, с которыми я пошел бы в любую разведку. Но количество дикарей, сорвавшихся с гор в Центральную Россию, в последнее время зашкаливает.

Мы с Жуком покуривали в сторонке, глядя, как во двор заходит тоненькая испуганная девчушка. И бабуин подваливает к ней со словами:

- Ты чего, праститутка, не поняла?

Схватил ее за локоть и поволол в сторону красного «Ауди».

И тут мы. Вырубили их с трех ударов. Забрали пистолет «ТТ». Одного бабуина кинули в багажник нашего джипа, другого – в салон.

В лесочке за МКАД состоялся душевный разговор. Я припомнил науку интенсивных допросов в боевых условиях. И превратил гордых джигитов в расплывшихся слизняков. Если первыми их словами были: «Убьем тебя, твоих родственников и эту билядь», то в конце звучало униженное: «Не убивай, брат».

Жук сфоткал обоих на мобильник с фаллоимитатором в интересном месте. Да еще друг с другом. И сжал увесистый кулак:

- Понимаешь, что ты у меня теперь вот здесь?
- Все понимаю, – блеял бабуин.
- Не забудь, что с тебя двадцатник зелени. Завтра.

Через два дня в спортзале Жук протянул мне пачку стодолларовых купюр.

- Часть ушла девчонке в качестве компенсации. Наша доля пополам.
- Не надо. Я за идею.
- А я за что? Но обезьяну ошкурить – сам Господь завещал.
- Ладно. – Я взял деньги, усмехнувшись про себя – вот так становятся бандитами. Хорошо еще, если благородными.
- Не кривись. Деньги не цель. Но они нужны для дела.

Через пару месяцев он вновь обратился ко мне. На этот раз ситуация была куда круче.

- Серый, ты парень серьезный. Вижу, что воевал.
- Да ладно, какой там воевал.
- Не надо мне петь. Я сам не через одну войну прошел. Ухватки матерых вояк знаю. Ты из военной разведки... Ладно, умерло между нами... Только война не закончена.

У него была конкретная информация, что в Москву прибыл груз героина, где-то под сотню кило.

- Я знаю, где его перехватить, – сказал Жук.
- И что ты с ним собираешься делать?
- В печку.
- А курьеров.
- Без мокрухи. Но в назидание.
- Жук, это не моя война.
- Правильно, не твоя. Наша. Потому что нам не все равно.

И я понял, что мне действительно не все равно. Перед моими глазами стояли мешки с героином... Адское пламя и вселенское зло.

Информация была в точку. Хлопнули мы груз в момент передачи на глухой стоянке дальноточников под Москвой. У нас было все необходимое – маски, стволы. И охрана оказалась слабенькая. Один пытался вытянуть пистолет, но я его сшиб с одного удара.

- Вы сюда больше не ходите, чурки. В следующий раз на костре сами будете, – говорил Жук, поджигая мешки с героином.

С этой вылазки дивидендов мы не поимели. Оплата за груз производилась между проверенными партнерами по безналу, через офшоры.

- Слушайте, братья мусульмане, – напоследок объявил Жук, пиная лежащих на земле таджиков. – Мы вам не дадим возить зелье. Мы вас будем убивать.

- Зачем убивать? Не будем возить! Как скажешь! Больше Москва не появимся! – ввали наркокурьеры искренне.

- Русский народ не будет сидеть на игле!

Через три недели мы накрыли еще одну партию белого порошка и изувечили наркодилеров.

- Чего ты хочешь добиться этим индивидуальным террором? – однажды спросил я Жука.

- Сбить немножко вал наркотиков. Всколыхнуть болото. Закалить людей.

А через месяц ко мне на работу пришел осунувшийся Лом – ближайший помощник Жука:

- Взяли командира. Кажется, Мурза. Крыша тех наркоторговцев. Прознал, что мы уничтожили его товар.

- Что делать собираешься?

- Не знаю я! Жук всегда решал!

- Не знаешь?! А разве не Жук говорил – своих не бросают?

- Отбивать будем. А как – не знаю.

Я расспросил его, что он знает о Мурзе. И командным голосом выдал:

- Отставить панику. Оружие есть?

- Найдем.

- Отбираешь пять самых надежных бойцов, с армейским опытом, умеющих стрелять. Нужен транспорт. И главное, нужен источник информации.

- Какой источник? – изумился Лом.

- Над этим давай вместе думать...

И придумали.

Али, ближайшего помощника и родственника Мурзы, мы отследили от ночного клуба «Сатурн». С охранником – неразумным огромным бугаем, и белобрысой телкой он сел в белый «Мерседес».

Во дворе дома в Чертаново наш микроавтобус «Фольксваген» подпер сзади бампер «мерса». Я срубил ударом пистолетной рукоятки телохранителя, как кошку отшвырнул взвизгнувшую девку. Мои парни вытащили пухленького и лысого Али из салона вместе с его нукером и кинули в фургон.

- Жить хочешь, будешь молчать, – взял я за горло распутную девицу. – Поняла, подстилка дырявая?

- Д-д-да.

- И со зверьками по хатам не шатайся. Али – садист. Скажи спасибо, что жива осталась.

Дальше подвал, допрос с пристрастием. Когда я щипцами зажал Али палец, он взвыл. И выдал все, что знал. Он был не бойцом, а казначеем.

- Не убивай, я все сказал, – захныкал он в конце.

- Будешь сидеть здесь, пока мы нашего товарища не вызволим. А вот потом...

- Отпустишь?

- Если объяснишь, зачем мне это надо.

- Сто тысяч долларов!

- Сто пятьдесят. Не обеднеешь.

- Сто пятьдесят, – вздохнул Али...

Выяснилось, что Жука держат в престижном подмосковном районе, в обширном имении, где наркоторговец предавался радостям жизни.

Меня столько натаскивали на штурм самых различных объектов, в том числе укрепленных пунктов противника, баз, пусковых установок ядерного оружия – забыть это искусство невозможно. Как нельзя, к примеру, разучиться ездить на велосипеде. Некоторые навыки намертво въедаются, становятся неотъемлемой частью тебя.

Я провел рекогносцировку. В эту же ночь наша штурмовая группа вломилась в дом.

Охранники у Мурзы были здоровенные, самонадеянные и ни на что не годные. Привыкли воевать против таких же дикарей.

Мы проникли на объект чисто. Потом чуть не засыпались, когда один из бойцов столкнулся на территории с вышедшим из пристройки охранником. Из пистолета с самодельным глушителем мне пришлось прострелить тому ногу, а потом оглушить его.

Мы нейтрализовали охранников в доме, повязали Мурзу. Заложника он держал в подвале. Видимо, завидовал славе восточных эмиров, у которых во дворцах имелась тюрьмы для врагов, дабы всегда можно было насладиться их стонами.

- Мурза, я прошел, как раскаленный нож через масло, сквозь твою охрану. Если надо будет, я приду снова. К тебе. К твоим детям. Родным. Я уничтожу твой род, если ты еще раз посмеешь сделать такое, - говорил я, не снимая маску.

- Вы сожгли мой товар! - голос у Мурзы походил на лай приبلудной шавки - он глотал окончания слов.

- Придет время, ты уедешь, или мы уничтожим тебя. Ни один басмач не справился с русским солдатом. Время придет, мы сотрем тебя. А пока мы уходим. А ты обещаешь не делать глупостей. И остаешься живым.

- Но...

Я отмахнул ножом ухо лежащему на полу телохранителю и резко ударил в основание черепа, выбив сознание, чтобы перекрыть поросячий визг.

- Тебе я отрежу кое-что другое. Ты понял?

- Я понял. - Мурза метал глазами молнии.

- Не жги меня глазами. Ты шут, возомнивший себя эмиром. Запомни, я приду к тебе в любой момент. Если я погибну, придут другие. Забудь о мести...

Мафия готова воевать. Но получалось, что сейчас мы знали о них больше, чем они о нас. Диверсант силен тем, что он в тени.

- Договорились, - кивнул Мурза. - Я держу слово. Я хозяин своего слова.

- Ну да. Сам дал, сам взял обратно. Бойся, басмач. Бойся...

Жука отделали прилично, но раны на нем заживали быстро. И он не терял оптимизма.

- Ну, ты крут, - сказал он. - Парни в восторге.

- Жук, так нельзя. Рано или поздно они нас поубивают.

- Нельзя опускать руки. Будем бить их верхушку.

«Славянский кулак» - так называлась боевая организация, которой руководил Жук. О ней знали немногие, но шлейф тянулся длинный. Жук предложил войти в нее в качестве оперативного руководителя и разработчика акций. И я не смог отказаться.

Понаделали мы много. Бились с диаспорами, поджимавшими под себя русские провинциальные городки и предприятия. Иногда получали за это деньги, которые нужны были, чтобы биться дальше. Закладывали взрывные устройства. Отделяли битами и запугивали распоясавшихся бандитов.

Я в жизни не жалею ни о чем. И что был этот период в моей биографии - тоже не жалею.

А потом в моей жизни появился Куратор.

Но это уже другая история.

Жуку я обязан многим.

Куратору я обязан всем...

Я встряхнул головой, надал газа, вырвав на Можайское шоссе, и поинтересовался:

- Сделали хоть, что планировали?
- Сделали. - Жук потер покрасневшую скулу - след удара.
- А эвакуацию не предусмотрели.
- Предусмотрели. Так получилось.
- Никого хоть не завалили вглухую?
- Обижаешь. В сводках происшествий не возникнем, - хмыкнул Жук.
- Не бойся, не подставим, - поддакнул гном.
- Кое-что есть для тебя, - сказал Жук. - Сема, говори открыто. Мы одно дело делаем. И нам с «Альянсом» не по пути.
- Я пару лет с пацанами крепко дружил с «Черного марша». До сих пор встречаемся.
- Это которые зверьков в Мытищах плющили?
- Да, трое сели. Но не в этом суть. Бурления у «Марша» идут - нужно переходить к активной силовой фазе войны. Хотя никто не знает, что это за фаза такая. И зачем она нужна.
- Единства нет?
- Нет... Ребята хорошие. Но могут быть опасными... Там студент-химик вращался. Глицерином кликали. Свихнутый на взрывчатых веществах - с детства хлопушки изобретал и на кошках испытывал.
- Глицерин, - будто попробовав кличку на вкус, произнес я.
- Такой пончик, ручки-ножки пухленькие, губки надутые. Но злой, как черт. Глаза голубые - яркие, из-за этого считает себя истинным арийцем. Он меня однажды в деле видел. Знает, что слов на ветер не бросаю.
- Ты тоже за силовые методы?
- Было дело... Я его недавно встретил на тусовке. Он меня отвел в сторонку: мол, с пустомелями общаться - себя не уважать. Нужно делом заниматься. Он переустроит с корешами страну - будет все пучком. Есть люди, присматривают настоящих мужиков под громкие дела.
- А ты? - спросил я.
- Послал по адресу...
- Интересно. - Я прикинул варианты.

Это криминальные структуры могли искать себе расходный материал в экстремистских кругах.

Но могла быть и ниточка к «Альянсу действия».

- Как его найти? - спросил я.

- Телефон есть. - Сема вытащил мобилу и нашел номер.

Я притормозил машину и записал.

- Чак, я рассказываю тебе, потому что знаю: все, что ты сделаешь, - это для нашего общего дела, - торжественно произнес Сема. - Я прав?

- Клянусь.

- Тогда я спокоен.

*

Верховный суд Российской Федерации признал результаты выборов законными. Вслед за этим около его здания рванул взрывпакет эквивалентом сто грамм тротила.

Прошли новые транши, оппозицию подпитали деньгами, и изо всех углов, как нечисть в «Вии», полезли «синеленточники». Сегодня в Москве санкционировали их митинг, на который организаторы пообещали вывести миллион. Значит, тысяч двадцать будет.

Я оделся попроще, натянул на голову бейсболку, скрывавшую лицо, надел темные очки и отправился единиться с народом.

На Дурасовскую площадь с нескольких сторон стекались толпы народа. С транспарантов пялились жуткие рожи, изображавшие членов Правительства. На прилегающей улице кипел человеческий водоворот - там жгли чучело президента, полиция лениво пыталась воспрепятствовать этому. Сумасшедший призывал небесные кары на власти:

- Я потомок Николая Второго! Чую бесов в Кремле.

С площади доносились пламенные речи. Если очистить их от стилистических изысков, они звучали в стиле Гека Фина, вспоминавшего о своем папаше-алкоголике:

«Папаша, как напьется, вечно ругал правительство. Это разве правительство? - говорил он».

На трибуне материализовалась поп-дива с развязными замашками и репутацией вокзальной шлюхи, в мини-юбке, с глубоким декольте, и начала бойко вещать о свободе и «разве это правительство?».

Стоящая у трибуны под флагами Русской империи сплоченная группа националистов заскандировала хором:

- Про-сти-тут-ка. Про-сти-тут-ка.

Группа хоругвеносцев схлестнулась с профессиональными гомосексуалистами, неутомимыми поборниками прав сексуальных меньшинств - последние были как на подбор атлетического телосложения, что еще раз подтверждало: дефект не в теле, а в мозгах. Дискуссия плавно переходила в мордобой, и в толпу клином вошла группа омоновцев.

Меня все это не интересовало. Я смотрел в спину неуклюжего парня в просторной футболке с

надписью «Россия, вперед!», походкой и телосложением напоминавшего жирного пингвина. Он двигался по узкой улочке через толпу по направлению к площади. Перед собой держал аккуратно, как ночной горшок, толстую стопку брошюр. И мне эта стопка очень не нравилась.

На подходах к площади стояли полицейские автобусы, выстроились шеренги омонцовцев и солдат внутренних войск.

Перед строем молоденьких солдатиков в милицейской форме под присмотром телекамеры какой-то телекомпании нахальная девка читала ликбез о Конституции, выборах и вопиющем нарушении прав человека. За всех отбрехивался старший лейтенант:

- Мы служим Конституции и закону.
- И сами нарушаете!
- Я об этом ничего не знаю. Пока закон нарушаете вы.
- Какую статью Конституции я нарушаю?
- Вы нарушаете правила проведения митингов.
- Снимай это, четче... Представьтесь.
- Девушка, проходите.
- Закон о полиции. Представиться отказался. Ну что ж.

Старлею очень хотелось бросить команду «фас», чтобы эту полусумасшедшую провокаторшу его подчиненные порвали на части и сожрали без соли. Но он вынужден был с каменным лицом выслушивать всю эту околесицу.

Проходящих через бублики металлодетекторов полицейские проверяли выборочно – отдельных персонажей заставляли вытряхивать сумки. Досматривать всех сплошняком при таком скоплении народа нереально.

«Пингвин» перед бубликами неожиданно обернулся и двинулся в сторону переулка. Прошел метров триста и остановился, над чем-то раздумывая. Было видно, что он на нервах.

Этот клоун и был тем самым взрывником-маньяком по кличке Глицерин. Он снимал квартиру на улице Зорге.

Его телефон поставили на прослушку. Разговоры были ни о чем. За политику, за компьютеры и за жизнь. Еще он заказывал какие-то химикаты и обменивался ими. А вчера густой грубый голос сообщил:

- Завтра бенефис, Глиц. Ты готов?
- Готов, готов.
- Смотри. Для нас это очень важно.

Роб и Шатун осуществляли за объектом наблюдение.

Когда меня почти четыре года назад подтянул на сотрудничество Куратор, я кинул клич,

собрал моих бывших бойцов во Владимире и обрисовал ситуацию.

- В горах работали. И город отработаем, - не колеблясь согласился Роб идти со мной дальше.

- Лишь бы на пользу шло, - кивнул Шатун.

Мамонт и Гром отказались. У них семьи. Им было что терять.

- Те, кто отказывается защищать чужие семьи, рискуют своей, - сказал напоследок Роб.

Роб и Шатун стали надежным ядром моей группы контртеррора. В наблюдении они толк знали. Если Роб был просто квалифицированным наблюдателем, то Шатун являлся разведчиком от Бога. Он умел растворяться на местности, будь то хоть город, хоть лес, хоть солончаки, сбросить его с «хвоста» было нереально.

Таскали они Глиця аккуратненько, с учетом того, что они не единственные, кто может за ним следить. Но других топтунов не засекали.

Глиц эти дни ни с кем не встречался. Мудрил дома с какими-то емкостями и колбами.

- Кажется, делает взрывчатку, - предположил Роб.

А потом грянул этот митинг. Объект засуетился. Покинул логово. Устремился в центр Москвы.

И вот теперь он постоял с минуту и дернулся в сторону толпы. Я взял мобильник, работающий сейчас в режиме рации:

- Роб, прикажи полицейским досмотреть объект. Пусть отведут в скверик, к арке. И не больше двух человек. Остальные пускай отвернутся и не слишком усердствуют.

- Понял.

Я видел, как Роб подошел к полицейским, деловито махнул документом прикрытия - ксивой «ФСБ России». И сержант с прапорщиком ринулись к Глицерину.

Я напрягся в ожидании, что сейчас рванет взрывное устройство. Но обошлось.

Пухленького экстремиста отвели в сторону, к вытоптанному газончику у арки двухэтажного дома. Я подошел так близко, что мог слышать разговор.

- Что у вас в руках? - спросил прапорщик.

- Книги. Я оппозиционер. Как в любом цивилизованном обществе могу распространять литературу.

Прапорщик потянулся к пачке книг.

- Вы не имеете права! - взвизгнул Глицерин.

Прапорщик вырвал у него пачку, взвесил в руке и отметил:

- Тяжеловато.

- Осторожнее, - прошипел Глицерин. - Сейчас...

- Что?

Глицерин сдулся. Но вдруг расправил плечи и истошно завизжал:

- Полицаи беспредельничают! Спасайте!

Толпа, которая текла мимо, заволновалась. Несколько человек дернулись к месту разборки.

Глицерин рванулся, но сержант схватил его за шиворот, сграбастал в охапку и обрушил увесистое тело на асфальт.

- Помогите! Полицаи убивают!!!

В толпе уже сформировалась группа поддержки из молодых ребят и истеричных теток с плакатами. Полицейские подтянулись, перегораживая им дорогу.

Прапорщик начал развязывать стопку.

- Да осторожнее, - прохрипел Глицерин.

Полицейский что-то понял, потянулся за рацией.

Возбужденные демонстранты напирали:

- За что парня бьете!

- Псы цепные!

- Прошу не нарушать порядок и не препятствовать работе! - убеждал полицейский майор, сдерживающий толпу.

Сержант рывком помог подняться Глицерину и завел ему руку за спину.

Пора!

Я стремительно рванулся вперед, плечом сшиб прапорщика. Подсечка - сержант тоже на асфальте.

- Быстрее, Глиц, быстрее! - Я рванул за руку «пингвина».

Эти места я знал хорошо.

Через арку трехэтажного желтого дома девятнадцатого века мы вбежали в тесный дворик, заваленный коробками и мусором, - тут планировался капремонт. Вон дверь подъезда, через него можно выскочить в соседний дворик и углубиться в местные катакомбы так, что ни одна легавая след не удержит.

- Шевелись, малахольный! - Я подтолкнул Глицерина.

Дверь открыта. Мы заскочили в подъезд. Я заблокировал дверь удачно повернувшейся шваброй. Теперь на второй этаж. Окно на козырек выбито.

- Лезь!

- Я... - заблеял Глицерин.

- Лезь, индюк!.. Теперь прыгай!
- Ноги сломаю!
- Полицаи тебе все равно их оторвут. Прыгай!

И он прыгнул. Ничего не повредил - внизу оказалась кучка песка.

Дальше мы преодолели переулок, пару дворики.

- Майку переодень, навыворот! - велел я, остановившись.
- Я... Я... - Глицерин тщетно пытался перевести дыхание. У него был вид человека, твердо решившего скончаться на месте.
- Быстрее!

Глицерин стянул майку, обнажив жирное, в складках белое тело. И натянул наизнанку майку - похабно, но сгодится. Главное, не видно приметной надписи.

Мы добрались до метро. В переходе торговали по дешевке разными шмотками, и я купил Глицерину майку с надписью «Я люблю пиво и раков», а себе - с изображением медведя в ушанке. Смотрелись мы теперь колоритно.

Вышли на станции «Кожуховская», где вечное столпотворение рядом с рынком запчастей. Глицерин остановился, упрямо набычился.

- Ты кто? - Глаза у него были испуганные и слегка безумные. - Ты зачем меня вытянул?
- Ты чего, не помнишь?
- Нет! - визгливо воскликнул Глицерин.
- Что-то ты какой-то... - Я покачал головой, состроив презрительную мину.
- Какой?
- Да никакой. Голодный, потрепанный, злой. Пошли, горло смочим, - кивнул я на пивной бар. - Стресс надо залить.
- С деньгами не очень, - потупился Глицерин.
- У идейных всегда не очень с деньгами. Угощаю.

В кафешке класса «забегаловка вульгарис» мы устроились в уголке. В зале было многолюдно и шумно. Пиво принесли сразу.

- Ты совсем опух, Глиц? - процедил я. - Мы с тобой у Паука тусили.

Мы действительно встречались у некоего авторитетного деятеля по кличке Паук. Глицерин меня помнил плохо. Я его помнил хорошо. Я вообще много чего помню. Память у меня феноменальная. В ней держатся бесчисленные Абдулвалиды и Хаттабы, Хамиды и Магомеды, наики и ваххабиты, гринписовцы и футбольные фанаты - послужной список каждого в любой момент готов был всплыть в моем сознании. Их отношения, семьи, слабости. А также эмиссары

и террористы, цэрэушники и представители МИ-6, которые кормили с руки всю эту сволочь. Это моя жизнь, мое жизненное пространство. В этом мире я демон. Невидимая и незримая сила, которая рушит планы и сметает врагов.

- Ну что, забыл? - хмыкнул я. - Ты мне еще что-то там про ядерную войну втирал.
- Про какую войну?
- Что лучше ядерная война, чем это прозябание.
- Я и сейчас так считаю.
- Суров ты, брат. Кстати, я Чак.
- Чак, - прицокнул Глицерин. - Тот самый?.. Помню.
- Вот и отлично. - Я поднял кружку. - За неожиданные встречи.
- За встречу. - Глицерин сделал богатырский глоток, и я понял, что одной кружкой мы не обойдемся. На халяву такие захребетники готовы выпить цистерну, бочонок и маленький наперсток.
- Чего у тебя в книгах было? - спросил я.
- Ничего, - насупился Глицерин.
- Свистеть в лесу будешь.
- Так, хлопушка. Звуковое сопровождение митинга.
- Грамм на двести тротила? Угадал?.. И за каким хером?
- Так надо, Чак. Так надо... Или ты девочкой стал, что громких звуков боишься?
- Ты за слова готов ответить, пончик? - Я сжал кружку с таким видом, что готов опустить ему на голову.
- Да не кипятись, - отпрянул Глицерин и с готовностью добавил: - Беру слова обратно.
- Я из-за тебя рисковал. А ты мне что говоришь, чучело огородное?
- Замнем, Чак. Я же извинился.
- Тогда живи. Пока живи.
- Ты-то как? - поспешил перевести разговор Глицерин на другую тему. - При делах?
- С какой целью интересуешься?
- Да ни с какой.
- Это радует. - Я потерял интерес к разговору. - Еще по одной пива - и на боковую. Хрена с тобой тереть.

Опрокинули еще по кружке, закушали сухариками и орешками.

- Значит, ты до сих пор фейерверки мастыришь? - бросил я.
- Ну... В общем... В общем, да.
- Могу тебе заказать хлопушки?
- Можешь. Ты можешь... Потому что ты Чак. И у тебя репутация.
- Телефон оставь.
- Пиши. - Глиц надиктовал уже знакомый мне номер. Я ответил тем же.

Потом я посмотрел счет, бросил на стол купюры и поднялся со словами:

- Давай, Глиц, не кашляй... И на улицу реже показывайся. Думаю, тебя будут искать.
- А тебя?
- И меня. И помни - подставился я из-за тебя. Так что ты мне должен.
- Слушай, Чак. А если... - Глицерин задумался. Хотел что-то сказать, но так и не собрался.
- Звони, Глиц, - на прощание сказал я. - Пропустим еще по кружечке.

*

«КамаЗ» вылетел на встречную полосу на Щелковском шоссе и снес представительский «БМВ» с блатными номерами - тремя семерками.

Шикарная машина вмиг превратилась в уродливую жестянку с запечатанными в ней двумя человеческими телами, из которых уходила жизнь. «Скорая помощь» прибыла через одиннадцать минут и помочь никому не могла.

Водитель «КамаЗа» целехоньким выбрался из кабины и сел в автомашину «Лада Калина». На сиденье грузовика остались логотип «Альянса действия» и привычное воззвание, позже продублированное в Интернете: «Не стало еще одного пса воровского режима».

Этим самым псом был начальник управления по борьбе с организованной преступностью и экстремизмом МВД России генерал-лейтенант полиции Свальнев.

Через день взорвали машину вице-губернатора Смоленской области, когда тот собрался в деревню к родителям. В области народ его уважал как своего в доску, не засланного, не коррупционера - редкий тип народного чиновника. Похороны вылились в митинг против террора, который попытались оседлать представители оппозиции, но были с позором изгнаны.

- Вы пособники бандитов! Вас надо отправить лес рубить, сучьи дети! - кричал на митинге оратор из работяг, когда его коллеги пинками гнали толпу «синеленточников», среди которых по гламурным одежкам угадывались московские эмиссары.

В кабинете на проспекте Вернадского совещалось руководство «НК». Отсутствовал только бывший альфовец генерал Юрасин.

Атмосфера была тяжелая. Тучи, сгустившиеся над страной, не обошли и этот кабинет.

- Думаю, нет необходимости напоминать о сложившейся ситуации. - Генерал Панасенко сдерживался, чтобы не ввернуть крепкое словцо. - За последние две недели семнадцать терактов. Все идет по нарастающей, худшие прогнозы подтверждаются.

- А жертвы? - произнес Куратор. - Есть хоть какая-то система?

- Никакой! Лупят по площадям. Бьют по гос-аппарату, борются с «чиновниками-эксплуататорами». Мол, чтобы ни один оккупант не чувствовал себя спокойно. Действуют безнаказанно.

- Один теракт предотвращен, - вставил словечко Гаврилов.

- Вы имеете в виду того бомбиста в Москве? - приподнял бровь генерал.

- Он пытался пронести самодельное взрывное устройство, эквивалентное двумстам граммам тротила, на митинг на Дурасовской.

- И где сейчас этот взрывник?

- Упустили сотрудники полиции.

- Зачем тогда мы ставим на каждом квадратном метре по держиморде? Как он ушел?

- Его страховали, - пояснил Гаврилов.

Куратор хотел вставить, что работа ведется, и это усилиями его людей удалось предотвратить теракт. Но что-то остановило его.

- Теперь мы уже не сомневаемся, что события и дальше будут идти по нарастающей, - жестко произнес Панасенко. - И на черта тогда создали ваши сектора?! Где ваши ниндзя?.. Зачем мы тратим народные деньги и нарушаем все мыслимые законы? Чтобы обеспечить государственную безопасность. Расшифровываю - безопасность государства. Не чиновников, не дворника тетю Машу. А государства. Это высшая ценность. Потому что без государства не будет ни чиновника, ни тети Маши. Ни нас.

- У нашей службы немалые заслуги, - произнес Гаврилов.

Он был прав. За «НК» длинная череда предотвращенных терактов, уничтоженных рядовых террористов, лидеров террористических групп и полевых командиров, а также случайно попавшихся под горячую руку граждан - куда ж без этого. Группы контр-террора прекрасно зарекомендовали себя и на Кавказе, и в регионах. Сейчас же начали буксовать в столице, в самом сердце России, когда они были больше всего нужны.

- Прошлое в прошлом, - отрезал Панасенко. - А будущее... Покажите, на что способны.

Тут в кабинете будто стало теснее - в нем возникла громада бывшего альфовца генерал-майора Юрасина. Он вошел энергичным, бодрым шагом. Поздоровался четко, по-военному:

- Здравия желаю. Прошу прощения за опоздание.

- Причины уважительные? - сухо осведомился Панасенко.

- Мы нашли базу «Альянса» в Подмосковье. Там склад оружия. Боевики готовятся к акциям. Сегодня ночью и накроем.

Куратор испытал мимолетный укол ревности. Почему не его ребята вышли на них? Но тут же это чувство ушло. Его захватил привычный азарт охотничьей собаки, вышедшей на след.

- Будьте осторожны при проведении захвата, - напутствовал Панасенко.
- Не подведем. - Юрасин сжал кулачище.
- Сами вперед не лезьте, знаю я вас. Постарайтесь хоть кого-то взять живым.
- Не соскочат, мазурики. - Юрасин рубанул ладонью...

*

Операция была подготовлена с размахом. В высоте парил невидимый взгляду беспилотник, передававший в режиме онлайн картинки объекта. В трех минутах полета стоял в готовности вертолет Ка-226.

На подходах разведчики незаметно расставили видеокамеры, и теперь в штабной машине на экранах можно было увидеть объект со всех сторон. Окраина поселка в стороне от Подольска, бывший совхоз, чьи земли растащили под коттеджи. Территория за высоким забором, где-то соток тридцать. Двухэтажный коттедж, из красного кирпича, стандартный. По периметру несколько видео-камер. Объект штурма...

- Доложите о готовности? - приказал по рации генерал Юрасин. В полутьме штабного микроавтобуса он казался глыбой.

- Первая группа - готова, - посыпались доклады.
- Группа прикрытия - готова.
- Воздух - готов.
- Первая - выдвигайтесь, - скомандовал генерал.

По улице поселка двинулся грузовик с глухой будкой и надписью «Газпром-регион». Машина остановилась посреди улицы, не доезжая до объекта. Один из «работяг» вышел с устрашающим устройством, являвшимся газоанализатором, стал что-то замерять.

- Чисто все! - крикнул он, усаживаясь в кабину. - Поехали.

Следующая остановка - у объекта. Опять «работяга» спрыгнул на асфальт с газоанализатором наперевес.

- На позиции, - доложили по рации.
- Приготовились все. - Генерал набрал воздух в легкие и отдал приказ, который отдавал не раз и все равно не мог привыкнуть к этому моменту: - Захват!

Из кузова газпромского грузовика посыпались спецназовцы. Несколько мгновений - забор преодолен, бойцы рассредоточиваются по территории.

Из-за леса вынырнул и завис вертолет.

Из окна дома хлестнула очередь. Пуля ударила в бронежилет спецназовца. Огневую точку тут

же заглушили ответным огнем... Взрыв – запертая дверь вылетела. Светошумовые гранаты полетели в окна. Грохот стоял, как в аду.

Спецназовцы проникли в дом.

Тактика отработана. Сначала светошумовая граната «заря» летит в комнату. После этого можно заходить и брать всех теплыми, живыми.

Первый этаж. Один пленный... Еще два... Около лестницы спецназовцев обстреляли. Ответный огонь перечертил свинцом грудь стрелявшего.

Еще одна группа проникла на второй этаж через окна. Подставляя друг другу руки и плечи вскарабкались и очутились в комнатах. Там тоже – один пленный... Другой... Зачищено!

Подвальные помещения. Еще трое пленных. Один пытался уничтожить какие-то записи, поливал их бензином, но спичку бросить не успел.

- Объект зачищен. У нас потерь нет, один трехсотый, легкий. Среди террористов – двое убитых, остальные живы, – отрапортовал по радиации командир группы – на вид вылитый Терминатор. Снял с головы массивную сферу и вытер рукавом пот.

И вот боевики разложены в ряд в большом парадном зале, где можно закатывать балы. Сюда же стаскивали из комнат и подвалов обширный арсенал. На паркете уже лежали десяток автоматов Калашникова и «Узи», штук двадцать пистолетов, коробки с патронами, ящик с гранатами, брикеты тротила.

- Мощно, – оценил Юрасин, входя в зал. – Молодцы, мужики. Хорошо сработали.

Он любил сам идти в числе первых в группах проникновения и жалел, что теперь ему это не по чину. На его счету было немало освобожденных заложников и захваченных террористов. Он отбивал занятые ваххабитами аулы в Дагестане. Брал укрепленные районы в Чечне. И был своеобразной легендой, из тех, кого награждают Золотыми Звездами Героя России закрытыми указами. Настоящий рыцарь спецназа. Бойцам его похвала была бальзамом – они знали ей цену.

Генерал нагнулся над лежащим террористом – мускулистым смуглым красавчиком, не похожим на обычных бычков, которые являются основой любой террористической организации.

- Ну что, Бен Ладен драный. Пришло время отвечать. Кто старший? На кого горбатишься?

- Хоть убей, сучара, – прохрипел красавчик. – Ничего от меня не узнаешь!

- Убьем. Всеу свое время. Но сначала ты все расскажешь.

Юрасин отвесил мощную оплеуху, голова задержанного со стуком ударилась о пол.

- Следственно-оперативная группа скоро будет, – доложил «терминатор».

- Этих оформляем для следствия. – Генерал указал на четверых боевиков, умелым взглядом определив шестерок. – А этих двоих на базу. На приватную беседу.

- Есть. – «Терминатор» кивнул бойцам.

Те нагнулись над отчаянным красавчиком – тот дернулся, но его угомонили умелым ударом, и клиент превратился в безвольную куклу. Подняли на ноги. Встряхнули.

- Никогда, жалкие вы уродцы, ваша не возьмет, – сообщил почти дружелюбно генерал, приблизившись к красавчику. – Потому что мы в своем праве.

- Возьмет, – переведя сбившееся дыхание, выдавил красавчик, глаза его фанатично зажглись. – Будешь в мокрой камере сидеть. А я тебя буду бить.

Генерал усмехнулся:

- Помечтай, жмурик.

И это были его последние слова в этой жизни.

Чудовищный взрыв расколол здание.

И похоронил под обломками террористов. Бойцов спецназа. И Героя России генерал-майора Виктора Юрасина.

*

- Ежедневно в Республике Конго гибнет до трех тысяч человек в межплеменной войне за контроль над месторождениями колумбита-танталита – основного компонента компьютерных микросхем и печатных плат.

- Эпидемия странного психического заболевания в США, унесшая жизни одиннадцати человек, продолжается. Воображая себя зомби, больные набрасываются на людей, объедая их мягкие ткани.

- Боевыми вертолетами в Афганистане ошибочно расстреляна свадебная процессия. Правительство США принесло официальные извинения семьям пострадавших.

- Микробиологи полагают, что в течение ближайших десяти лет на Земле появится мутировавший вирус гриппа, который уничтожит более девяноста пяти процентов населения Земли, что будет означать конец цивилизации.

По телевидению эпидемии, войны, террор.

В хомо сапиенсе закодирован злосчастный ген разрушения. Проявляется он далеко не у всех, но при благоприятных условиях активизируется, заставляя людей без какого-либо смысла и разума уничтожать себе подобных. Алчный огонек власти над чужими жизнями превращает человека в infernalную сущность, сеющую хаос и разрушение, конечно, под благовидными предложениями. Сила, власть, насилие!

Сколько я видел пораженных этим геном фанатиков. Сколько зла они со мной сотворили. Я все отлично помню.

Помню беззаботное детство в станице Шелковской. И как все пошло прахом, в мою жизнь ворвалось нечто жуткое – ваххабит, пришедший резать неверных. Эти бесы уничтожили мою семью. Сначала дядю – станичного атамана. Потом родителей. Я их очень любил.

От верной смерти меня прятали соседи-чеченцы – пожилая бездетная пара. Они рисковали жизнью. И их самих в результате увезли куда-то, безвозвратно. Я их тоже любил, они были

отважные, добрые люди.

Помню, как бородатые бесы вытащили из подвала меня – озлобившегося русского волчонка. Одному Богу известно, что сделали бы со мной, если бы не ребята на боевых машинах десанта, с лихо заломленными беретами – это был русский батальон ВДВ, обошедший противника и раздавивший нелюдей. На головной машине был комбат дядя Володя.

Прибился в этот батальон я сыном полка. Первую чеченскую войну таскал ушитую сердобольной женщиной-начмедом военную форму и считал себя русским солдатом, пусть и не вышедшим ростом – было мне тогда десять лет.

Батальон вывели из Чечни в Псков. И дядя Володя сказал просто:

- Ну что, сын полка. Один живу. Теперь будем вдвоем.

Он в моей душе навсегда, до сих пор кажется, что мы с ним ведем беседы. Он был прекрасным рассказчиком, философом и настоящим человеком.

Иногда мне кажется, что я в чем-то виноват перед дорогими мне людьми. Что остается мне? Нет, не месть. В память о них я должен гнать нечисть с нашей земли. И никакие блага в мире не свернут меня с этой дороги. Я должен был погибнуть еще тогда, в девяносто пятом, вместе с семьей, от пуль ваххабитов. Но я жив... И готов оплачивать свой долг по самым высоким ставкам, даже жизнью.

От невеселых мыслей отвлек переливчатый сигнал смартфона. Куратор сбросил приказ на немедленную встречу.

Когда я приехал на кукушку, Куратор был на месте. Мрачнее тучи, на меня он смотрел с каким-то злым укором:

- Слышал о последнем теракте?

- Мельком, – я уселся в кресло. – Что-то невнятное.

- Смотри. – Он загрузил на ноутбуке видеофайл. – Снято с беспилотника.

Цветное изображение – вид с высоты на окруженный лесами и рассеченный дорогами поселок. На быстром просмотре видно, как к огороженной территории подкатывает грузовая машина. Штурм. Потом к месту съезжаются легковые автомашины и фургоны.

- Внимание. – Куратор переключил просмотр на нормальную скорость.

Кирпичный дом на экране поглотило облако, распространяющееся клубами во все стороны.

- Это за гранью, – сказал я. – Они минируют свои базы...

- Ничто не ново под луной, – произнес Куратор. – Наши войска в Великую Отечественную, оставляя города, минировали самые красивые особняки, в которые, по всем расчетам, должны были заселяться высокопоставленные немецкие чины. И когда это происходило, просто подавали сигнал на взрыв. Действовало безотказно.

- Какие жертвы?

- Восемь боевиков, семь офицеров спецназа ФСБ.

- Бандиты разменяли своих по самому высокому курсу.
- Ты не представляешь, насколько высокому. Погиб генерал Юрасин.
- Фамилия знакомая.
- Полгода возглавлял «Альфу». Отличился на Кавказе. Хорошо отличился – кровников нажил немало. Но не это суть важно.
- А что важно?
- Он был одним из соисполнителей протокола нашей организации.
- Объясните.
- Деятельность «НК» определена не приказами, инструкциями и законами. Единственный документ – специальный протокол. Соисполнитель протокола отвечает за свой сектор и принимает любое решение самостоятельно. До членов протокола доводит ту информацию, какую считает необходимой. Обрубаются таким образом возможные каналы утечки. При этом состав групп контртеррора известен только непосредственным кураторам.
- Теперь соисполнитель погиб. Что будет с его агентурой?
- Руководство перейдет к его заместителю. Но наверняка будут потери позиций, потому что заместитель тоже не в курсе многих вещей.
- Что по террористам, которые там были?
- Удалось установить личности двоих мерзавцев. Один – функционер боевого крыла леворадикальной партии. В Вологде три года назад соскочил с обвинения в убийстве. Второй – студент, из экстремистской ячейки. Год назад они отстранились от своих товарищей. Где, с кем были – покрыто мраком.
- Что странно. Такие ресурсы потрачены на минирование базы. Зачем?
- Технари утверждают, что в здании работала видеокамера, сбрасывающая информацию на монитор по оптоволоконному кабелю. Террористы знали, что при захвате спецназ включает глушилки и отрубает мобильную связь.
- Получается, их командиры ждали захвата. И хотели посмотреть, что будет на базе после него? Тогда они подставили под нас своих бойцов!
- Бойцов? Несколько студентов и гопников – их спишут в расход и не вспомнят о них.
- Цель? – спросил я. – Накрыть опергруппу? Заявить о себе?
- Боюсь, что цель была иная.
- Какая?
- Генерал Юрасин.
- Это значит...

- Возможно, это протечка. Протекает информация об «НК». Тогда наше существование и методы работы уже не секрет.

- И нам объявлена война.

- На уничтожение.

*

Столбик термометра достиг тридцати пяти градусов. Задымались торфяники, ветра гнали гарь и дым на Москву. Казалось, хуже уже быть не может. Это Сахара.

Потом хлынули ливни. Температура не думала падать, и в Москву пришли тропики - натуральный период дождей где-нибудь во Вьетнаме.

- Меры Киотского протокола об ограничении выбросов углекислого газа в атмосферу явно недостаточны, - вещали в СМИ счастливые эксперты-экологи, впадавшие в радостный экстаз, когда самые мрачные их прогнозы оправдывались. - Парниковый эффект может повлечь скачкообразное увеличение температуры и гибель всего живого. Тогда наша планета станет похожей на Венеру, где температура на поверхности достигает пятисот градусов. Необходимы радикальные меры по ограничению промышленной активности человечества.

Москвичей терзала жара. Цены на кондиционеры взмыли вверх, вентиляторы расхватали.

Жара испытывала на прочность не только обывателей, но и пламенных борцов. Митинговая активность падала - бесплатно гулять в таком пекле дураков нет, и цены за подобные услуги резко выросли. Политические битвы переместились в Интернет и СМИ.

Сеть пухла от креативных предложений искать омонцовцев и мстить за насилие над «мирными» демонстрантами. Запустила эту идею безумная поп-дива, которой при заталкивании в полицейский воронок вывихнули палец. Она разместила в Инете крик души - помогите найти обидчиков, я хочу отомстить им и их семьям. Долго смаковала, кого нужно ткнуть шилом, кого прирезать, в кого плеснуть кислотой. «ОМОН же живет в городке. Настоящие мужчины должны собраться и отомстить за нас». Допрыгалась до повестки. Следственный комитет чудесным образом не нашел в ее действиях состава преступления, о чем торжественно объявили СМИ. Тем самым злобные хомяки были воодушевлены на дальнейшую конфронтацию с органами охраны порядка.

Я безуспешно работал по «Альянсу». Была надежда на Глицерина, но он пропал. Сбросил телефон. От кого-то хоронится.

Конечно, можно его найти, кинуть в подвал и выбить все, что он знает. Но знает он наверняка немного. И представляет интерес только как ключик, открывающий мне дверь в «Альянс».

Кроме того, я продолжал общаться с публикой, часть которой была достойна дурдома, а остальные - каторги.

Иногда было интересно. Толстый, под сто пятьдесят кило, густо поросший шерстью, бородатый стареющий анархист, который сам муху не обидит, в пивнушке, сжимая, как гранату, кружку, вдохновенно читал мне лекцию:

- Терроризм - оборотная сторона государства. Единство и борьба противоположностей. Он оздоравливает общество, подстегивает иммунитет. В нем нет ничего плохого, Чак. Только

отмирание государства и воцарение всемирной анархии позволит человечеству избавиться от насилия.

- Это будет не скоро, - вздохнул я.

- Куда нам торопиться?.. Знаешь, я делю террор по видам: политический, криминальный, маргинальный. Возьми Мексику - это криминальный террор с десятками тысяч жертв ежегодно. Наркомафия демонстрирует властям - на нашей поляне мы решаем вопросы, а вы собирайте налоги и ремонтируйте дороги. В этой войне государство, преступность и проигрывают, и укрепляются. Симбиоз. У нас же, к сожалению, процветает террор маргинальный. Огромное количество людей, которым нравится что-то взрывать.

- А «Альянс действия»?

- Тут нас ждут открытия. Наверняка на проверку они окажутся ничемными жалкими маргиналами. Истинный политический террор подразумевает респектабельность и продуманность. Выдвижение ультиматумов. А тут просто тупо взрывают что ни попадя. Маргиналы, однозначно.

- Сомневаюсь.

- Никаких сомнений... Маргинал - хорошее слово. Это человек без обязательств. Предвестник царства анархии.

- И гибели.

- Нет, анархия - это расцвет. Общество самоорганизуется на единственно правильных принципах. При этом погибнет девяносто процентов человечества. Но без этого нет пути к светлому будущему.

- Добрые вы люди, радители за всеобщее счастье...

Когда я уже потерял надежду услышать Глицерина, он позвонил. Это было на третий день после того, как взрыв выбил душу из тела генерала Юрасина.

- Привет, Чак. Это Глиц. Помнишь?

- А, бомбер-неудачник.

- Ты чего по телефону?! Чак, ты ваще?!

- Молчу. Бомбер-счастливчик... Ладно, не дуйся. Чего хотел? Или поблагодарить звонишь?

- Встретимся?

- Пива захотелось?

- За пиво заплачу.

- Да ладно. Угощу страдальца за народное счастье.

- В «Кружке».

Мы встретились около пивного бара «Кружка» рядом с метро «Чкаловская». Он стоял

немножко сторбленный, пухленький, настороженно оглядываясь по сторонам. Увидев меня, широко и ехидно улыбнулся.

- Сегодня я плачу, - торжественно объявил он, махнув рукой в сторону гостеприимных дверей бара. С таким пафосом принято дарить заводы, уникальные алмазы или железные дороги.

- Заметано, - кивнул я, кажется, к разочарованию моего визави.

Мы устроились напротив плазменной панели. Время было раннее, народу немного, можно выбрать удобные места.

- Тебе темное или светлое? - спросил Глицерин.

- Мне эль.

- Пол-литра или ноль-три?

- Чего мелочишься. Две по ноль-пять. И свиные ребрышки.

Со вздохом Глицерин сделал заказ.

- Жить хорошо, - сказал я, отведав эля. - Хорошо жить еще лучше.

- Сам придумал?

- Ох, дите. Не знаешь классики советского кинематографа.

- Можно подумать, ты тогда жил.

- Историей интересуюсь. Тебе, как проводнику левых идей, наше имперское прошлое должно быть мило.

- Левые, правые... Дом надо взорвать, а потом решим, что на его месте строить.

- Что-то со взрывами у тебя неважно получается.

- Да ты знаешь... Да я вообще...

Он с сожалением прикусил язык, хотя его подмывало рассказать о своих подвигах.

- Нечего сказать, так и не говори, - изрек я. - Где там ребрышки?

- Готовятся, - буркнул Глицерин недовольно.

Мы поцедили эль, перекинулись несколькими ничего не значащими фразами.

Расправившись с ребрышками, я осведомился:

- Ладно, Глиц, ты чего хотел? Или из чувства благодарности за свое спасение раз в неделю пивом меня поить будешь?

- Большие дела начинаются... Прикинь, Чак. Все идет к охерительному бардаку. Бардачищу! А это наше время. Беспорядок - глина, из которой можно лепить что хочешь.

- Красиво излагаешь.

- Слова - это мусор. Главное - дела. А мы делаем... Видел, спецслужбистов взорвали под Москвой?
- Ну.
- Там Митяй и Рыжий были. Я по телевизору видел - изуродованы огнем страшно, но я их узнал.
- Твои кореша?
- Кореша на нарах. А они - товарищи по борьбе. Нет, я с ними не работал. Они погибли, как дураки. Только дурак подрывается сам вместе с врагом. Умный сторожит врага, чтобы его взорвать.
- Неземная мудрость суждений.
- Слушай, Чак. Ты фигура. О твоих делишках саги слагают.
- Все вранье. На деле ничего не было, Глиц. Я так и сказал следователю ФСБ. И убедил его.
- Ха... Чак, ты нужен нам.
- Кому?
- Революции. Ты готов подключиться к перспективному делу?
- Я готов подключиться к чему угодно. Только вопрос - зачем?
- Борьба за...
- У верблюда два горба, потому что жизнь борьба. Это уже проходили.
- А что тебе нужно?
- Я излечился от юношеских комплексов. Ищу что-то более материальное.
- Деньги будут... Но не в бабле счастье. Скоро все взорвется. Эти ворюги поганые не усидят во власти долго. Когда их сметут, встанет вопрос, кто будет делить пирог в страной Рашке.
- Чего ты так о моей стране?
- Да потому что здесь жопа! Этой страны нам мало. Нам нужен мир.
- Галактика. Вселенная.
- Зря лыбишься. Троцкий недаром пел о мировой революции. Просто тогда было рано. Сейчас самое время. Мы всем сдавим горло. Мы - сила. И это вопрос месяцев.
- Месяцев?
- Если не недель. Прикинь, даже если нас арестуют. Но расстрелять не успеют.
- Смертная казнь отменена.
- Еще лучше. Мы в любом случае будем героями. А герои получают все.

- Определенный резон в твоих словах есть. И что дальше? Идем взрывать Дом Советов?
- Дальше? Если согласен, жди. Я на тебя выйду.
- Я готов обсудить. Но кота в мешке не покупаю.
- Тебе все разъяснят. - Глицерин вальяжно махнул рукой: - Официант, счет.
- Пойду, сполосну морду. - Я поднялся со стула.

Когда вернулся, увидел, что Глицерин со страдальческим видом выкладывает купюры - новенькие, только из пачки. Похоже, их ему выделили на оперативные расходы.

- Ну, пошли, - сказал он, закончив сей тягостный процесс.
- Иди, - я уселся за стол. - А я еще посижу.
- Как скажешь... Жди, я позвоню.
- Жду. Звони.

Он ушел, слегка покачиваясь. А я заказал кофе. Вытащил из барсетки блокнот с ручкой. И набросал худое лицо с глазками бусинками.

Рисовал я хорошо, особенно лица. Вот и сейчас субъект, который недавно сидел через три столика, получился как живой.

Они меня считали за лоха. А я не лох. Чувал я, что сегодня не просто разговор, а смотрины. И словил на себе мимолетный взгляд устроившегося в углу типа с лисьей физиономией и черными волосами с седой полосой.

Теперь я имел изображение еще одного фигуранта. Притом по виду человека куда более серьезного, чем Глицерин.

*

- Вы что, не можете еще кассира посадить? - кричали в очереди.
- Нет кассиров, - огрызался администратор. - Не идут. Можем вас взять.
- Сам за кассу садись!
- Не обучен.
- А посадить - это мысль.
- Да скоро как при Сталине - всех пересажаят...
- А ты при Сталине жил? Языком только молоть горазд!
- А ты, дед, жил? В ГУЛАГе на вышке стоял?

Милая сердцу практически ежедневная перепалка в сетевом супермаркете «Пятерочка» во дворе моего дома. Полпятого - как раз время, когда здесь толкуются пенсионеры, бездельники и гастарбайтеры с ближайшей стройки. Через пару часов двинут едущие с работы изможденные

жарой граждане.

В тележку – колбасу «Докторская», яйца, лук, квас, хрен. Так, что еще нужно для окрошки? Сметана...

«Пятерочка» – один из конвейеров по впариванию населению генномодифицированных продуктов. Каждый день миллионы людей, замороженные внешним изобилием, набивают пакеты едой. Это какой-то вечный механизм. Тележка, полки, касса, пакет. И катастрофа случится не когда взорвется очередной фугас, а когда остановится вот этот конвейер, поставляющий продукты потребителям.

- Мужчина, не спите. С вас семьсот двадцать рублей! – оторвала меня от раздумий кассирша.

- Пожалуйста.

- Спят тут, очередь тормозят, – заворчали сзади пожилые тетки.

- Все думают, мыслители. Не думать надо, а платить.

- Извините.

«Не думать, а платить» – мощный слоган задвинула. Прямо про меня. Платить по всем счетам. Вечно и без усталости.

От магазина до моего дома идти пару сотен метров.

В квартире я загрузил холодильник. Что дальше?

Куратор после информации о встрече приказал никаких мер не предпринимать, только ждать.

Как прикажете. Я сделал окрошку, с удовольствием откусал ее и погрузился в Сеть. Что у нас плохого?

В Правительстве рассматривается вопрос об обеспечении физической охраны федеральными чиновниками. Идея зашла в тупик – тут придется увеличивать штат МВД раза в полтора или оголять улицы.

Взорван автомобиль у омовского городка. Погибли двое и ранены четверо сотрудников. Ролик с комментариями омовцев, лица которых скрыты:

- ...Тот, кто это сделал, пусть молится своему Богу или Аллаху. Это не останется безнаказанным.

В Екатеринбурге взяли трех восемнадцатилетних пацанов, мастеров взрывных устройств и подрывающих их где ни попадя. Оставляли визитки «Альянса действия». Выяснилось, что к «Альянсу» они отношения не имели, но готовы погибнуть в борьбе.

Начало происходить то, чего боялись аналитики и на что надеялись авторы этой волны террора – зерна их идей стали прорастать, в стране начиналось стихийное террористическое движение.

Полицейские органы и госбезопасность работали по усиленному варианту. Подметали всякую шушеру, но до вдохновителей и организаторов террора им было как ползком до Пекина. Сказывался развал последних десятилетий, когда полицию из карающего меча превратили в безликий «орган по оказанию услуг населению». Теперь у полицейских главное – понравиться

населению. Эта организация разучилась жестко отвечать на угрозы. Законы и правила столько лет писали так, чтобы обезоружить органы охраны правопорядка, вырвать у пса зубы, что теперь, когда настала необходимость в жестком ответе, выяснилось, что кусаться сторожевой пес почти разучился. Тем более каждая полицейская акция сопровождалась вселенским воплем о нарушении прав человека, Госдеп США привычно слал петиции, блогеры безумствовали, Интернет распухал от призывов: «Бей полицейав».

Ближе к вечеру проснулся, наконец, Куратор и назначил встречу.

Ну что, в путь!

Москва – гигантский город. Тут множество мест, где можно уйти от наблюдения. Топтуны, которые никогда не упускают объект, – это из области легенд.

Сегодня я проверяюсь по полной программе. Когда я дал номер мобильного Глицерину, мое местожительство перестало быть секретом.

Едем в центр. В Замоскворечье. Вот среди старинных малоэтажных домов сквозной дворик – длинная такая кишка. Постоим немного, поглядим – не идет ли кто следом. Мне должны дышать в затылок, иначе в запутанных переулках объект не удержать.

Вроде никого. Только бомж, бесформенной кучей раскинувшийся около мусорного бака, возмущается:

– Ну чего застыл, чучело? Гребни по своим делам.

– Это еще почему?

– Я тут живу. Я же в твою квартиру не прусь и не стою посреди кухни.

Теперь в метро. На третьей остановке выпрыгнуть из поезда, когда закрываются двери. Никто следом не рванул.

Захожу в гипермаркет – тут масса выходов и легко потеряться, даже не желая того, не говоря уж о том, чтобы сделать это целенаправленно. Покрутился и выскочил через подсобку, послав по матушке возмутившихся сотрудников.

Еще пара трюков. Страховать так страховать...

Чистый. Проверено!

Теперь на трамвай, до стадиона «Динамо». Вышел у его руин. Вон и задрипанный «Дэу Рэйсер» с левыми номерами. В нем Куратор.

– Ну, рассказывай о своих подвигах, – предложил он, когда я захлопнул за собой дверцу.

Я подробно рассказал о встрече с Глицерином. Особое внимание уделил типу, который меня пас в баре.

– Вот. Как живой. – Я протянул рисунок собственного изготовления.

– Талант, – хмыкнул Куратор. – Попытаемся выяснить, кто это.

– Возможно тот, кого мы ищем.

- Хорошо... Нам хотя бы пару серьезных фигур для показательного процесса. Нужен пиар. Мы проигрываем информационную войну. Нужен сильный вброс.

- Для этого необходим контроль за СМИ, - саркастически произнес я.

- Все будет. Но нужна удачная акция. Мы сваяем образцовых врагов народа. Их будут ненавидеть, и люди объединятся в этой ненависти. Это отработанная методика. Но в жертвы нужны не малолетние идиоты, а серьезные злодеи.

- Я понимаю, - кивнул я. - Сделаю все возможное. Но вы хоть чем-то можете помочь?

- Ничем, Сергей. Надежда вся только на тебя.

Таким тоном Куратор со мной разговаривал очень редко. Сейчас в голосе его присутствовали даже некоторые нотки отчаяния. Видимо, приперло их наверху сильно.

Следующий день Глицерин молчал. Я съездил к Жуку и еще паре людей. Но они ничем не порадовали.

Ну что с тобой делать, Глиц? Приехать к тебе на хату, взять за клюв - и в подвал? Бесполезно. Проследить? Опасно.

Так, не прозвонишь в течение двух суток - беру тебя в оборот по полной. Решено...

Он объявился на следующее утро - позвонил где-то около семи.

- Кому не спится? - осведомился я грубо.

- Это Глиц, - важно объявил он. - Тебя приглашают, Чак.

- Я на седьмом небе!

- Чего не так?

- Да задолбал ты, дятел. То я срочно нужен. То пропадаешь. Вы определитесь там.

- Определились. Встречаемся завтра на проспекте Мира... Тачка есть?

- Конечно, у меня есть тачка.

- Приезжай на ней. Нам за город.

- Шашлык и девки в программе?

- Чак, хва ржать. - Глицерин обиделся, что я не заценил торжественность момента. - Дело серьезное, а ты стебаешься.

- Вот такая я скотина... До завтра...

*

С Ярославского шоссе свернули километрах в сорока от города. Заехали по бездорожью в заброшенную деревню - оказывается, есть и такие в ближнем Подмосковье.

Около полуразваленного черного сруба стоял задрипанный корейский микроавтобус

«Ссангйонг Истана». На лавке за дощатым столом сидели ребята, совсем не похожие на селян.

- Привет, брателлы! - замахал руками Глицерин.

Я присел на капот машины, ожидая развития событий.

Высокий атлет, коротко стриженный, с широким русским лицом и внимательными глазами оторвался от стола. Хлопнул по плечу Глицерина так, что тот поморщился. Протянул мне крепкую руку:

- Здравствуй, Чак. Я Афон. Давай к столу. Там поговорим...

На мангале шипело мясо. На столе были огурчики, помидорчики, водка, вобла, пиво «Балтика», охлажденное в специальном переносном холодильнике.

Ну что ж, сцена знакомства поставлена со знанием дела. Совместная пьянка - прекрасный способ наладить общение и присмотреться друг к другу.

Итак, оценим контингент. Рослая деваха с черными курчавыми волосами, в глазах горит неистребимый шлюшный огонек. Таких шалав тянет к мужчинам с их мужскими делами, им нравится быть в центре внимания не фифами с картинок в гламурных журналах, а боевыми подругами. Кликали ее Зеной.

Там где Зена, там должен быть и Конан-варвар. И такой имелся. Вася Конан - тупой, самодовольный бычара, русским языком владеет со словарем, русским матерным - в пределах школьной программы. Типичный бандитский персонаж, которому нужны телки, бабки и всеобщее почитание. По случаю отсутствия сложных мыслительных процессов, форматирование извилин под определенную идеологию труда не составляет.

Боря, он же Жаб, - противоположность Конану. Длинный, нескладный, прыщавый, со слегка затравленным и очень умным взглядом. Контактен, готов поддержать разговор. Речь свободная, чувство юмора присутствует. Обычный парень, душа компании. Обычный? Нет уж. Обычных здесь нет.

Афон - это лидер. Уверенность в себе, в своих силах. Авторитетен. Умеет управлять этим сбродом. Сам себе на уме.

Выпили за знакомство. После третьей кружки разговор вышел на политику. Обаятельный Жаб вещал с долей пафоса и фанатизма:

- Вы спрашиваете о допустимых пределах террора? Убивать всех. Летчик-бомбардировщик сильно думает о детях при бомбометании?.. Нет ни женщин, ни детей в этой борьбе. Сметать всех!

Вот такой добрый парень. Из тех, которые мечтают поджечь земной шарик.

- Предлагаете мне тем же заняться? - спросил я.

- Чак, я наводил о тебе справки, - произнес Афон. - Ты больше ничего не умеешь делать. Ты прирожденный боевик. Таких, как ты, мало.

Конан саркастически хмыкнул.

- А ты не мычи, - бросил ему небрежно Афон. - Чак боец, а ты пока еще качок вульгарис.

- Какой такой вульгарис? - заворчал обиженно Конан.
- Обыкновенный. Надувной матрас.
- Надувной?! - Конан сжал увесистый кулак.
- Кулаками делается не все, Конан.
- Шашлыки хорошие, - сгладил я остроту разговора. - И водочка качественная. За что выпьем?
- За будущее, - Афон поднял рюмку. - Чтобы нам в нем нашлось место.

Пьянка удалась. Сегодня никто не собирался возвращаться в Москву. Похоже, работающих и обремененных каким-то социальными обязанностями здесь не было. Никто не звонил мужьям, женам и родителям, никто не отпрашивался с работы. Свободные птицы.

Стемнело. Натрескавшийся водки Глицерин дрых в доме, остальные тоже растворились. Мы остались вдвоем с Афоном.

- Ну что, Чак. Как тебе мои ребята?
- Молодые, горячие. В меру отморозенные, - отметил я, отодвигая от себя рюмку и показывая, что больше не пью. - Способны наворотить дел - дурной энергии полно. Насчет надежности - сомневаюсь.
- Они убеждены в правоте нашего дела.
- И расколются, как фарфоровое блюдо, как только их прижмет госбезопасность.
- Все расколются, если хорошо колоть... Только скоро некому будет колоть. Недолго осталось.
- Оковы тяжкие падут... Все это философия. Что конкретно предлагаешь?
- Мы в деле, Чак. В большом деле... Мы не романтики. Мне под тридцатник. Да и ребята не сосунки. Будут большие социальные потрясения. В такие времена власть берут молодые и сильные. И появится возможность стать всем. Только придется ударно потрудиться.
- Терпение и труд...
- Ты нам нужен, Чак. Мы тебе нужны не меньше. На фээсбэшную подсадку ты не похож, хотя всякое бывает.
- Ну, раз такие разговоры пошли. Пожалуй, поеду-ка я домой.
- Не обижайся.
- Когда тебя обвиняют в связях со спецслужбистами...
- Никто не обвиняет. Хотя это и не исключено. Может любой оказаться. Ты, Конан, Зена, даже я.
- Что, забыл - сотрудничаешь или нет?
- Про себя я все помню. Мне можно доверять. Чак, мы вместе такие дела замутим.

- Подожди меня в ополчение записывать. Как еще сговоримся.

- Сговоримся. Тебе есть куда торопиться?

- Некуда.

- Завтра я тебя свожу в Москву. Там кое-что покажу. Тебе понравится.

- Лады...

В доме места было немного, еще этот храп и перегар. Я устроился в тесной баньке.

В четвертом часу ночи я очнулся - будто током ударило.

У меня природное чутье - ко мне невозможно подобраться незаметно, как бы крепко я ни спал. Я ощущаю постороннее присутствие.

Приоткрыл осторожно глаза, не двигаясь. Дверь баньки осторожно отворилась. Упал лунный свет - мечта оборотней.

Я напрягся, готовый начать действовать.

Возник силуэт.

- Ну что, Чак. Вот и я.

*

В свинцово-тяжелой голове плескались какие-то мутные мысли. Подташнивало, кости ныли. Ощущение, будто двинули дрыном по черепушке. Ох, грехи мои тяжкие! За что мне такое?

Я натянул джинсы, сделал несколько неуверенных шагов. Что со мной произошло? Меня убили? Ранили? Отравили?

Толкнул дверь баньки. В глаза плеснул солнечный свет.

Птички поют, солнце играет в зеленых листьях. Красота.

Как же меня, старого волка, так укатали гражданские штафирки?

Пиво с водкой, при этом количество перешло в качество. Ну а еще - Зена.

Есть такие ведьмы, которые забирают твои силы и привязывают к себе.

Она пришла ко мне ночью. Атаковала со всей необузданностью дикой кошки. А дальше - ураган и марафон на истощение.

Первоначальные впечатления о ней подтверждались. Сексуальная необузданность, агрессия, стремление к манипулированию мужчинами. Абсолютно лишены предрассудков, такие женщины одаряют своим вниманием весь коллектив, точнее, наиболее авторитетную его часть - лидеров, главных вышибал, и постепенно перетягивают на себя нити управления. Эта у них на уровне подсознания.

Из века в век среди пламенных революционерок полно таких типажей. Для общего дела они

порой бывают опасны, потому что неизвестно, куда их может завести необузданный темперамент. Такие валькирии – источник интриг, конфликтов. Но они же могут объединять всех в каком-то нездоровом единстве. Закусив удила и убежденные в своем предназначении, они готовы взойти на костер.

Терзала она меня до утра. Короткий сон не помог мне прийти в себя. Наоборот – после него я ощущал себя совершенно разбитым.

Выяснилось, что встал я позже всех.

- С добрым, – кивнул Афон.

- И тебе, – поднял я руку в ответ.

Зена резала на столе овощи для салата, Глицерин, прикусив язык, раскладывал оставшиеся шашлыки. Жаба и Конана не было – они укатили на микроавтобусе ранним утром.

Усевшись за стол, мы приступили к трапезе.

- Чьи владения? – кивнул я на покосившийся дом.

- Жабу прабабка оставила, – объяснил Афон. – Используем как базу и называем выселками. В окрестностях три калеки живут. Дороги хреновые. Ни электричества, ни газа. Поэтому безлюдно, что нам и надо.

- Бомбочки можно испытать – тут карьер заброшенный, – мечтательно произнес Глицерин. – Кстати, а где утренняя опохмелка?

- Хватит. Ни капли, – отрезал Афон.

- Ох, тяжко, – застонал Глицерин.

- Можешь взять пару бутылок пива, – сменил гнев на милость Афон. – Ты остаешься здесь. Дыши свежим воздухом. Отдыхай. Скоро пригодишься.

- Заметано, – обрадовался Глицерин и отправился в дом за оставшимся в холодильнике пивом.

Зена на меня смотрела без кокетства, твердо, как будто ничего между нами не произошло. Интересно, атаковала меня она по своему разумению или по указанию Афона, чтобы привязать? И на фиг я пошел на эту связь?.. Потому что возжелал – это имеет место быть. Но куда важнее, что нельзя выходить из сценического образа.

- Куда едем? – спросил я, поднимаясь из-за стола.

- В Москву. Там по ходу увидишь, – сказал Афон. – Заводи тачку.

В Москву мы добрались через пробки и заторы часа через два. Столица встретила печным жаром и гарью.

По тротуарам ползали размякшие граждане. Водители, чьи машины не имели кондиционеров, уже были согласны отдать концы.

Мой «Форд» с трудом преодолел запруженный железными коробками на колесах проспект Мира, у Сухаревки вырuling на кольцо, потом в переулки.

- Куда едем-то? - спросил я.
- Да рули, - отмахнулся Афон. - Покажу.
- Я что, твой личный водитель? Скажи, куда надо.
- На Полянку.
- Другое дело.

Я припарковался около метро «Полянка». За книжным магазином «Молодая гвардия» в невзрачном «ВАЗ-2107» нас ждали Конан и Жаб.

- В машину, - кивнул Афон.

Конан буркнул что-то под нос, что означало приветствие, и с удовольствием вжал газ так, что хилый автомобиль прыгнул вперед, как лев.

В тесном салоне меня сжимали с обеих сторон Зена и Жаб.

Через полчаса мы остановились на бетонной площадке. Место безрадостное - слева заброшенные ржавые ракушки, справа - хозяйственные постройки и длинный бетонный забор.

Я напрягся. Они что, убивать меня сюда привезли? У Афона явно что-то тяжелое в барсетке. Ствол?.. Тогда зачем меня было сюда тащить? Не легче ли ночью тюкнуть топором и в карьере прикопать?

На всякий случай я прикинул, как действовать. Справимся... Наверное...

- У нас встреча с человеком, - сообщил Афон, распахнув дверцу и выставив наружу ногу. - С опасным человеком... Он очень хочет нас видеть.
- Я доброму разговору всегда открыт, - сказал я.
- Звони, - велел Афон.

Жаб набрал на мобильнике номер. И нарочито бодро произнес:

- Ну, ты как?.. Отлично... Через пять минут. Один буду. Хорошо.

Дал отбой. Перевел дыхание. Засунул телефон в карман - при этом пальцы его дрожали. Парень на взводе.

- Наша задача? - спросил я.
- Страхуем Жаба.
- Что-то мне это не нравится, Афон. Ты юлишь и ничего не объясняешь.
- Так надо.

Жаб перекрестился:

- Ну, я пошел.

Вылез из машины и направился вдоль забора, вскоре скрывшись из вида.

Афон закурил, бросая взгляд на часы. Я попытался задать ему пару вопросов, но он увертывался, как уж, и я плюнул на это занятие. А, будь что будет. Дороги мне обратно все равно нет.

Афон щелчком отбросил окурок:

- Конан, здесь жди. Чак и Зена - за мной.

Мы направились вдоль забора. Завернули за угол. Метров через пятьдесят перед заколоченными наглухо воротами была пустая автостоянка и лежали на боку две разбитых коробки ларьков.

Около ворот в тенечке от хилых деревьев стояли Жаб и лысый мужчина в черных очках - бесформенная и просторная, с языческими узорами рубаха навывпуск придавала ему вид крестьянина, выбравшегося на ярмарку. Они о чем-то негромко спорили.

- Не пялься на них, - приказал Афон. - Будто мы незнакомы, и они нам на хрен не упали. Держись в нескольких шагах за мной.

Он быстрым шагом зашагал вперед. Приблизился к собеседникам. И бодро произнес:

- Мужики, огонька не найдется?

- Нет, - буркнул лысый.

Рука Афона нырнула в барсетку. Точно, там у него пистолет «ТТ»!

Лысый рванулся вправо. Одновременно рука его потянулась к поясу. Он пытался уйти с линии огня, по науке вправо, поскольку стоящему напротив тебя человеку так труднее сопровождать тебя стволом. Надеялся пережить один или два выстрела. А дальше успеет выдернуть свой пистолет и послать ответку.

Рявкнул «ТТ». Еще раз.

Лысый не успел. Трудно успеть, когда стреляют почти в упор.

Тело дернулось, жертву бросило назад выстрелом. Следующий выстрел контрольный.

- Делаем ноги! - крикнул Афон.

Мы все неслись что есть духу. В голове моей царил кавардак. Но одно я знал точно - надо валить отсюда как можно быстрее. А разберемся потом.

И вот мы уже все в «Жигулях». Машина резво рванула с места.

Во мне вскипало бешенство.

- Ты чего творишь? - крикнул я.

- Не ори, - голос у Афона дрожал. - Выберемся - все объясню.

Через десять минут мы бросили машину в укромном месте.

- Не бойтесь, что найдут? - спросил я, вылезая из салона.
- Она краденая, - отмахнулся Жаб.
- Еще лучше, - буркнул я. - Тут наши отпечатки пальцев.
- Не бойся, деревня, - хохотнул Конан и засунул руку в сумку, лежавшую между сиденьями. Там что-то стеклянно хрустнуло.

Когда мы отошли на сотню метров, машина загорелась.

Через сорок минут я, Афон и Жаб оказались в длинной пятиэтажке на Кавказском бульваре. Зена и Конан затерялись по дороге.

В двухкомнатной съемной квартире все было завалено старой мебелью и ненужными вещами. Здесь царил кавардак.

Жаб отправился на кухню ревизовать холодильник.

- Располагайся, - кивнул Афон, падая на продавленный зеленый диван.

Я поднял с пола опрокинутый стул и уселся напротив него:

- Кого ты убил?
- Фээсбэшник. Он сумел выйти на Жаба. Хотел найти нас.
- И вы не нашли ничего лучшего, чем грохнуть его? Он один в ФСБ остался? За ним не придут другие?
- О Жабе он ничего конкретного не знал. Их свел посредник. Он был предателем. И уже мертв.
- Вы маньяки долбаные! - хлопнул я ладонью по журнальному столику так, что стоявшая там полупустая бутылка кока-колы подпрыгнула, опрокинулась, покатила и упала на пол, разбрызгивая свое содержимое. - Так дела не делаются!
- Именно так отныне и делаются дела. Так работает наша система, Чак.
- На фига ты меня туда потащил?
- Ты теперь наш. И делать все должны теперь вместе.
- Я еще не дал согласия.
- Брось. Ты наш. Зена сняла нас на камеру. Ты теперь соучастник убийства агента ФСБ.
- Чего? - Я нагнул к Афону.
- Чак, я же тебе говорю - у нас система.
- Это ты меня на крючок поймал, так?
- Не нагнетай. Просто нас должно что-то объединять. Крепко. Гораздо крепче, чем деньги.
- Афон, еще раз используешь меня втемную, и до светлого будущего не доживешь.

- Чак, ты же понимаешь...

- Я тебя убью, Афон. Притом убивать буду долго. И болезненно. Я это умею... Ты меня понял?

- Понял, - голос у моего собеседника немного просел.

- Вот и хорошо, - кивнул я. - А теперь к делу...

*

Дворцовый комплекс «Царицыно» выглядел как новенький. Точнее, лучше, чем новенький. Екатерина Вторая так и не достроила дворец, он простоял зловещими развалинами, пока московскому мэру не пришла в голову идея завершить замысел императрицы. Окрестные жители облюбовали его для прогулок, а московские власти - для официальных мероприятий.

У меня всегда возникает странное ощущение при соприкосновении с памятниками истории. Что-то схожее с дежавю. Все наши страсти, все наши порывы, победы и поражения, все, что мы пытаемся достичь, предотвратить или приблизить, - все это уже когда-то было. Миллионы и миллиарды людей, живших до нас, рвали жилы, шли на смерть, самопожертвование ради высоких или низких целей. Все прошло. Все перетерто и смыто временем. Люди - лишь волны на поверхности реки Хронос.

Интересно, что о нас напишут историки двадцать второго века? Территория, включающая часть Европы и Азии, на которой когда-то проживали славянские племена, погибшие в розни и отдемократизированные мировым сообществом до нуля?

Я встряхнул головой, отгоняя наваждение. Шкот вам в глотку, а не Россия. Мы выживем!

Я перешел через мостик, свернул на аллею и увидел Куратора.

- Подыхаю от жары, - он промокнул лоб носовым платком.

- Аналогично. Хотя на югах, где я волею судьбы вынужден был приятно проводить время, бывало и хуже.

- Жара и паразиты, - Куратор помолчал и добавил: - Паразиты - хуже жары.

Я доложил о прошедших событиях в подробностях (в общих чертах я ему уже сбросил сообщение).

- Ты веришь, что это ячейка «Альянса действия»? - спросил Куратор.

- Не знаю. Но они законченные социопаты.

- На психов ныне спрос.

- Кого хоть грохнул этот подонок Афон? Правда, сотрудника ФСБ? Или цену набивает себе?

- Правда, Сережа... Капитан Юдин. Из антитеррористического центра московского Управления.

- Вот черт!

На моих глазах грохнули коллегу, а я стоял бессловесной скотиной. Хотя что я мог сделать?

- Остались жена, двое детей, беспорочный послужной список, медаль «За отвагу». И еще пуля, смерть на грязном асфальте.
- Ничего, сочтемся, - с угрозой произнес я.
- Ты поучаствовал в теракте против спецслужб. Теперь Афон и его хозяева считают, что ты их с потрохами.
- Развели меня, как пацана.
- Зато теперь тебе будут доверять.
- И когда эта ячейка сгорит синим пламенем - меня объявят в розыск за соучастие в убийстве сотрудника ФСБ.
- Пусть это тебя не беспокоит. Все в наших руках... Надо раскручивать их дальше.
- Сейчас эта сволота будет готовить теракты. Что мне делать?
- Готовить вместе с ними.
- Предлагаете людей убивать?
- Если они не пойдут на что-то сверхординарное, а это вряд ли, учитывая их низкую квалификацию, - придется участвовать. Только уведомляй меня перед акциями. Попытаемся предотвратить... Или не попытаемся.
- Нормальный расклад такой, - возмутился я, но потом обуздал рвущееся из души раздражение. - Когда мы их будем глушить?
- Как только выведут на более увесистых рыбешек. Как только мы пойдем схему. Ты пока думай, как они контактируют с вышестоящими руководителями. И как наколоть эти контакты.
- Да нет ничего проще. Вот взорвем Мосгордуму и Министерство экономики - и руководители «Альянса» удостоят нас звания «Убийца года». На торжественном заседании всех и хлопнем.
- Остаточное чувство юмора не утрачено, значит, ты еще не потерян для общества, - хмыкнул Куратор. - Что я тебе могу сказать, Сергей? Сближайся с ними. Вживайся в их жизнь. Стань на время одним из них.
- Кстати, тот тип, портрет которого я дал. Что о нем известно?
- По нашим базам не проходит - точно. Внешность приметная. Кто он - не знаю.
- Может, из-за рубежа гусь?
- Может... А может, ты ошибся. И сделал портрет случайного человека.
- Вряд ли. Он изучал меня. Хотите, в мистике обвините, но я знаю - он приглядывался ко мне. И Глицерин, похоже, его не знал.
- Может быть... Пока вопросов больше, чем ответов... Ускоряйся, Сергей. Фактор времени очень важен.

- Мои друзья-террористы тоже утверждают, что у государства не остается времени. Они спокойны, потому что в головы их втемяшено - даже если они попадутся, то скоро некому будет их судить.

- Очень может быть, - Куратор нагнулся, подобрал веточку, с пристальным вниманием осмотрел ее и резко бросил в пруд. - К тому все идет...

*

Заместителя начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации смерть настигла, когда он выходил из подъезда своего дома на Комсомольском проспекте. Адьютант ждал его у машины, шофер сидел за рулем.

Чешский пистолет-пулемет «Скорпион Vz68» со скоростью восемьсот пятьдесят выстрелов в минуту за считанные мгновения выплюнул обойму.

Адьютант рухнул на асфальт, даже не поняв, что произошло - девятимиллиметровая пуля разнесла ему череп. Потом пули прожгли корпус черной «БМВ» и навсегда угомонили водителя.

Генерал прожил ненамного дольше.

Киллер с длинными волосами, в бейсболке, очках, затрудняющих опознание, подошел к генералу, произвел контрольный выстрел и бросил рядом с трупом пистолет-пулемет.

Туда же лег и фирменный логотип «Альянса действия».

На следующий день было нанесено еще несколько ударов.

Взрывное устройство, упакованное в спортивную сумку, сработало в рейсовом автобусе на Юго-Востоке Москвы - семь раненых, двое тяжело. Грохнул фугас на выезде из поселка на Рублевке, осколки пробили машину с синей мигалкой и пронзили председателя профильного комитета по борьбе с терроризмом Московской областной Думы.

В Самаре при монтаже взрывного устройства погиб восемнадцатилетний балбес. При осмотре его жилища следственные органы нашли горы агитационных материалов в стиле: «Долой», «Даешь», «Не потерпим».

Информацию, притом исчерпывающую, по всем терактам, к совершению которых могли иметь отношение боевики «Альянса действия», я получал незамедлительно по различным каналам связи. И изучал очень внимательно. Но до сего времени так и не обнаружил в них ничего, достойного внимания. Это был информационный мусор, может быть, важный для следствия, но совершенно бесполезный для идущего по следу волкодава.

Расправа с генералом ГРУ попала в поле зрения видеокамеры, перекрывавшей подъезды к филиалу «Инвест-банка». Настоящий блокбастер!

Четко видна фигура киллера. Вот он извлекает из кожаной сумки на плече пистолет-пулемет. Паппилярных узоров на оружии не обнаружено, так что он стрелял в тонких перчатках телесного цвета или предварительно обработал руки лаком.

Это уже третий высокопоставленный военный из центрального аппарата Министерства

обороны, погибший от рук боевиков «Альянса действия». Главный вопрос – действительно потрудились «Альянс», или отработали другие люди, прикрывшись террористами.

На следующий день «Альянс» выбросил в Инет обращение, где брал ответственность за теракт на себя. В тональности текста присутствовало ликование. Мол, высокопоставленного врага убили! Это успех!

Я раз за разом просматривал видеозапись. Мороз по коже от этого погружения в недавнее прошлое. Аджутант поджидает генерала, водитель листает планшетник. У этих людей какие-то планы, надежды. Они прикидывают, как проведут завтрашний день. Но их главы в книге судеб уже дописаны. Завтра их на этом свете не будет.

От смерти их отделяет одна минута сорок секунд. Они этого не знают. Но тот, у кого в сумке ждет своего триумфа хищный двадцатизарядный «Скорпион», уже вышел на цель. Вариантов не осталось, все определено...

Сработал киллер четко – прям загляденье. Сразил противников тремя экономными очередями. Сделал контроль.

Человек с практикой. Не похож на тех доморощенных террористов, с кем мне приходится общаться. Хотя, имея финансовые ресурсы, организаторы террора вполне могут подтягивать высококлассных специалистов, настоящих ударников киллерского труда. Лишь бы была достойная цель. Генерал ГРУ – цель очень достойная.

Я до боли в глазах вглядывался в монитор. Что-то тут должно быть. Червячок точил меня.

Вот киллер. Вот он идет к жертве. В пятидесятый раз смотрю этот момент. Что меня смущает? Фигура? Движения? Что?

Походка!

Я еще раз прокрутил запись.

Походка специфическая, с подпрыгиванием. Что-то напоминает. Но что?

Отключив комп, я посмотрел на часы. Пора, вскоре у меня встреча с Робом.

Тащить моего верного боевого товарища к себе на квартиру я не стал. В свете последних событий эта хата может быть засвечена. Поэтому встречу назначил в городе. Взял с собой старенький планшетник без выхода в Сеть. Он мне пригодится.

Я добрался до метро «Китай-город», спустился к Москворецкой набережной мимо новостройки на месте снесенной гостиницы «Россия». Купил билет на речной трамвайчик. Выбрал место на верхней палубе под тентом.

Уютно заворчал двигатель. Речной трамвайчик отчалил, чтобы устремиться по раз и навсегда заведенному кругу – три пристани, посадка-высадка экскурсантов-ротозеев, и обратно. Интересно, если у машин есть душа, то рвется ли она у этого речного трамвайчика на бесконечные океанские просторы, завидует ли он своим старшим братьям – белоснежным океанским лайнерам, режущим бесконечные водные просторы земного шара? Понимает ли, что ему не сойти с этого заколдованного круга?

– Здорово, Серега, – ко мне на скамеечку подсел Роб.

- И тебе не хворать, лейтенант.

С борта корабля Москва выглядела совершенно иначе – величественнее, интереснее, более цельной. Будто вода, отделявшая от берега, позволяла взглянуть на город отстраненно, как путешественнику, увидевшему на горизонте материк.

Я загрузил планшетник и продемонстрировал Робу покушение на генерала ГРУ.

Тот внимательно просмотрел запись, останавливая и возвращая просмотр на наиболее интересных моментах.

- Уверенно отработал, – заключил он.

- Профессионал.

- Вне всякого сомнения. Возможно, с военным опытом.

- Ничего не напоминает?

- Вроде нет.

- Что-то мне чудится знакомое.

- Может быть. Не знаю, – Роб задумался. – Нет, не знаю...

Я ему расписал всю ситуацию. Когда дошел до того, как грохнули капитана ФСБ, лицо его окаменело, и он прошептал:

- Вот же ублюдки.

- Еще какие.

- Сколько таких ячеек может быть в этом «Альянсе»?

- По оценкам экспертов, действует не меньше сотни активных боевиков. А то и больше. И вся эта деятельность обеспечена серьезными финансовыми вливаниями.

- И все мимо нас прошло.

- Да уж... Роб, «Альянс» должен затовариваться где-то оружием и взрывчаткой.

Роб в миру был известен как посредник в криминальных сделках с оружием. Эта деятельность была подконтрольная, она позволяла получить опережающую информацию о вооруженных преступных и террористических группировках.

- Я заброшу сеть, – пообещал Роб.

Распрощавшись с ним, я вернулся в свою квартиру. Поужинал холодным свекольником – кусок в горло не лез. И завалился спать.

Телефон, который я приобрел специально для контактов с ячейкой, зазвонил в три часа ночи, когда я видел какой-то очень приятный сон из безоблачного детства, из которого мне никак не хотелось выныривать.

Старенький «Нокиа» с черно-белым дисплеем лежал на тумбочке рядом с кроватью. Я мигом схватил его, вздохнул поглубже, утихомиривая взбрыкнувшее в груди сердце. Определился номер Афона.

- И с какого хрена, спрашивается? – грубо спросил я.
  - Здравствуй, котик, – голос принадлежал не Афону, а Зене.
  - Тебе не кажется, что ночь на дворе?
  - Я только сейчас могу тебе позвонить.
  - Афон спит?
  - Спит. Утомился, – она выразительно хмыкнула.
  - Ты мне звонишь сообщить, что хорошо проводишь время?
  - Я звоню, чтобы встретиться... Хочу тебя видеть. Хочу... – еще более выразительная пауза.
  - А не хочешь, чтобы Афон пристрелил меня из ревности? У него это хорошо получается.
  - Афон? Из ревности?.. Не шути. У нас нет собственности на женщин. И на мужчин. Кому с кем спать – это личное дело. Он не будет возражать.
  - Свобода нравов.
  - Зачем бороться за свободу человечества, если не можешь обеспечить ее для себя?.. Когда увидимся?
  - Да хоть сейчас. Все равно сон пропал.
  - А ты где? – спросила она как бы равнодушно.
  - Метро «Орехово».
  - А я в «Выхино».
  - Почти рядом.
  - Но сейчас не могу... Завтра в двенадцать. У метро «Новокузнецкая». Поговорим о жизни во Вселенной. Поедим мороженого.
  - Жестоко напьемся.
  - Только шампанское с клубникой и шоколадом. И в постель.
- Перспектива выглядела привлекательной. Постель – это хорошо. Это вдохновляет.
- Буду.
  - Значит, сговорились, – проворковала она.
  - Да...

*

Я прогуливался у метро «Новокузнецкая». Места знакомые. Здесь меня повязали на одной квартире. Я и мяу сказать не успел, как меня поставили под стволы и скрутили.

Вон выход из метро «Третьяковская» с торговыми стекляшками наверху – меня везли мимо в строгой, как катафалк, черной «Волге».

Это были лихие времена, когда мы куролесили с Жуком. Провели акцию возмездия в отношении лидера дагестанской мафии. Уничтожили таджикских наркоторговцев, подорвав фургон, в котором они везли пять кило героина. Планировали ликвидацию душегубов из одной диаспоры, собравшихся на юбилей почтенного вора в законе, но не успели их исполнить. Попались в сети Куратора – человека, который знал все.

Когда меня кинули в подвал, мало похожий на изолятор временного содержания, я решил, что мне конец. Колотья я не собирался. Погибнуть был готов давно и считал себя уже мертвым.

Но не было ни пыток, ни выматывающих следственных процедур. Были разговоры с Куратором.

– Для нас важна только Россия, – говорил он. – Она может быть или мощной империей, или ее вообще не будет. В империи все люди братья. Никто никого не режет.

Русская империя всегда была сильна тем, что вбирала в себя разные народы. И их пассионарная энергия вливалась в пассионарную энергию русского народа. Поэтому нужно не уничтожать друг друга, а восстанавливать единство целей. Возвращать заблудших. И жестоко наказывать тех, кто хочет гибели страны.

– Мы на краю, капитан, – сказал он мне тогда. – И ты нам нужен.

– Предлагаете сдать своих?

– Сдать? Кого? А ты знаешь, как ты тут оказался? Тебя и так сдали. И Жука твоего сдали.

Я вздрогнул.

– Вас сдали те, кто толкал вас на все эти безумства. Вы думаете, что боролись за страну. А вас разыгрывали, как пешки. И когда стало выгодно, вас просто отдали нам на съедение.

– Кто они такие?

– Манипуляторы. Этот мир манипулируем... Предлагаю поработать против них. Повоевать за Родину...

И я стал его человеком – руководителем группы контртеррора «НК»...

Я отогнал воспоминания и вгляделся в толпу у метро. Вот и Зена. Высокая, ладная, курчавая, в легком платьице, больше открывающем, чем скрывающем аппетитное загорелое женское тело.

Поцеловались. Взялись за ручки и отправились в недорогой ресторанчик «Лазанья».

Я заказал холодную окрошку на кефире и пива. Зена – фруктовый десерт и ледяной «Мохито».

– За наше случайное знакомство, – поднял я кружку.

- Ты чего, так прикалываешься?
- Это цитата из «Бриллиантовой руки».
- Это книга такая?
- Фильм. Старый.
- Отстой совковый?
- Именно так.
- Тогда зачем ты сыплешь оттуда цитатами?
- По привычке.
- Привычка - вторая натура, - напирала она агрессивно.

Похоже, она считала необходимым вступить в борьбу по любому поводу, и я поспешил перевести тему.

- Что мы все о моих вкусах. Давай поговорим о тебе.
- А что я? Я буду великой женщиной.
- Как Жанна д'Арк?
- Ну, во всяком случае, не как Мария Кюри.
- Так, нобелевских лауреатов знаешь.
- Я же не дурочка...
- А вообще, как ты до такой жизни дошла и связалась с нами?
- Повезло... Была отличница и красавица. Вся такая неземная, вся такая клевая и беззащитная. Мечта педофилов. Сопля в общем.
- А кто предки?
- Беспольные люди. Преподаватели МГУ. Учат всякой ереси дураков-студентов и страшно гордятся этим.
- Нечем гордиться?
- А чем? Что фаршируют мозги ненужными знаниями толпам зомби, которых производит эта поганая страна? Они вчерашний день. Прикинь, до сих пор зудят, чтобы я была хорошей девушкой. Интересуются, когда я им представлю жениха. Это они МНЕ! - Она сняла туфлю и потерла ногой мою ногу.
- Так, родители у тебя московские интеллигенты старой закваски.
- Они самые. Я не оправдала их надежд. Вот моя сеструха - такая бессловесная овца, носки вяжет. Кто сейчас вяжет носки? А она вяжет. Ей нравится. Вот у нее все благородно. Молодой человек. Свадьба. Притащила родакам внука - такого сопливого крикливого уродца.

- Не любишь родственников?

- Это взаимное чувство. Сестра считает меня сукой. Я ее - дурой.

- Почему?

- Она может хотеть только то, что видит перед собой. Как ящерица - комар летит, слизнула и счастлива. Ей нужен телевизор, стиральная машина и дача с грядками. И шмотки.

- А ты?

- А я двигаюсь вперед. Им меня не понять никогда. - Зена посмотрела на часы. - А не пора ли нам перепихнуться, мой повелитель?

Мы затарились шампанским, клубникой, шоколадом и отправились на мою лежку.

Потом были сладостные минуты... Потом короткий сон. И снова...

Затем она курила, не стесняясь наготы, а выставляя ее напоказ. У нее была хорошая фигурка и совершенно необузданный нрав необъезженной лошади. Вряд ли она представляла, что женщина может быть ласковой, податливой. Вот взбрыкнуть - это быстро. Она искрилась энергией, оголенный высоковольтный провод.

- Ты не договорила, как попала во все это, - вернулся я к старой теме, устраиваясь поудобнее на диване.

- От скуки и обыденности. От майки с портретом Че Гевары. Восхищение мальчиками, способными на поступки. И стремление выделиться из стада.

- Для пятнадцати лет нормально.

- Мне было семнадцать, когда я втянулась. Теперь живу полной жизнью. Ловлю драйв. Но не это главное, Чак.

- А что?

- Нынешняя жизнь не оставляет нам никаких шансов. Для нас давно все определено. Институт, потом офис, сплетни, поездки в Турляндию.

- Тебе этого мало?

- Конечно. Все жирные куски расхватаны до нас. Вон, в девяностые были шансы подняться высоко. Взять, что тебе причитается. И те, кто тогда поднялся, теперь сделают все, чтобы нам не досталось ничего. Чтобы навечно - они наверху, а мы внизу.

- Это да.

- Меня это не устраивает. Поэтому я снесу их карточный домик.

- И готова для этого взрывать.

- Любой человек готов. Просто ханжи не хотят сами себе в этом признаться.

Она погрузилась, присела на кровать рядом со мной, положив руку мне на грудь. И произнесла

вкрадчиво и немного потерянно:

- Но я боюсь.

- Чего?

- Не дожить... Мы реально можем попасться, Чак, - она помолчала и вдруг выдала: - Послезавтра мы взрываем три объекта.

- Мы? Я тоже?

- Афон тебе пока не доверяет. Будем я, Конан и еще один крендель - свободный художник, привлекаем, когда нужен большой бум. Посылочки оставим в супермаркете «Перекресток» в Подольске, на автобусной остановке на Северо-Западе Москвы и около управы «Останкинская».

- Это Афон нарезал фронт работы?

- Смеешься? Те, кто повыше. У них все просчитано. Это как увертюра. В определенный момент нужно извлечь определенный звук, чтобы возникла мелодия.

- Кантата террора.

- Мне страшно, Сережа. Мы слишком много на себя берем.

- Афон в курсе, что ты ведешь со мной такие разговоры?

- Ему незачем знать. Он посылает людей, может, на смерть. А я хочу жить. Помогите мне.

- Взорвать супермаркет?

- Сделать так, чтобы я ушла после теракта. Думаю, о тебе не зря говорят, что у тебя опыт.

- Ладно, - кивнул я. - Излагай условия задачи.

Она выложила все про время и место акции. Извлекла из сумочки и положила передо мной схемы. Я залез в Инет и нашел спутниковые фотографии местности.

- Все ясно, - кивнул я, прикинув. - Итак, врубайся, что тебе нужно, чтобы сделать работу и выжить.

Меня всегда считали асом тактического мышления. Так что расписал я ей действия подробно, по пунктам. Как отходить, как маскироваться, что делать потом. Где оставить смертельный груз.

Потом она ушла. А я остался один. Опустошенный и растерянный.

Что делать? Акция - десятки трупов. Возможно, не единственная ячейка, которая выйдет на тропу войны. А дальше - волна ужаса в стране и, как следствие - долгожданное введение чрезвычайного положения.

По идее, надо звонить Куратору и сообщать, что я выхожу из игры. Принимать Афона и его бригаду - правда, их надо еще найти, я знаю только одну их лежку. Объекты атаки известны - можно взять террористов там.

Или продолжить игру? Плюнуть на жертвы? Списать их, невинных, старых или молодых людей, граждан моей страны, рассчитывающих жить долго и счастливо?

Женщины, дети, иссеченные осколками тела, крики и девятый вал горя, катящегося от этого места, как цунами катит от извержения подводного вулкана.

Для кого-то это страшная беда. А для кого-то - игра.

Что же мы за люди такие - игроки! И что мы еще готовы принести в жертву этой жуткой бесконечной игре?

Рука потянулась к смартфону.

Сейчас нажму на клавишу и услышу голос Куратора.

Меня натаскивали, чтобы я предотвращал такие дела и наказывал тех, кто их совершает.

Этого не должно случиться.

Я погладил пальцами телефон.

Ну же, решайся...

*

Телевизор, как кухонный комбайн, измельчает жизнь человечества на фрагменты новостей и сметает их в квартиры граждан.

Падение самолета в Чили. Утонувший паром в Малайзии. Звездная свадьба Голливуда. Осквернение храма в Тамбовской области - очередная сатанинская арт-группа, двенадцатая по счету за последние пару лет. Взрыв у Синагоги. Взрыв в Дагестане. Акции протеста в Саратове. Звездный развод в Москве.

Не то. Все не то.

Очередной конец света. Ледовые шапки растут на полюсах, удар кометы приведет к изменению оси вращения Земли, всемирному потопу и гибели цивилизации. Когда? Через год-другой, пока точно не известно. Но перевернемся обязательно.

Тоже не то.

Я развалился на диване перед телевизором и ждал. Ждал ужаса, который должен сегодня обрушиться на нас. Террор и ужас - это ведь синонимы.

Террор - это бизнес на страхе. Обывателя пугает не то, что в машине могут отказать тормоза - это несчастье. Пугает злая воля, которая стоит за событиями. Мистический страх перед тем невидимым, кто решает за тебя и твоих близких - жить вам или умереть. Само осознание наличия такой осмысленной недоброй силы может довести человека до психоза, обрушить политическую систему, может стать козырным тузом в карточных раскладах, раскидываемых на планете Земля. Страх - это невероятное по разрушительной мощи оружие.

Время текло.

Если верить Зене, она уже должна быть в супермаркете, где по разработанному мной плану

оставит взрывное устройство и безнаказанно уйдет.

Минуты растягивались, как резиновые. Я ничего не мог делать. Ждал известий про объекты, где намечались акции.

Так тупо и просидел целый день перед компом и телевизором.

Старенький «Нокиа» зазвонил, когда уже сгустилась темень.

- Все в порядке, Чак, - объявила Зена. - Завтра встретимся?

- Встретимся.

- На старом месте. В одиннадцать тридцать.

- Думаю, тебе есть что мне сказать.

- Конечно, мой повелитель. Целую.

Когда она дала отбой, часы на столе символично пискнули. Полночь!

Уф-ф. А ведь я оказался прав.

Я прошел на кухню и накатил себе сто пятьдесят текилы. С солью. Пристрастился в свое время к этой самогонке, предпочитая ее водке и вискарю.

Руки у меня тряслись. Ну что, капитан, пронесла нелегкая!

И о чем я думал, когда укрыл от Куратора эту информацию? Черт его знает!

У меня было предчувствие - никому звонить нельзя. Как сорвавшийся с катушек азартный игрок, я поставил все на одну цифру.

И закрутил рулетку. Русскую рулетку, промах в которой означал смерть.

Куратор бы предотвратил теракты. И спалил бы меня. И всю операцию. А так я выиграл в русскую рулетку...

В одиннадцать тридцать - я у метро «Новокузнецкая». Там меня ждал сюрприз. С Зеной на встрече приперся Афон.

- Как жизнь, Чак? - спросил он как ни в чем не бывало.

- Просто отлично.

Зена держалась строго, на этот раз на ней была длинная юбка и кофточка с воротником под горло. Но она была, как мне показалось, немного смущена. Ясно, значит, разыграл комедию Афон.

- Отдыхаешь? - осведомился он.

- Скучаю.

- Тебе Зена говорила об акции, которая должна была пройти вчера?

Я неопределенно пожал плечами.

- Да ладно, я все знаю, - хмыкнул Афон.

- Тогда зачем спрашиваешь?

- Резонно... Проведение тех акций признали нецелесообразным. Слишком велик риск. Нам нужно нанести хирургические удары. Это очень важно. И будет соответственно оценено... Но для этого надо готовиться. Серьезно готовиться, Чак... Ты с нами?

- С вами, - решительно произнес я. - Только без подстав и разводов.

- Заметано... Ну тогда...

Афон выложил карты на стол...

*

Масштабная и бестолковая реорганизация Вооруженных сил принесла свои плоды. Теперь вокруг каждой войсковой части выются коммерческие конторки, отвечающие за хозяйственное обслуживание, эксплуатацию зданий и сооружений. А по территориям шатаются непонятные штатские субъекты, порой с отпетыми бандитскими рожами, острым глазом оценивая, что еще не украдено и как можно попилить государственные деньги. Часто они находят сочувствие у командования - вместе красть сподручнее.

Эти странные околовоеенные личности проникли даже на оружейные склады длительного хранения.

Склад в подмосковном поселке Суханово представлял собой целый городок из длинных складских помещений, наполненных стрелковым оружием. Роб, одетый в камуфляж без знаков отличия, внешне вполне соответствующий образу шустрого околовоеенного воришки, хозяйски обходил территорию. Держался подальше от помещений, охраняемых часовыми.

- Стоять, - с этими восклицанием он поймал за рукав прапорщика Витю Хляпина - опойного, с бегающими умными глазенками хищного лесного зверька.

Прапорщик двигался мимо с рассеянным видом человека, принципиально не замечающего, что творится вокруг. Форма мятая, фуражка под мышкой.

Кто по его виду скажет, что это недоразумение - диспетчер, вдохновитель, организатор серьезной организованной преступной группы со славной историей. Занимались эти предприимчивые ребята в погонах и без оных расхищением военного имущества, оружия и боеприпасов.

Роб пригрелся около этой гоп-компании три года назад и с того времени закупал здесь оружие, перепродавая различным группировкам. В том числе террористическим. Это приносило приличный доход, позволявшей нашей группе контртеррора материально не зависеть от работодателя. С другой стороны, сколько по его информации бандитских и боевых групп сняли, столько терактов предотвратили. Но высший класс состоял в том, что удавалось переводить стрелки на других, и боевики меньше всего были склонны винить его в своих неудачах.

- Где тебя носит? - раздраженно спросил Роб.

- А чего? Пожар? Наводнение? - Прапорщик хлюпнул носом.
- «Чего, чего». Мне железо нужно. Вот тебе и чего.
- Сколько, какое?
- Пять «АК-74», СВД - две штуки. «Макарычей» десяток. И винторез.
- О последнем забудь.
- Ты же делал пару раз.
- Забудь. Времена те прошли. Остальное через неделю будет. Только на СВД цены на четверть выросли.
- Опух? Ты весь мой навар сожрешь!
- Какие разговоры. Не бери.
- Витек, не наглей. Я твой главный клиент. С чем останешься?
- Ладно, на пятнадцать процентов. Не от меня зависит. У меня тоже поставщики, у них проблемы. Цены растут.
- Черт с тобой... Ящик Ф-1.
- Войну начинаете? Кого вооружаешь?
- Братву. Хочешь знать, какую именно? - улыбнулся многообещающе Роб.
- На фига козе баян? Только твоих секретов не хватало! - Прапорщик изменился в лице.
- И вот еще. С прошлой партии за мной должок остался - готов отдать.

Послышался звук автомобильного сигнала. В сторонке стоял «КамАЗ», рядом с ним скучали высокий, статный, эталонный вояка с майорскими погонами и квадратный низкий лейтенант.

- В гудок себе дунь - сигналит он, - заворчал прапорщик и крикнул: - Иду!
- Тоже покупатели?
- Ты за кого меня держишь? - возмутился прапорщик. - Вообще-то я служу. Отгружаю груз для танковой бригады. Подожди десять минут, я печать им поставлю... Вон, под грибочком поскучай.

Роб уселся на скамейку под фанерным грибочком, с неодобрением ткнул носком ботинка валявшийся окурков. Окурков было немало. Вся душа бывшего лейтенанта спецназа, а до того командира взвода ВДВ, служаки и педанта, восставала против подобного бардака. Сгноил бы солдат за такое!

Закурив, Роб наблюдал, как прапорщик Хляпин подбежал к майору, взял у него бумаги и направился в сторону штаба.

Майор неторопливо обошел свой тентованный «КамАЗ», уцепился за кузов, приподнялся,

заглянул туда. Лениво перекинулся парой слов со своим подчиненным. И подставил загорелое лицо солнцу, которое сегодня жгло немилосердно.

Роб присмотрелся к нему. Что-то его смущало в майоре. Но что?

И тут Роба как током ударило. Он присмотрелся внимательнее. И понял, что не ошибся.

Черт возьми!..

Роб взял мобилу с мощной фотокамерой. Демонстративно начал нащелкивать номер на телефоне – мол, отдыхаю, звоню, никого не трогаю. И в это время сумел сделать несколько снимков.

Хляпин появился минут через пятнадцать, ругаясь во весь голос:

- Одного нет, другого нет! Расслабились, салабоны!

Он вручил документ майору. «КамАЗ» укатил к контрольно-пропускному пункту.

- Бравые ребята, – сказал Роб подошедшему прапорщику.

- У майора взгляд змеи. Смотрит так, будто высматривает, куда тебе ядовитым зубом впиться. Наверняка бешеный по службе. Тяжело его подчиненным.

- Из какой части? Из девяносто восемь ноль пять?

- Из девяноста три сто пятнадцать. В Щурово расположение полка. На хрена им столько оружия с нашего склада? Своего, что ли, не хватает? И тротил с детонаторами.

- Для учений.

- Ох, не знаю... Не мое дело. Приехали, я отгрузил. Они увезли... Так чего там насчет денег?

- В старой камере хранения получишь. Код записывай.

- Сейчас, – прапорщик вытащил блокнот и записал продиктованный код.

- А этого майора не Карачаевым кличут? – спросил Роб. – Был у меня такой знакомец.

- Нет. Фамилия водоплавающая – Рыбак.

- Не тот... Ну и ладно... Ты о заказе позаботься.

- Сделаю в лучшем виде... Эх, Миша, сколько мы уже вместе работаем?

- Третий год.

- Считаю уже одна семья.

- Семья Адамсов, – хмыкнул Роб.

- Кого?

- Мультик такой был. Про семью упырей.

- Ты, может, и упырь, а я бизнесмен, - обиделся прапорщик. - Люди хотят купить - я продаю. У меня призвание такое - людям помогать.

- Тут мы с тобой похожи, Витя... Ладно, пошел я. Деньги получишь - СМС скинь: мол, спасибо, любимый, было хорошо.

- Ну пошляк, да.

- Бывай.

Роб добрался до своего дома в Подмоскowie уже затемно. Жара отступила самую малость, от пруда тянуло благодной прохладой.

Дома у него, как у делового человека, были компьютер, сканер, хороший лазерный принтер. Выкачав из телефона фотографии, Роб выбрал наиболее удачную. Увеличил. И распечатал на листе А-4.

Просидел некоторое время, рассматривая фигуру и лицо. Майор как раз был анфас.

Хряпнув вишневой настойки собственного приготовления, Роб распечатал еще пару фотографий. Положил на стол перед собой. Разглядывал пару минут. Зажмурил глаза, пытаясь восстановить картинку в движении.

Ну что, тот ли это человек, на которого он подумал? Или нет?

Роба глодали сомнения. Но постепенно они осыпались, как шелуха, обнажая твердую сердцевину уверенности.

Это он!

Роб пододвинул к себе смартфон и скинул командиру вызов на срочную встречу.

*

Помню, мы должны были зачистить очередную группу, промышлявшую в приграничье террором, рэкетом и обеспечением переброски через ниточку волшебного порошка. Работа предстояла жаркая, стволами одной моей ГСН не обойдешься. И мне придали группу Лешего.

Леший, он же майор Луценко, прибыл на двести пятую базу за три месяца до этого, но успел обжиться и провести пару удачных вылазок.

Руководителем операции поставили меня, как знатока местных реалий. Лешему не улыбалось подчиняться младшему по званию, но приказы не обсуждаются.

Был он широкоплеч, высок - прямо-таки просился на плакат «Слава Российской армии!». Мне предстояло узнать, каков он в бою.

Операция была отыграна как по нотам. Банда из восемнадцати моджахедов угомонилась в забытом Аллахом ущелье. Это был тир. Технология войны. Привычная работа безо всяких неожиданностей.

- Надо пулеметчика было выставить правее, на том холме, - недовольно произнес Леший, когда бой только закончился и еще подергивались продырявленные тела врагов, из которых уходила жизнь.

- Тогда бы оголили правый фланг. - Сердце мое бешено колотилось.
- Там и так никого не было.
- Могли быть...
- А, - махнул рукой Леший, мол, что с капитаном разговаривать.

Я обратил внимание на то, что он нереально спокоен. Его эмоции были просто выключены. После боя, когда положили столько народу - у людей неизменно наступает реакция. Кто-то треплется без умолку. Кто-то хохочет. Кто-то погружается в тяжелую тоску. Сколько бы ты ни воевал, все равно реакция будет. Слишком много адреналина пережжено в крови. Но майор Луценко был совершенно невозмутим. По-моему, вообще единственное чувство, которое ему было знакомо, - это тщеславие.

Сколько потом с ним сталкивался - и на учениях, и на совещаниях, его «Я» всегда было на первом месте. «Я сказал... Я думаю... Со мной не спорят»... Такой тип людей никаких добрых чувств у меня никогда не вызывал.

Через полгода эта самонадеянность довела его до беды. Без должного обеспечения он влез со своей группой на территорию, контролируемую полевым командиром Нугали. В результате ГСН вышла не туда, куда планировали, ей на след упали отборные моджахеды. Группа была заперта в горах и методично уничтожалась.

Разблокировать и спасти парней пришлось нам. К тому времени, как мы зашли моджахедам с тыла, из десяти человек ГСН потеряла троих, еще двое были ранены.

- Какого черта вас сюда занесло? - возмутился я, когда мы, расчистив путь отхода, сошлись на горном склоне.
- У тебя забыл спросить, капитан. Так, мужики, отходим, - начал бодро командовать Леший.

В общем, как-то не складывалось у меня с ним. Зато с начальством у него срасталось все очень неплохо. В то время когда я не мог выбить необходимое снаряжение и приходилось покупать за свой счет нормальную альпинистскую экипировку, Леший снабжался по высшему разряду. Когда мне лепили выговоры за упущения в ведении документации, майору Луценко вручили орден Мужества за ту самую операцию, из которой мы его вызволяли.

Хотя специалистом он был неплохим. Свою группу натаскивал как надо. А ко мне испытывал какое-то ревностное чувство. Он знал - мои ребята лучше. Да еще на спарринге в спортзале я его уделал.

Однажды я получил информацию, что горную кошару с обитателями, в том числе женщинами и детьми, зачистили не моджахеды из враждебного клана, а европейцы - шурави. Думал долго над этим. По всему получалось, что это могла быть только группа Лешего. Тогда я отмел эту версию. А потом забыл и самого Лешего...

С Робом мы встретились на конспиративной квартире. Лейтенант разложил передо мной на столе распечатанные на принтере фотографии с мобильного:

- Это киллер, заваливший генерала ГРУ!
- Вот этот майор?

- Да. Походка его... Но это не все. Такая же походка была у Лешего.

- Майор Луценко?

- Был Луценко. Сейчас Константин Рыбак, в/ч 93115.

- Что за часть? Спецпура?

- Танковый полк.

А что, может, и прав Роб. Недаром мне еще при первом просмотре в движениях киллера что-то показалось знакомым.

- Рыло не похоже.

- Что такое рыло? - небрежно махнул рукой Роб. - Себя самого в зеркало видел? Ты похож на капитана Гончаренко? Для лица пластика существует. А походку изменить сложнее.

- А что, может, ты и прав.

- Надо в этом направлении копать, Серега. Если мы не ошибаемся - это крупная рыба. А где рыба - там и рыбный косяк.

Роб отчалил, оставив меня в раздумьях. А через час появился Куратор, похожий на заморенную жарой собаку - дышал тяжело, потный, только язык не вывалил наружу. Тут я его и огорошил сенсацией.

- Получается, офицер ГРУ подрабатывает наемными убийствами, - кивнул он. Почему-то новость его не слишком удивила.

- Получается.

- Кем он был на двести пятой базе по званию?

- Майор.

- Сейчас, наверное, подполковник. Или полковник. Ладно. - Он сгреб в портфель распечатанные фотографии. - Проверим.

На этом разошлись.

Весь следующий день меня никто не тревожил. А потом вытащил на «кукушку» Куратор. Он был воодушевлен - таким он обычно бывает, если взял след.

- Есть новости, Сергей. Груз в в/ч 93115 со складов длительного хранения не поступал. Никто его не заказывал. Триста кило тротила, стрелковое оружие, противопехотные мины ушли в неизвестном направлении.

- И что военные? Спыхватились, начали расследование, пустили по следу служебных собак, подняли вертолеты?

- Держи карман шире, - усмехнулся Куратор. - По документам у них все сходится.

- Это что, можно вот так приватизировать взрывчатку?

- Можно все, если есть ресурс и прикрытие.
- Кто в силах прикрыть такую операцию?!
- А дьявол его знает. Как понимаешь, с расспросами я не могу приставать. И эти сведения добыть было нелегко... Дальше еще интереснее. Майор ГРУ Луценко, позывной Леший, числится пропавшим без вести.
- Что?!
- Официально погиб в горах при выполнении задания командования. Вместе с группой. Восемь бойцов. Никто не вернулся.
- Когда?
- Через год после вашего отхода.
- Твою ж мать!

*

Прапорщик Хляпин возвращался домой поздним вечером.

Душа его пела. Сегодня он получил очередной платеж. Наметились еще две сделки. По мелочам, но копеечка рубль бережет.

Прапорщик боготворил времена наступившей на Руси вольницы. Он не представлял, как бы жил в другой стране или в другие времена – от зарплаты до зарплаты. А теперь? Теперь...

Деньги он любил с детства. В этой беззаветной любви было что-то возвышенное и даже бескорыстное. Ведь он любил не столько блага, которые приносит богатство, не машины и квартиры, а сами денежные знаки. Не бумажки с лицами американских президентов, а восхитительное ощущение обладания ими. И еще более восхитительное чувство их преумножения.

Теперь с деньгами у него был полный порядок, счета росли, так что Хляпин считал, что жизнь состоялась.

Повезло ему с местом работы. А ведь начинал с выдачи портянок и простыней. Давно это было, еще при СССР. Тогда еще актуален был анекдот. Командир спрашивает прапорщика:

- Продовольственный склад потянешь?
- Потяну, товарищ подполковник.
- А вещевой?
- Потяну, товарищ подполковник.
- А оружейный.
- Не, не потяну.
- Почему?

- А там тянуть нечего.

Советский анекдот. Ретро. Нынче главные деньги именно на оружейных складах. Никакой тушенкой и носками их не перекроешь.

Сегодня он задержался на службе. Леха Терехов из командировки в Махачкалу привез с коньячного завода две канистры дагестанского коньяка. И проставился.

- Прапорщик - звучит гордо, - прошептал Хляпин, покачиваясь и пристально рассматривая фонарный столб.

Похлопал холодный металл и двинул дальше.

Завтра он сбавит партию пистолетов Макарова и получит с этого гешефт. Да, жизнь хороша!

Главное, быть хитрым, досконально знать документацию. И делиться! Последний пункт угнетал, потому что из-за него волшебный мешочек, где находились его накопления, мог быть гораздо увесистее... Но тут экономить нельзя. Делиться Господь завещал. Витя знал, что если бы не делился, то давно был бы в тюрьме или в гробу. Это большое искусство - кому и сколько занести.

Городок давно потерял статус военного, его заселили гражданскими штафирками. Но все равно он родной, тут каждый булыжник, каждый поворот знаком. Прохожие попадались редко - порядочные люди давно смотрят телевизор или спят. И он сейчас будет спать. А завтра выходной. Завтра надо опохмелиться.

- Ой, цветет малина, - пропел прапорщик.

Или калина?.. Нет, все ж таки малина. И вся жизнь малина.

Вот и родная кирпичная пятиэтажка - логово рядом с работой. Для жизни у него коттедж и двухкомнатная в Москве.

Так, достать ключ, не уронить. Это очень важно - не уронить. Потому что, если уронишь, придется подбирать, и тогда возникнет проблема - удержать равновесие.

Так, вот оно - гнездо для магнитного ключа. Щелк - дверь можно открывать. Тяжелая, железная, надо оттянуть ее всем телом... Открыта.

Теперь ступеньки в парадном. По ним надо подняться и не рухнуть.

Дом хороший, не хрущоба. Тут и лифт есть. Нажать на кнопку. И ждать...

Он оперся о стену, ожидая, пока подъедет лифт.

Сверху кто-то спускался. Хляпин скосил глаза и увидел парня в просторной рубашке и бейсболке. Ну, спускается и спускается. Не свой. Не сосед. Судя по всему, от Светки с третьего этажа. К ней все ходят.

- Извините, время не подскажете? - спросил парень.

- Время московское, - прапорщик посмотрел на часы. - Полпервого.

И мир брызнул искрами.

Профессиональный удар кастетом пришелся в висок. Второй – контрольный, с размаху по черепу.

Парень нагнулся над телом. Обшарил карманы жертвы, вытащил портмоне, выгреб деньги, документы бросил на пол. И быстрым шагом вышел из подъезда.

Пройдя квартал, уселся в невзрачную «Ладу Приора», которая резко стартанула.

Вскоре машина вырулила из бывшего военного городка на шоссе и разогналась на всех парах.

Убийца вытащил из кармана деньги, которые забрал у прапорщика, инсценируя ограбление. Там было тысяч двадцать рублями и пять сотен долларов.

Он смял деньги, опустил окно и вытянул руку. Развел пальцы. Поток воздуха подхватил купюры и разметал по шоссе.

- А вот это зачем делать? – с досадой произнес водитель.

- Это деньги мертвеца, – сказал убийца.

- Ну и что?

- Пусть мертвые пользуются своим. Мы живые.

- Вот сложный ты человек. Со странностями. Тебе это говорили? Столько бабок на ветер.

- А ты очень простой, Проня. Как шпала. – Убийца откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

*

- Держи. – Конан с криканьем поднял деревянный ящик, мы с Глицерином перехватили его и поставили на траву рядом с фургоном.

- Много там еще? – обиженно завопил Глицерин, для которого самая легкая физическая работа приравнивалась к изощренной пытке.

- Тебе хватит, чтобы сдохнуть, доходяга! – воскликнул бодро Конан.

Три ящика мы уже выгрузили и занесли в дом. Оставалось несколько коробок.

Наконец с разгрузкой было покончено. Груз перенесли в просторную комнату.

- Ну как? – с затаенной гордостью осведомился Афон.

- Внушает, – кивнул я. – И все новяк.

Было на что посмотреть. В ящиках – тротил, детонаторы, гранаты, боеприпасы, пистолеты Макарова и пистолеты-пулеметы «Клин ПП 9».

Я взял похожий на игрушку «Клин», разобрал. Осмотрел бойки, ударно-спусковой механизм. Перещелкнул затвор, нажал на спуск:

- В порядке машинка. Должна работать.

- Можем создавать партизанский отряд, – удовлетворенно произнесла Зена.

Она, как валькирия, держала в каждой руке по автомату, и по ее воодушевленному лицу было видно, как ей хочется ими воспользоваться.

- Положи стволы, Зена, - сказал Афон.

- Сразу положи...

- Нечего хватать, чего ни попадя. - Он чуть ли не силой забрал у нее автоматы. И обернулся ко мне: - Опробуем в лесу?

- Если патроны не жалко.

- Не жалко. Поехали, стрелки лесные.

Я, Афон, Зена, Глицерин залезли в фургон. И через четверть часа по жуткому бездорожью добрались до карьера.

Внизу навсегда застыл скелет какой-то копательной машины, проржавевшей еще до торжества в России демократии. И ни души. Место идеальное для отстрела оружия.

Я провел инструктаж по пользованию оружием. Расставил стеклянные и пластиковые бутылки.

- На сколько метров бьем? - деловито осведомилась Зена.

- С двадцати для начала, - сказал я.

- Фи, - презрительно поджала губки Зена.

- Ты с двадцати попади.

Конан повертел пистолет-пулемет с видимым неудовольствием. Машинка в его медвежьих лапах выглядела игрушечной. Прикусив язык, он прицелился в бутылки. Прижмурился. Длинная очередь. Ноль эффекта.

- Дай мне, стрелец, - хмыкнул Глицерин.

Он дал короткую очередь - кто-то, видимо, учил его, что не нужно пулять весь магазин... Еще одна очередь закончилась ликующим воплем:

- Й-а-а-а!!!

Бутылка подпрыгнула и разлетелась.

- Дай, сморчок. - Зена забрала у него автомат. Вставила новую обойму.

Хищно улыбнувшись, она высадила половину магазина. Никакого толка.

- Да, боеспособность подразделения находится на точке замерзания, - оценил я.

- Покажи класс, - вызывающе произнесла Зена.

Я взял ПП, переустановил на одиночные выстрелы. И высадил один за другим остаток магазина, снеся все бутылки. Ни одна пуля не прошла мимо.

- Снайпер, однако, - с уважением произнес Глицерин.

- В армии надо было служить, а не стены размалевывать лозунгами, - хмыкнул я и приступил к краткому курсу молодого бойца. Объяснял подробно - что такое пистолет-пулемет, как его держать, как наводить на цель, как спускать курок.

Через час Зена сбила свою первую бутылку. Глицерин старался от нее не отставать. И тоже стал попадать. А вот у Конана получалось неважно.

- Дайте-ка, - сказал до того не участвовавший в наших играх Афон.

Взяв автомат, он уверенно щелкнул затвором.

Стрелял он вполне себе ничего. Сшиб несколько пластиковых бутылок - стеклянные уже были уничтожены.

- В моих уроках не нуждаешься, - оценил я.

- Двинули отсюда, орлы, - махнул рукой Афон. - А то еще народ сбежится.

- Тут все и останутся, - хохотнула Зена.

- Ты собираешься теперь стрелять в каждого встречного? - любопытствовал я.

- Думаешь, кого-то пожалею, - очаровательно улыбнулась она.

Мы вернулись на базу усталые, но довольные.

Я еще раз внимательно осмотрел приобретения перед тем, как спрятать их в тайник в подполе.

- Серьезный арсенал, - оценил я, когда мы уединились с Афоном на скамейке перед хатой, прихватив трехлитровую банку с квасом. - Кто подогнал?

- Друзья.

- Начинаю верить, что у нас хорошие друзья. Перспективные.

- О чем я тебе и твержу уже давно.

- Раньше вы больше хлопотками забавлялись, - хмыкнул я. - Которые Глиц делал.

- Все меняется.

- И под какие игры эти игрушки?

- Все скажут в свое время. Пока нужно освоить машинки.

- Афон, скажи честно - с кем мы собрались воевать?

- Считаю, со всем светом. Заждался хорошего дела?

- Плевал я на хорошие дела. Это для детей. А мне нужен авторитет. Нужны деньги. А мы лежачий камень, под который не течет ничего.

- Чак, у нас вопросы не задают. Самодеятельностью не балуются. Будет приказ...

- А нас не разменяют, Афон? У революционеров это принято.

- Не разменяют. Я им нужен. И ты будешь нужным. Потому что таких, как мы, мало.
- А они, - я кивнул в сторону хаты, где расположились остальные члены ячейки.
- А с ними посмотрим. Как масть ляжет.

В тот же вечер мы отправились в Москву. Я сбросил информацию Куратору. И следующим вечером встретился на «кукушке».

- Похоже, железо из той партии, что в войсковой части взяли. Ну, та история с Лешим, - сообщил он с ходу, только присев в кресло и осушив заблаговременно подготовленную мной холодную минералку. - Но там украли гораздо больше.
- А где остальное? - поинтересовался я. - Раскидали по другим группам?
- Скорее всего... Это не первое хищение с военных складов. Спрут запустил щупальца гораздо глубже, чем мы полагали. Сейчас пытаемся выяснить, насколько, но напролом не полезешь.
- Опасные ребята.
- Очень. Прапорщика, который отпускал оружие твоему Лешему, грохнули.
- Зачем?
- Возможно, когда мы начали наводить справки по тому грузу, наши противники узнали об этом. И зачистили концы.
- Уходя, гасите всех, - кивнул я. - Вы мне узнали адрес, что я просил?
- Узнал. И адрес. И телефон. И много чего еще. Он живет в Электроуглях. - Куратор вытащил из портфеля пачку листков с распечатками. - Ты знаешь, насколько это опасно? Хорошо подумал?
- Где наша не пропадала. В этом вопросе нужна ясность. - Я пробежал глазами по распечатке. Завтра мне предстоит загородная поездка.

*

Люблю электрички. Что-то есть притягательное в железной дороге, уносящей тебя вдаль. Стук колес и стальные рельсы, тесно стягивающие земной шарик, - эти образы приятны с детства...

Народу в электричке полно. Столица как насос, утром втягивает людей, а вечером выдувает их обратно. И весь этот круговорот кажется вечным. Но я, как никто другой, знаю, что все это эфемерно. Нет такой вечности, в которую не может плюнуть человек.

Вспомнились ящики с тротилом, при моей помощи спрятанные в погребе. Пара тротильных шашек - и эта электричка со всеми людьми будет под откосом.

Еще несколько шашек в нужном месте - обвалится подъезд вон того девятиэтажного дома, похоронив жильцов.

Машина с тротилом - можно взорвать плотину и затопить город.

И все это выполнимо.

И есть те, кто продумывает эти сценарии.

Но мы не должны этого допустить. А я все не могу понять всей схемы. Головоломка очень уж заковыристая.

Я шел по электричке, отошедшей с Курского вокзала, выбирая вагон получше. Вот и драма – в тамбуре два пьяных гопника, на вид годков по двадцать пять – тридцать, с матюгами и брызганьем слюной пытались мять бока гражданину в галстук и с дипломатом. Непорядок. Походя я саданул одному гопарю кулаком под ребра, схватил нос второго пальцами со словами:

- Не шуметь!

Ударил его башкой об стену, прошел в вагон. Потом в следующий, где нашел свободное местечко у окна...

- Платформа сорок третий километр... Двери закрываются. Следующая станция Электроугли.

Моя. Пора.

Двери открылись, и я вышел на перрон. За мной из того же тамбура вывалился гопник, нос его красный и распухший – я постарался.

- Эй ты, гондон!

Это он мне? Его приятель попытался втянуть его обратно в вагон. Носатый вырвался и попробовал ухватить меня за локоть.

- А ну стоять!

- Как скажешь. – Я ткнул ему кулаком в живот и толкнул в тамбур.

Двери закрылись, электричка тронулась, увозя харкающего на полу гопника.

На площади я нашел стоянку нужного автобуса. Прождал минут двадцать и воткнулся в салон, ощутив еще более крепкую общность с народом – такую, что локтем не двинешь. Автобусы ходят плохо, забиты плотно. Терпи, если машины нет.

Через пятнадцать минут езды народу стало поменьше, я смог перевести дыхание. Потом пришлось пробираться к выходу. Меня вынесло с толпой.

Оглядевшись, я припомнил схему местности. Вон заросший деревьями, с детской площадкой, заставленный ракушками и трансформаторными будками просторный двор. А вон там, на пятнадцатом этаже проживает Ростислав Анатольевич Губарев.

Изучив материалы, которые мне привез Куратор, я теперь примерно представлял, как обстоит дело.

Бывший подполковник Вооруженных сил России, бывший офицер разведотдела двести пятой военной базы работал теперь в невзрачной коммерческой конторке заместителем по общим вопросам, не стремясь ни к деньгам, ни к победам.

Этого полноватого, немного с виду вялого мужчину, болезненно любящего порядок, учет и контроль, сейчас принимали за канцелярскую крысу, человека без фантазии и стремлений. Ведь никто не видел его в другой жизни, когда мы десантировались на перехват басмаческой

банды, и он шел вперед с автоматом, отдавая четкие, емкие команды, его глаза искрились азартом боя и абсолютным бесстрашием.

Губарев – единственный, кому я мог доверять безоговорочно по моему старому месту службы. Это человек чести.

Если раньше он был педант до мозга костей, то сейчас порядок возвел в религию. В одно и то же время уходит на работу, в одно и то же время возвращается на своем «Субару Легаси» 2007 года. Живет замкнуто, ведет трезвую жизнь. Сейчас семья у него на отдыхе.

Устроившись на скамейке рядом с детской песочницей, я вытащил из портфеля банку с потеплевшей газировкой, отхлебнул. Открыл книжку, положил на колени вместе с букетом цветов. В результате терактов всеобщая истерия поднялась такая, что одинокий мужчина на скамеечке – уже основание для вызова полиции. А полиция мне ни к чему, хоть и документы в порядке, и полицейская ксива прикрытия есть. Не нужно мне постороннее внимание. А так я типа жду даму сердца. Невинная овечка.

В девятнадцать пятнадцать, как по расписанию, темно-синий «Субару Легаси» зарулил на свое место на стоянке.

Я оставил на скамейке букет и направился к Губареву. Действительно, располнел, обмяк.

– Ростислав Анатольевич? – произнес я.

Он обернулся ко мне:

– Мы знакомы?

– Не узнаете?

– Не припоминаю, – вялый взгляд Губарева на миг приобрел былую остроту – как у снайпера.

– Мы служили вместе. Двести пятая база.

– Как вас величать? – спросил Губарев настороженно. Он не ждал от встречи с прошлым ничего хорошего.

– Капитан Сергей Гончаренко, командир ГСН.

Он откровенно враждебно и испытующе окинул меня взглядом. Расслабленность как ветром сдуло.

– Гончаренко? Не лепи горбатого!

– Позывной Земляк. Хуннгар. Вертолет, старенькая «восьмерка». Вы шагнули с вертолета первым со словами «Добьем их, мужики». Я шел следом. За мной – Мамонт и Шатун.

Он напрягся. Лицо его перекосила гримаса ярости, будто маску сдернули. Я думал, что он сейчас бросится на меня. Но он обуздал себя.

– Нам не о чем говорить!

– Как раз есть о чем. Могу многое рассказать.

- Меня не интересуют дезертиры, сделавшие пластическую операцию.
- И все-таки я скажу... Ростислав Анатольевич, наша группа пять лет назад ликвидировала крота. Нас заказали наркодилеры, мы чудом ушли. И я снова в деле.
- В деле? Что, наркотой приторговываешь? - хмыкнул зло Губарев.
- За Родину воюю. Дадите полчаса, и я все объясню.
- Зачем?
- Нужна ваша помощь. Нашу страну рвут на куски. Вы же видите, что творится.
- Пошли, - кивнул он, мельком осмотрев меня - нет ли где ствола.
- Не бойтесь. Если б хотел убить - в традициях нашей службы использовал бы снайперку или бомбу. Или отравил бы чебуреком.
- Сынок, я никого и ничего не боюсь уже давно.
- Я знаю. Вы просто спрятались. Надеюсь, до поры до времени.

Мы поднялись на пятнадцатый этаж. Губарев пропустил меня в квартиру со словами, произнесенными примирительным тоном:

- Выпить не предложу - я не любитель.
- Я тоже.
- А вот кофе угощу. Тут я специалист.

Перемена в его настроении от агрессии к сдержанной доброжелательности вовсе не означала, что он преисполнился доверия ко мне. Просто взял верх профессионализм - не демонстрировать эмоции, а если нужно, то с такой же милой улыбкой нанести смертельный удар.

- Одна из немногих оставшихся у меня слабостей, - разлил кофе по чашечкам, уселся напротив меня на тесной кухоньке.

Порядок идеальный, тут мы с ним схожи. Только здесь в интерьере ощущалась женская рука. И была детская комната.

- Детей от греха подальше из Москвы отправили? - спросил я.
- Тебе-то это зачем?
- А ведь вы чувствуете - впереди кровавые события. И детям лучше быть подальше от Москвы... Небось затоварились оружием.
- Охотничьим... Лучше объясни, почему я должен так мирно разговаривать с дезертиром?
- Потому что я не дезертир. Наша вина - мы не дали себя убить.
- Это уже интереснее, - криво улыбнулся Губарев.

- Ростислав Анатольевич, вы умный человек. Разведчик. Вы наверняка тогда понимали, что на базе творится неладное.

Он не ответил.

- Под крылышком нашего командования свили гнездо профессиональные наркоторговцы и еще бог знает кто. Не удивлюсь, если они наводили мосты с мировым террористическим сообществом. И вы знаете этих лиц.

- Даже так?

- Главным был генерал Проклов.

Мускул не дрогнул на лице подполковника. Он смотрел на меня, ожидая продолжения.

И я выдал ему все как на духу.

Выслушав рассказ, Губарев кивнул:

- Логика есть... Чем подтвердишь?

- А что вас убедит? Миллион долларов, которые мы взяли у генерала Проклова, - их к словам не приложишь. Но вы-то сами знаете, что я прав.

Губарев встал и вышел из кухни. Вернулся с плоской бутылкой «Хеннеси». Плеснул себе и мне в кофе:

- Понимаешь, капитан, я перегорел. Когда вы ушли, я уже ясно понимал, что вокруг творится предательство. И я не мог сделать ничего. Ушел в отставку.

- А мы легли на дно. Но теперь снова в обойме. Работаем на государство.

Вот так я выболтал походя государственную тайну самого высокого уровня секретности. И нисколько не жалел об этом.

- А знаешь, я тебе всегда верил, - произнес он задумчиво. - Видел тебя в деле. Помнишь, на Хуннгаре душман из-за скалы целил мне в черепушку, ты спас мою шкуру, сам подставляясь под пули.

- Вот такой я герой.

- Ладно. Считаю, твои объяснения приняты. Теперь спрашивай.

- Как майор Луценко и его команда оказались без вести пропавшими?

- Леший?.. Вышли на обычное задание. Единственная трудность - работали за ниткой. Но они там как дома расхаживали... И исчезли.

- Так и исчезли?

- Так и исчезли... Только все это ерунда. Я же не дурак. Там какая-то афера закручивалась. Я сам Луценко в последний поиск провожал. У него вид был какой-то насмешливый, даже глумливый. И мне показалось, что он прощался.

- То есть Леший и его братва - это вовсе не боевые потери.
- Точно. Это эвакуация. Такие волки на вес золота. Их перекрасили и спрятали до судных времен. И, насколько я понимаю, эти времена наступили.
- Но у кого такие ресурсы, чтобы вывести из игры и законсервировать ГСН таким вот образом?
- В Москву ниточки тянутся. Я же тоже разведчик, капитан. Я все видел... Давай еще по одной. За спецназ.
- За спецназ.

Хлопнули по рюмке. Губарев произнес устало:

- Вот что, капитан. Я попытаюсь тебе помочь. Подниму кое-какие контакты. Дашь номер для связи?

Я замаялся только на миг. А, была не была. И передал номер контактного телефона, вверив свою судьбу в руки этого человека.

- Не бойся, капитан, не продам, - произнес он, уловив мои сомнения.
- Верю, - искренне произнес я.

*

В Дагестане на пути следования кортежа заместителя министра внутренних дел России сработал замаскированный мощный фугас. Бронированную машину снесло с дороги и разорвало на части. Генерал-полковник был убит. Погибли еще пятеро офицеров.

Рядом с местом подрыва был обнаружен логотип «Альянса действия». После этого последовало обращение, что отныне «Альянс» действует совместно со всеми силами, нацеленными на демонтаж несправедливого государственного устройства России, в том числе с национально-освободительными движениями.

Синие ленты немного утихомирились. Зато, как тараканы из щелей полезли сектанты и мракобесы. Вандализму подверглись христианские церкви во Владимире и Пскове, похабными надписями были осквернены уникальные старинные фрески. В Новгородской области взорвана часовня.

Сектанты пообещали массовые самосожжения в преддверии конца света и организовали в ряде городов коллективные молебны о свержении антихристовой власти.

Суд Московской области запретил деятельность секты «Свидетели Второго Пришествия», открыто призывающую к борьбе с «кремлевскими бесами» и поджогам государственных учреждений. Европарламент и Госдеп США выразили резкий протест против нарушения свободы совести в России. Всемирная торговая организация выкатила длинный список нарушений со стороны России.

Высшей точкой всего этого безобразия было совершение за сутки серии терактов. В Москве расстрелян вместе с охранниками около своего дома вице-президент Внешторбанка, бывший генерал СВР. В Питере в зале кинотеатра «Победа» взорвалось упакованное в спортивную сумку взрывное устройство, забрав две жизни. В центре Москвы в восемь часов вечера из

пистолета расстреляны два офицера МВД России.

На всех местах происшествий нашлись визитные карточки «Альянса действия».

В кабинете на Волгоградке собралось совещание руководства «НК». Место Юрасина пустовало и невольно притягивало взгляды, напоминая присутствующим о том, как погиб боевой товарищ.

- Вчерашняя сводка - все в курсе? - осведомился генерал Панасенко.

- Похоже на Варфоломеевскую ночь, - произнес Гаврилов.

- Настоящая война, - кивнул Куратор.

Зазвучал звонок внутреннего телефона.

- Пусть проходит, - сказал генерал.

В кабинет вошел невзрачный, лет под пятьдесят, с жиденькими волосами, в очках, с папкой под мышкой типичный человек... Его манера держаться была свойственна для топтунов - в службе наружного наблюдения люди утрачивают приметы и свойства, учась перевоплощаться в кого угодно. Он поздоровался и остановился посередине кабинета.

- Полковник Протас Николай Николаевич, - представил вошедшего генерал Панасенко. - Новый руководитель сектора «С».

- Не думаю, что смогу заменить генерала Юрасина, - произнес Протас сухо. - Но сделаю все от меня зависящее, чтобы дело, которое он начинал, не пострадало.

- Если не секрет, в каком полку служили? - спросил Гаврилов.

- Начинал в службе наружного наблюдения. Пять лет в военной контрразведке в Группе советских войск в Германии. Год - в защите конституционного строя. Потом во внедрении, антитерроре. Последнее время отвечал в антитеррористической службе за взаимодействие с подразделением генерала Юрасина.

- Понятно, - кисло произнес Куратор.

Он был озадачен. Не думал, что им сунут человека со стороны, даже имевшего отношение к работе «НК». Кто мог его сюда толкнуть, притом сразу руководителем сектора? Генерал Панасенко? Вряд ли - судя по его виду, он не слишком рад пополнению, хотя и неприятия не высказывает. Такие кадровые решения может принять только Директор ФСБ. Наверное, деятельность «НК» начала вызывать много вопросов у руководства. Трудно терпеть такую структуру. Пока были результаты и удавалось пресекать террористические угрозы - с ней мирились. Теперь она дала слабину, и сюда начнут подсовывать надзирателей и стукачей. А потом и вовсе прихлопнут.

Это очень плохо. При всех последних неудачах «НК» все равно остается наиболее эффективным механизмом противостояния террористической угрозе.

- Учитывая нашу оперативную бесполезность, а также теоретическую беспомощность, нашлись умные люди, предложившие программу выхода из кризиса. - Генерал протянул всем присутствующим распечатки с документом, заверенным двумя нулями секретности.

Куратор пробежал глазами текст. Много чего там было мудрого. И предложения арестовать всех оппозиционеров. И разворачивание сети фильтрационных лагерей. И введение комендантского часа. И прекращение деятельности большинства партий.

- Ну что? - Генерал обвел глазами присутствующих.

- Дурдом, - отодвинул от себя бумаги Гаврилов.

- Шизофреников в нашем ведомстве всегда много было, - поддержал его Куратор.

Он вспомнил генерала, под руководством которого пришлось работать. Тот закрывался в кабинете, вырезал из журналов иллюстрации, вставлял в рамки и дарил отличившимся сотрудникам. Потом решил пойти на вышестоящую должность, попал на медкомиссию, и первый психиатр выдал ему диагноз - вялотекущая шизофрения. Сейчас госпитализирован, агрессивен, очень толково рассказывает про «инопланетно-масонские заговоры» с целью свержения государственного строя. Врачи его любят, поскольку у него какая-то редкая симптоматика, и на нем защитили не одну диссертацию.

А вспомнить другого сурового генерала, которого Андропов послал в МВД, чтобы тот прикончил это ведомство. Времена другие были, а диагноз тот же - шизофрения.

Похоже, руководитель Управления, подписавший этот документ, стремился попасть в эту теплую компанию.

- Вкупе с экономическими провалами из-за вступления в ВТО это бессистемное закручивание гаек в течение месяца-двух приведет к взрыву, который при нынешней степени деморализации органов правопорядка нам не погасить, - оценил документ Гаврилов.

- Согласен, - кивнул Куратор. - Драконовские меры имеют смысл, только когда являются частью более широкого комплекса спланированных мероприятий. Тогда с их помощью можно решить некоторые тактические задачи, да и то ненадолго. Этот план - путь в пропасть.

- И он будет принят, если мы не достигнем успеха, - объявил Панасенко.

- Все-таки что-то мы делаем, - сказал Гаврилов. - По информации моих агентов, в Питере задержана группа из трех взрывников. В Самаре...

- Все это шушера, - прервал его Панасенко. - Они подмазываются к «Альянсу». Эта нить никуда не идет.

- Если «Альянс» существует, - подал голос новый руководитель сектора «С». - Если это все не какая-то хитроумная игра.

- Какая игра? - возмутился Куратор. - Доигрались уже - сотни трупов. И это только начало.

- Кстати, а у вас есть какие-нибудь подвижки, Александр Аверьянович? - впился в него глазами генерал.

- Пока не готов доложить.

- А вы не злоупотребляете нашим долготерпением?

- Я не могу сейчас выдать результат. Но скоро он будет, - жестко произнес Куратор.

- Будем надеяться.
- Иначе я положу удостоверение на стол.
- Может статься, одними удостоверениями не обойдемся...

*

Прислонившись к стене у входа на станцию метро «Автозаводская», я ждал, попутно обшаривая айпадом, как локатором, Интернет. Настроения там были запредельные. Царила веселая атмосфера нравственного разложения. Люди совершенно потеряли ощущение, что такое хорошо, а что такое плохо.

Тема - недавняя техногенная катастрофа в шахтерском городке с полусотней трупов.

«Жалко людей.

Голосовали за партию мошенников. Теперь пускай детишки сиротами побудут.

Правильно. Пускай с голодудохнут.

Да, не жалко».

Следующая тема. В Зауралье террористами взорвана патрульная полицейская машина:

«Многовато полицаев еще живых.

Жалко, только одна машина.

Хороший полицай - мертвый полицай.

Что вы пишете, педерасты? У погибших же дети.

И детей следом за ними в топку. У полицаев только уроды рождаются».

Да, офисный хомяк - чрезвычайно воинственное существо.

Люди стремительно утрачивали все человеческое, приближая кровавую бурю, которая сметет их первыми.

Тут я увидел старый «Пежо». Направился к нему, уселся в салон.

Куратор нервно рванул машину с места, пролетел на красный свет. Покрутился минут двадцать, ближе к окраине остановился около пустыря, съехал с дороги. Хорошее место - все видно вокруг и никто не запишет наш разговор с помощью техники.

- Последняя серия терактов - это уже широкомасштабная война, - сказал он.

- Александр Аверьянович, сколько мы воюем. Бьем по рукам. А голову не видим.

- Сколько мы с тобой спорим об этом? Очевидно, что государственный суверенитет отмирает. Миром рулят финансово-экономические и информационные структуры. Англосаксонская, еврейская, арабская и единственное государство - Китай. На деле англосаксонская и иудейская фактически слились воедино. Самостоятельность арабов вызывает сомнения. Хотя

есть другие мнения о количестве этих групп, но главное, что заказывает музыку глобальный капитал.

- И тут мы, Россия - не пойми что.

- У нас один путь - возвращение суверенитета. Мы наследники Российской империи и Красной Сверхдержавы. Мы всегда подпирали земной шар. И нам не влезть в их рамки. Без суверенитета нам конец... Глобализация - ты не задумывался, как она выглядит?

- Как прожорливая жаба.

- Точно. Глобализаторы - эти финансово-промышленные альянсы, их даже организацией не назовешь, потому что нет единых управляющих органов. Это существо, каждая клетка в организме живет в унисон, даже не понимая этого.

- Должен быть мозг. И он приговорил Россию к смерти. Отсюда заказы на дестабилизацию обстановки, на террор. Интересно, приговор окончательный и обжалованию не подлежит?

- Не совсем так. Этот самый мозг чудовища - он больше живет рефлексам, и у него случаются приступы шизофрении.

- То есть?

- Элитные группы не едины. Внутри них свои движения. В их кильватере тащится огромное количество манипуляторов из ушедших времен - мистиков, масонов, иезуитов. При общем едином векторе движения иногда правая рука не знает, что творит левая.

- То есть нас списала только часть мировой элиты? Тогда я спокоен.

- Зря смеешься. Взгляни на историю. Манипуляторы и самозванные хозяева мира всегда ударно кроили человечество по собственным лекалам, достигая больших успехов. И в конечном итоге их ждал крах. А потом были очередные попытки покорения мира и обуздания бешеной энергии человечества. Но человечество - слишком сложный объект. Всегда включаются элементы системы противодействия. Сегодня это Китай и часть исламского мира. Завтра будет Россия.

- Пока что мы на коленях.

- Не совсем, Сергей... Да и самые страшные наши поражения всегда приводили к блистательным победам. А знаешь почему? Потому что нет силы, способной сломать нашу душу.

- По количеству воров и предателей, в том числе в высших властных структурах, этого не скажешь.

- А не было бы их, как бы мы познали себя?

- Тоже верно...

- Дадим сейчас отпор - выйдем на вектор национального развития. И тогда нас никто не остановит. Сейчас точка перелома. И мы ее пройдем... Ладно, давай к нашим баранам.

- Я проанализировал практически все теракты «Альянса», - перешел я к делу. - В основном это колхозная самодеятельность - заложить бомбочку, бестолково пострелять. Но небольшая часть терактов исполнена великолепно. У системы два уровня. Расходный материал, как Афон и его

команда. И в их тени скрываются матерые спецы типа Лешего.

- Что предлагаешь?

- Я бы проверил бойцов спецподразделений, пропавших без вести за последние лет пять.

- Как ты это видишь? ГРУ закрытая структура. Потери вообще не учитываются. Со спецназом ФСБ и МВД тоже будут проблемы. СВР - вообще государство в государстве.

- Александр Аверьянович, а если я прав? - вкрадчиво произнес я. - Это надо сделать.

- Надо, надо, - Куратор нахмурился. - Сделаем, если надо...

*

Днем жара достигла своего апогея. Столбик термометра приближался к сорока градусам, солнце жарило, как микроволновка. Асфальт пружинил под ногами. Город скрывала пелена дыма от горящих торфяников. Народ изнывал, люди падали в обморок.

С наступлением темноты пришел холодный арктический фронт. Что-то произошло в небесной канцелярии. И началось светопреставление.

Я стоял у окна. Люди исчезли с улиц. За окном - плотная стена дождя. Подхлестнутый ураганным ветром дождь рушился почти горизонтально, какими-то полосами. Казалось, он смывает город.

На моей крыше стучал металлический лист, сопровождая неистовство погоды ритмичной шаманской музыкой.

Хрясь - сорвался и полетел по улице рекламный плакат. Кряк - упало дерево и пригвоздило к асфальту машину. Порывы еще усилились. И я с изумлением увидел, как согнутые в почтительном поклоне фонари не выдерживают и начинают разворачиваться. Чувства первобытного восторга и панического ужаса распирала грудь.

Дзинь - разлетелось где-то внизу оконное стекло.

Заискрило - сорвало провод, и он весело запрыгал по асфальту.

Это же фильм-катастрофа!

А потом ветер резко стих. И остался дождь, теперь уже спокойный и мирный.

- Однако, - покачал я головой и плюхнулся в кресло.

Зазвонил телефон.

- Весь внимание, - произнес я.

И услышал отрывистое:

- Завтра. В двенадцать. На выселках.

Афон дал отбой.

Утром, добравшись до деревни на полчаса раньше назначенного времени, я застал там загорелого, свежего Глицерина. Он тут уже пятый день и вполне доволен жизнью. Устроился вполне прилично – деревня покрывалась сотовой связью, так что работали телефон и Интернет. Таким образом он до опупения плавал в Сети и колдовал с самодельными взрывными устройствами. Мечтал влезть на склад в погребе и поиграться с железками, но Афон однозначно заявил, что свернет ему шею.

Афон с Зеной приехали через час после меня на каком-то жуткого вида «Москвиче» – таких не производят уже давно.

Еще через полчаса появились на фургоне «Ссангйонг Истана» Конан с Жабом. Притащили продукты, мясо для шашлыков и много пива. Такая добрая традиция – совмещать производственные совещания с пьянками на природе.

По той же традиции серьезные разговоры начинались за накрытым столом, но до того, как алкоголь затуманит мозги.

Пригубив пиво, Афон торжественно объявил:

- Ну что, братья мои! Пришел наш час. Пора оправдывать доверие.

Он обвел нас взглядом и плотоядно оскалился:

- Готовы окропить Москву кровушкой?

- Фи, – хмыкнула Зена – мол, дурацкий вопрос.

- Главное, чтобы смысл был, – заметил я. – Просто так льют кровь исключительно маньяки.

- Смысл есть. – Афон разложил на столе фотографии и схемы с разноцветными стрелочками.

- Что за хрень? – удивился Конан.

- Общежитие еврейского института Нахманида.

- А на кой нам евреи? – воскликнул Конан и брякнул невпопад: – Они обрезанные.

- Отстал от жизни, Конан, – произнес Афон. – Евреев теперь там днем с огнем не сыщешь. Учебное заведение перепрофилировалось на подготовку кадров для Северного Кавказа.

- И че нам Северный Кавказ? – не отставал Конан. – Не они наши враги.

- Не они. Мы интернационалисты до мозга костей. Если люди правильные – хоть негр, хоть алеут, – это соратники. Тем более что большинство наших врагов – русские.

- И тогда на кой нам эта общага?

- Сколько вам мозги вправляю. Главное не конкретные враги, а цели. Цель простая – правильная власть. Северный Кавказ – это не только угроза Империи Рашке, с учетом двух чеченских войн. Но и ее опора. Большинство населения там поддерживают партию власти. Поддерживают как паразиты, потому что кормятся за счет Центра.

- Дискуссионный вопрос, – подал голос Жаб.

- Потом обсудим. К делу, - сказал Афон. - Праздник у дагестанцев будет. Мы примем в нем участие. С хлопушками и салютом.

- Цель? - спросил я.

- Максимальное уничтожение материала.

- Конкретных лиц или на кого Бог пошлет?

- На кого Аллах пошлет.

Об этом институте я не только слышал, но и работал по его птенцам два года назад. Это сомнительное учебное заведение время от времени зачищали правоохранители. Был громкий скандал, когда дети гор бросились на ОМОН, приехавший задерживать студента, кого-то подстрелившего в центре столицы. ОМОН победил.

Тогда я работал по шахидам. Ожидалась гастроль массовиков-затейников с Кавказа - в столицу навострили лыжи несколько шахидок. А завозили их как раз студенты этого драного института.

Одна из этих сумасшедших девок на съемной хате решила полюбоваться, идет ли ей пояс шахида и как сочетается с платьем. Пояс закоротило, она погибла. С этого момента и началась раскрутка. Времени на следственные процедуры не было, поэтому к нейтрализации угрозы подключили мою группу контртеррора.

Мы прошлись по всем связям шахидок. Работали по незатейливой схеме - захват, допрос с пристрастием, ликвидация. Двух куриц сдали в руки ФСБ, еще двух уничтожили. И пятерых инициаторов, в том числе заказчика, не успевшего смыться в горы, настигли.

Найдут их не скоро - прикопаны за Кольцевой дорогой глубоко. И я не испытывал никаких угрызений совести, страданий по погубленным жизням. Жизнь меня научила - бешеных собак пристреливают. И душа зачерствела давно. Еще в детстве, когда они уничтожали мою семью. А прав я или не прав - рассудит Господь.

Как поет Трофим:

Кем мы были для России,

Не рассудит нас ни один судья.

Жаль, что цену нашей жизни

Мы поймем, из жизни уходя...

Если эту общагу взорвать, то, конечно, воздух чище будет. Но на Кавказе напряженность скакнет, как при коротком замыкании.

- Ну что, твои предложения? - обернулся ко мне Афон. - Ты у нас специалист.

Я не спешил с ответом, внимательно изучая схемы, фотографии. Братва терпеливо ждала моего авторитетного слова. Между тем в голове уже складывался порядок действий.

- Заходим отсюда, - палец мой заскользил по схеме, составленной из двух склеенных листов формата А4. - Пара гранат в столовку, где собираются на праздник - и там ад крошечный. Насколько знаю эту публику, сборище будут охранять суровые горцы со стволами. Могут

расположиться здесь и здесь. Необходима хорошая предварительная разведка... Делимся на две группы, отрабатываем общагу в максимальном темпе. И отход. Машину угоним перед акцией. Маскировка – парики, бейсболки, чтобы камеры видеонаблюдения не задокументировали.

Карандашом на схеме я нарисовал направления проникновения и действия группы.

- Теперь расчет оружия и боеприпасов. Того, что есть у нас, хватит за глаза.

После обстоятельного обсуждения деталей Афон вынес вердикт:

- План годный. Какие видишь подводные камни?

- Хуже всего с подготовкой терроргруппы. Она никакая.

- Не промахнусь, – скривилась Зена.

- В вас тоже будут стрелять, – напомнил я.

- Не испугаемся, – кинула презрительно Зена.

- Не участвовать ни в чем так и не научимся, – резонно заметил Жаб.

- Учиться надо сначала на кошках, а не сразу на мамонтах, – буркнул Глицерин, которого перспектива перестрелки не вдохновляла. То ли дело оставить на троллейбусной остановке сумку с бомбочкой.

- Не скажи, Глиц, – начал кипятиться Жаб. – Лучше сразу на мамонте учиться. Если тебя мамонт не затопчет, тигров потом можно не бояться.

- Хорошо базлать, – прервал их Афон. – У нас неделя на подготовку. За это время мы должны довести наши действия до автоматизма. Сейчас разъезжаемся. Через два дня здесь. На тренинг.

- Мало времени для достижения элементарной слаженности, – отметил я.

- Больше нет, – сказал Афон. – С тобой, Чак, нам нужно провести рекогносцировку.

- Чего? – не понял Конан.

- Определиться на местности.

- У вояк какой-то язык обезьяний, – скривился Конан.

По моему мнению, Афон вел себя неправильно. Перед такой акцией нужно держать на коротком поводке каждого, а не отпускать на четыре стороны. То ли он так уверен в своих людях, то ли не привык перестраховываться.

Уже стемнело, когда я прибыл на свою квартиру и сбросил сообщение Куратору.

*

На большом щите с картой Ботанического сада был перечень запретов. Нельзя бросать мусор. Разводить костры. Рубить деревья.

- Смешно, - сказал я. - Но нашим подопечным хочется именно этого - жечь везде костры и бросать мусор. Государство виновато в том, что не дает этого делать.

- А еще им запрещают заплывать за буйки и переходить улицу на красный свет, - кивнул Куратор.

- А что, ныне в моде кривые зеркала. В них свобода - это освобождение от всего человеческого. Свобода взорвать мир. Свобода совать пальцы в розетку.

- Сергей, творцы зеркал прекрасно знают, что такое розетка. И науськивают всех - сунь туда пальцы. Когда людям это надоедает, затейники выдумают что-то новое, например, бить камнем по взрывателю бомбы - свобода же. Пока всех колотит электрическим током, ушлые ребята прибирают власть.

Ботанический сад - прекрасное место для неторопливых прогулок. Мощные деревья, сосны, березы, заросли экзотических растений, беззаботные птицы, шмыгающие по аллеям белки, велосипедисты, мамы с колясками. И мы с Куратором - два угрюмых типа, от которых зависит, удастся ли удержать этот мир от падения в бездну.

Я довел до Куратора план террористической акции.

- Хорошо спланировал, - похвалил он меня.

- Пустое. Выполнять это не собираюсь! - произнес я твердо. - И вообще - не пора ли прихлопнуть эту гоп-компанию?

- Пора - не пора. - Куратор указал на пустовавшую беседку на окраине «Японского сада». - Присаживайся. Ты сам что думаешь?

- Допустить этого нельзя. Кавказ не вспыхнет весь, но начнется серьезное обострение. Ситуация станет раскачиваться. И в один прекрасный момент взорвется.

- Одно упускаешь, - Куратор раскурил длинную сигару и стал напоминать Черчилля. - Ставки в игре куда крупнее дестабилизации Кавказа.

- И что?

- А то, что вы отработаете акцию.

- Чего?!

- Отработаете. Постарайся продемонстрировать профессионализм. И вытащить этих кретинов из передраги живыми.

- Но...

- Сергей, так надо.

Конечно, Куратор гораздо больше информирован, чем я. У него могут быть любые резоны. Очень важные. Но все равно - есть же пределы.

- У тебя сомнения?

- И очень большие.

- Так отбрось их, капитан.

- Есть.

- Ну, вот и ладненько, - улыбнулся Куратор с безмятежным видом. Будто не обрек только что на смерть десятки человек.

С другой стороны, не так давно я принял примерно такое же решение, когда не доложил Куратору о готовящихся взрывах. Хотя тогда я был уверен, что это проверка. А сейчас Куратор велел мне собственноручно устроить кровавую бойню. Но это приказ. А приказы исполняются точно и в срок. И я его исполню. Решение принято - теперь поздно метаться.

- Не грызи себя. Иначе никак... Кстати, выясняются интересные подробности про вашего Афона.

- Он клон Гитлера с секретной базы нацистов в Антарктиде? Или сбежавший Чикатило? - из меня поперла неуместная ирония. - Внук Бен Ладена?

- Угомонись, Сергей... Афон был руководителем одной из боевых групп «Левой инициативы».

- Что за ядерн батон? - удивился я. - У СЛС объявились боевые структуры?

«Левая инициатива», она же СЛС - Союз левых сил, представляла собой объединение организаций и движений, ориентированных на восстановление российской государственности на основе умеренных коммунистических и социалистических идей. Последние полтора года СЛС набрал немалый политический вес. На парламентских выборах его кандидаты взяли немало голосов, которые позже различными махинациями были оттяпаны. Но все равно сегодня это третья сила в Думе. Объединившись с коммунистами, они могли оказывать влияние на принятие решений, хотя большинство все равно оставалось за партией власти.

Да, сегодня они третьи в Думе. А завтра?

Неангажированные аналитики считали, что за Союзом левых сил будущее. Деструктивные процессы в мировой экономике остро ставили вопрос о том, что капиталистический магистральный путь человечества неверен. И появлялась потребность в другой парадигме.

- СЛС заточен под выборные и парламентские технологии, - сказал я. - Экстремизм - не их конек. Они боятся обвинений в экстремизме, как черт ладана.

- Не скажи, - возразил Куратор. - Как бы ни позорили СЛС в прессе, как бы ни представляли их лидеров слабоумными страдальцами по безвременно почившему СССР, на самом деле там достаточно жесткие и умные прагматики. Они просчитали вариант нашего локального апокалипсиса.

- То есть начали создавать боевые ячейки на случай кризиса?

- И накапливают оружие. Мы работали по ним, но наработали немного.

- Вы намекаете, что «Альянс действия» - детище СЛС?

- Трудно делать такие выводы из одного факта.

- Факт убийственный. Лидер боевой группы СЛС руководит теперь террористической ячейкой «Альянса действия».

- Сергей, нам нужно больше информации. Все зашло настолько далеко, что разгром какой-то общаги и волна возмущений на Кавказе тут ничто. Пустое место. Понятно?

- Почти.

- Пошли по делам нашим скорбным, - Куратор поднялся со скамейки.

- Да. Мне еще надо подготовиться к массовому убийству, - горько усмехнулся я.

- Подготовься. Но не слишком там усердствуйте.

- Как получится...

*

Прохлада продержалась недолго. Жара вернулась еще более безжалостная, чем была. Опять дымили торфяники и горели леса. Опять люди купались в фонтанах, магазины срывали барыши на взлетевших в цене кондиционерах и вентиляторах. Вновь мутился у людей расплавленный дикой жарой разум.

Москва - прокаленный солнцем филиал ада. И мы, ячейка «Альянса действия», - черти, которые пришли подбросить уголька.

Общага представляла собой девятиэтажный дом, внизу располагалась двухэтажная пристройка столовой. На площадке стоят машины, типичный кавказский набор - красная «Альфа-Ромео» и белые «Мерседесы». Раньше дети гор с ума сходили по скакунам. Теперь их трясет от вожделения при виде шикарных автомобилей.

На моем плече дешевая матерчатая сумка, на голове парик, на носу черные очки, я бодро шагаю к общаге. За мной поодаль плетется наша боевая ячейка.

Плевать на острые взоры толпящихся у машин, сидящих на скамейке перед столовкой, выглядывающих из окон общежития горцев. Сегодня много кто здесь ходит - справляют получение дипломов группой горских товарищей, среди которых сын какого-то уважаемого эмира. От яств в столовой ломятся столы, к вечеру подтянутся стриптизерши и шлюхи, шампанское хлынет рекой - даром, что Коран запрещает вино, про шампанское, водку и виски там ничего не сказано.

По легенде мы идем в гости к главному спонсору Ахмеду - это если спросят на дистанции двухсот метров. Дальше вопросы кончатся.

- Э, ты к кому? - набылся горец около столовой. Поодаль изнывала от жары еще пара человек. Рубашки навывпуск, за поясом могут быть стволы.

- К Ахмеду на праздник, - небрежно бросил я.

- А ты кто? Он тебя приглашал?

- Приглашал.

- Подожди. - Горец ухватил меня за локоть.

Развернувшись, я нанес ему резкий удар в солнечное сплетение, а потом ребром ладони по шее. Ну что, если выживешь - тебе повезло. Другим сегодня повезет меньше.

К нам бросились несколько горцев. Ну все! Время сжалось, каждая секунда приобрела тяжелый, судьбоносный вес.

Теперь не зевать! Сознание мое фиксирует происходящее, как компьютер, выдавая список необходимых действий. Я автомат, нацеленный на убийство.

С гиканьем Зена вытаскивает из сумки «Клин ПП-9» и дает пару экономных очередей, срубив двоих. Молодец, быстро учится.

Слышится женский визг, мужские крики. Еще одна очередь.

Я перепрыгиваю через ступеньки. Бросаю за дверь гранату. Грохот бьет по ушам. Получите РГД-5.

Хорошо еще уговорил братву не брать гранаты Ф-1 – после них в помещении живых не остается. А РГД-5 скорее травмирует, чем убивает.

Забегаю в предбанник, там корчатся на полу джигиты и пара девчонок. Вперед! Не задерживаться.

Стены содрогаются от грохота – Афон бросил в окна общежития еще пару гранат.

Еще одну «РГДшку» бросаю в помещение столовой. Там уже накрыты столы. Жалко, столько кулинарного труда пропало.

Проходим в зал. Грохочет длинная очередь – это идущий следом Глицерин со всей дури вцепил по собравшимся в столовой абрекам. Кто-то визжит в голос, кто-то матерится.

- Лежать! – ору я.

Кто еще на своих ногах, падают на пол.

Преодолеваем зал. Дальше – небольшой коридорчик и лестница, ведущая в общежитие.

С лестницы на меня пялится абрек. В его руке пистолет – что-то солидное, типа «Глока». Отшатываюсь – там, где я стоял, в стену впивается пуля.

Ну, сам виноват. От ответной очереди абрек рушится на ступени. Я перешагиваю через него. Поднимаюсь выше. Направо – длинный коридор общаги. Получите гранату.

Вхожу в коридор. На полу – скорчившееся тело. Звуки захлопываемых дверей.

Так, где моя команда? Зена и Глицерин дышат в затылок. Афон с Жабом и Конаном проникли в здание с другой стороны, там глухо ухнуло. Это они обрабатывают другое крыло общаги.

Мы идем по коридору. Глицерин с криком «кия» бьет по двери. Отбивает ногу – дверь заперта. И, матерясь, всаживает очередь...

Проходим коридор, стреляя по дверям. Надеюсь, что убили не так много народу.

Следующий этаж.

Там опять абрек с короткоствольным автоматом. Вооружен – значит, бандит. Посылаю ему две пули в грудь, еще одна – контроль. Ничего личного. Ты бандит – я терминатор...

Отработали следующий этаж. Отщелкиваю магазины и роняю их в сумку.

Третий этаж. Просторное помещение с телевизором и с креслами – для досуга. Там в меня пытаются бросить табуреткой. Я прошиваю ноги шустрого парня.

В голове щелкают секунды. По ним рассчитано все. Задерживаться нельзя. Каждая лишняя секунда может стать роковой.

Зена всаживает пулю в спину бегущей по коридору девчонке. Рубит очередь по парню, застывшему изваянием, не в силах сдвинуться.

- Отходим! – кричу я.

Глицерин в раже жмет спусковой крючок, хотя магазин уже пуст. Я ему даю пинка:

- Быстрее, недоносок!

На его лице появляется осмысленное выражение, и он устремляется за мной.

Перепрыгивая через ступени, мы несемся вниз. Вижу мелькнувшую тень справа – похоже, с чем-то стреляющим. Сшибаю выстрелом. Пробегаем через столовую.

Где же ты, Афон? Если увлечетесь и собьете график – нам конец!

Десять секунд. Двадцать. Стоим перед общагой, как на параде, целимся в разные стороны. Из здания слышится еще одна очередь. И выскакивает Афон. За ним – Конан. На его плече висит Жаб – еле передвигает ноги, бедро окровавлено.

- Шевелитесь, раззявы! – кричу я.

Каждая секунда на счету. А тут еще тащить раненого. Пристрелить его, что ли, из гуманизма?.. Не поймут.

Будто сканировав мои мысли, Жаб отталкивает Конана и припускает вперед.

Пробегаем через стоянку – я не забываю контролировать периметр.

Выстрел – из помповика в нас лупят с пятого этажа. Посылаю ответную очередь. Стрелка больше не видать – кажется, я его зацепил.

Теперь направо. Там двор, переулок, школа. Вдоль забора, мимо гаражей и детских площадок.

Вот и нужная улица – тишина, пятиэтажки, деревья. Никто никого не убивает. Красота!

Около дороги стоит синий микроавтобус «Ивеко» – сам угнал недавно. Хорошая машина. Неброская и вместительная.

Все здесь? Тогда вперед!

Помотавшись по улицам, заехали в пустой замусоренный двор. Место пустынное, без видеокамер.

В салоне мы переоделись. Оружие я свалил в одну сумку. Теперь мы другие люди – без очков, париков. Черта лысого нас кто опознает.

Я полил салон бензином. Бросил зажигалку. Машина вспыхнула.

Я осмотрел воинство. Глицерина была мелкая дрожь. Зена улыбалась счастливо. Конан набычился.

- Успокоились? - спросил я. - Рассыпаемся.

Каждый уходит по своему маршруту. Зена тащит за собой Глицерина, как слабое звено. Он может сорваться, нельзя сейчас оставлять его без присмотра. А Зена - такая сука, ей нипочем любая передряга.

Выхожу на шоссе. Ловлю такси. Проезжаю несколько кварталов. Вдали переливаются сирены. Меня это теперь не касается. Я не имею никакого отношения к бойне. Я законопослушный человек. Я настолько сильно внушил себе это, что ни один милиционер в метро и на улице в мою сторону даже не посмотрел.

Добравшись до своей квартиры, я тупо пролежал минут пятнадцать. Руки не тряслись, кровь не кипела. Нашло какое-то отупение. Господи, что же я только что наворотил!

Встал. Взял бутылку текилы. Накатил почти полный стакан.

Зря. Практика показывает, что алкоголь сейчас не возьмет. Только чуть туманится сознание. А со следующего стакана я просто отрублюсь.

Включил телевизор. Корреспондент жужжал, как встревоженная оса, на фоне общаги, которую мы так удачно разнесли.

- Представители диаспоры заявили, что не оставят безнаказанным этот акт террора. Земля будет гореть под ногами у террористов.

«Как школы захватывать - нормально. А как самим перепадает - так разгул террора», - подумал я...

Ответные действия не заставили себя долго ждать. На следующий день в Ингушетии обстреляли военную колонну.

Еще через два часа в Питере в метро взорвалась шахидка.

Мусульманский террор начал вписываться в общее безумие.

*

Я стоял у окна. Сгустился вечер. По шоссе мчались, перемигиваясь фарами, табуны машин. Светились окна домов тысяч квартир, обитатели которых хотели жить достойно и спокойно. Город давал им ощущение незыблемости - вот только оно становилось все более иллюзорным.

Мегаполис - это организм. Дороги - транспортные артерии. Квартиры и люди в них - клетки. Продовольственные магазины - это горло и пищевод. И этот организм уязвим. От умелых точечных ударов он может лишиться сознания, а потом и жизни. И тогда он превратится в тюрьму для обезумевших людей.

Что нужно для этого? Перекрыть поставки продовольствия. Несколько терактов на энергетических объектах, Мосводоканале, канализации. И конец мегаполису. Конец государству. Если «Альянс» хочет этого, тогда после сегодняшних игольных уколов пойдут

настоящие удары - ножом.

От раздумий меня отвлек звук открываемой двери. Я напрягся.

Но это был Куратор, прибывший на «кукушку» с опозданием в четверть часа.

Как-то читал книгу про суперконтору, типа нашей, но куда круче. В суперконторе служат супермены и там суперправила. Чтобы враг тебя не вычислил, если ты опоздал на встречу с агентом на десять секунд, встреча уже не состоится - мол, нарушен режим, и это может быть вражьи происками. На самом деле, живи мы по таким правилам, наша фирма давно бы загнулась. Невозможно регламентировать все до мелочей, до секунды. Кроме того, никто не отменял бардака, авось, небось и форс-мажоров.

- О, стол накрыт, - кивнул Куратор на чайник, печенье и бутерброды, в том числе с красной икрой - это я заглянул в «Азбуку вкуса».

- Выйду на пенсию, в офис-менеджера переквалифицируюсь, - заявил я. - Сколько жертв по общаге?

- Одиннадцать убиты. Два десятка раненых.

- Масштабно...

- Если тебя это успокоит, среди убитых один в розыске за участие в бандподполье. И еще трое проходят у нас как причастные к террористической деятельности...

- Бальзам на душу.

- Все, проехали. Считаю, что это тебе приснилось. У нас тут кое-что интересное нарисовалось. - Он сунул флешку в ноутбук. - Знаешь, что это?

- Без понятия, - сказал я, глядя на какие-то списки.

- Без вести пропавшие сотрудники спецподразделений за последние пять лет. Двадцать восемь человек.

О как! Фамилия, имя, отчество. Досье на людей, само существование которых является государственной тайной. Притом людей из разных ведомств.

- Кудесник вы, товарищ полковник, - с уважением произнес я. - Как вы сумели добыть это?

- Колдовством...

- Двадцать восемь.

«Капитан Дольский, 3-я отдельная бригада ГРУ Генштаба, пропал без вести при выполнении задания командования.

Майор Магомедов, группа «А» Ростовского управления ФСБ, пропал без вести при выполнении специальной операции.

Сержант сверхсрочной службы Штолин, бригада ГРУ Генштаба, погиб при исполнении служебных обязанностей».

- Посмотри статистику, - посоветовал Куратор. - Количество в последние годы растет в разы! Хотя активных боевых действий сейчас не ведется.
- Странно. Такая динамика. Должны быть расследования, разбирательства, слетевшие погоны. Должны быть назначены крайние. Должна подключиться военная прокуратура.
- Какая прокуратура? Спецслужбы во всем мире прячут потери при проведении боевых операций.
- Люди-тени, - кивнул я. - Летучие мыши. Появились ниоткуда и никуда ушли.

Да, родной спецназ. Помню я эти ощущения перед заброской. Сдать ордена, документы, вывернуть все карманы - не дай бог, останешься на чужой территории, и на твоём бездыханном теле найдут что-то, что обозначит принадлежность к российской армии. Тень и должна остаться тенью.

Помню старую песню, посвященную штурму дворца Амина в Кабуле, которая отлично передает это отчаянье:

Без документов, без имен, без наций

Лежим мы у сожженного дворца.

Горит звезда, пришла пора прощаться.

Разлука тоже будет без конца.

Особые люди. Особые обстоятельства. Особые нравы. Эдакий рыцарский орден, который мало кто в состоянии понять.

«Шесть лет назад - два без вести пропавших, - фиксировал график. - За семь месяцев этого года - шесть. В прошлом - одиннадцать».

- Тебе любой ученый муж скажет - серьезное отклонение от статистических показателей может быть только в том случае, если изменились условия протекания явления. Если идет какой-то процесс.

- Это может быть целенаправленное уничтожение бойцов спецподразделений?

- Не может, - покачал головой Куратор. - Мы бы знали, что идет охота за спецами. Все бы переполошились.

- Тогда что мы имеем?

Куратор угрюмо посмотрел на меня.

И я произнес те слова, которые напрашивались и о чем мы уже знали:

- Двадцать восемь бойцов... Это боевое ядро «Альянса».

Куратор кивнул.

- Тогда наши проблемы еще серьезнее, - вздохнул я. - Они поставят на уши всю Россию.

- Что и происходит.
- Нет, это только начало. Когда они ударят в полную силу, тогда и будет Армагеддон.
- Не преувеличивай. Меньше трех десятков человек.
- Они обучены уничтожать мегаполисы, полковник. Они гончие ада.

Мы помолчали. Я допил зеленый чай. Да, новости сногшибательные. Но надо рассматривать их непредвзято...

- А вообще ситуация с этими пропавшими без вести ничего не напоминает? - спросил я.

- А что?

- Опытные бойцы из силовых структур ставятся в ситуацию, когда у них остается один выход - исчезнуть и возродиться в новом качестве. При этом предложения им делают так, что они не могут отказаться... Это стиль вербовки «НК».

- Так вербовали со времен фараонов.

- И тем не менее. Больше ни у кого нет таких ресурсов. Вы же знаете, что в массе своей сегодняшняя ФСБ - это масса чиновников. Мощная организация - это мы. «НК»...

- Не совсем верно. Но что-то есть.

- Тут чувствуется умелая рука. И эта рука не в Вашингтоне или Тель-Авиве. Тут приложился кто-то из наших силовиков.

- Может быть... Знаешь, капитан, нет ничего хуже предательства. Предатель - это самое низкое падение человека. Себя они считают или умнее всех, или жертвами обстоятельств. Неистребимое племя. В прошлом они распахивали ворота городов, впуская неприятеля. Сегодня сливают врагу информацию, уничтожают производства, гонят деньги за рубеж. Предки знали, что за предателями идут завоеватели, которые уничтожают женщин и детей. Уничтожают народ. Поэтому их всегда варили в кипящем масле.

- Да, предки были умнее нас.

- А я немало посмотрелся этого племени. Знал гниду, завербованную еще в семидесятые, дослужившуюся до генеральских лампас - сейчас смердит в Штатах, водит по Нью-Йорку экскурсии «По следам КГБ». Сколько он сдал агентов, какой ущерб принес! Помню ученого, за две тысячи долларов пытавшегося продать документацию на противокорабельную ракету, которую янки со всей своей технической мощью еще двадцать лет не создадут. Помню чиновников Минэкономразвития, целенаправленно уничтожавших по заказу ЦРУ стратегические предприятия. Для них нет слова МЫ. Для них существует только Я. Это вообще нелюди, Сергей. Это трусливые твари. И патологически жадные. Алчность - их доминирующий инстинкт... Слышал о полковнике Родченко?

- Осужден за шпионаж в пользу США.

- Работал у нас в центральном аппарате. Завербован. Вылетел с работы в ходе очередной реорганизации. Когда мы вышли на него, он успел свалить в США. Достать оттуда его было невозможно - был под плотным прикрытием своих новых хозяев. А я предложил элементарный

ход. Через знакомых вышли на него и сообщили, что ему не выплатили при увольнении на пенсию какие-то доплаты – около трех тысяч долларов. Представляешь, он приехал. Знал, что его могут взять. И приперся за тремя тысячами.

- И получил двадцать лет.

- А нужно варить в кипящем масле... Вот что, Сергей. Если у нас затесались предатели... Мы должны сначала решить эту проблему. Иначе они в любой момент ударят нам в спину.

- Решим, – заверил я.

- Или они порешат нас, – кивнул Куратор.

*

В Ярославской области «Нива» врезалась в кортеж с мигалками, протаранила представительский «Мерседес», после чего рвануло заложенное в нее взрывное устройство с полусотней кило тротила. Погиб губернатор области, его заместитель и два полицейских. На этот раз террористы использовали наиболее эффективный и затратный метод – водителя-смертника. В искореженных обломках нашли визитку «Альянс действия». Водитель был опознан и оказался русским из Прибалтики – человек без гражданства.

В Екатеринбурге из снайперской винтовки тяжело ранили мэра города.

В Челябинске на обгоне террористы обстреляли из автоматов машину начальника областного УМВД и машину сопровождения, генерал был тяжело ранен и находился между жизнью и смертью.

Осквернен храм в Ярославской области надписями «Конец диктату мракобесия» и «Православный Шабаш».

В Хабаровском крае обстреляна патрульная машина, двое полицейских погибли.

«Альянс» взял на себя ответственность за все эти преступления. Хотя некоторые теракты совершались другими людьми, но сами слова «Альянс действия» становились символом единения всех бесов, терзающих страну.

Народ России привыкал жить в таком состоянии. После очередного взрыва люди стискивали зубы и продолжали ходить на работу, воспитывать детей. Они привыкали к террору, как в войну привыкают к бомбежкам. Просто теперь ни днем, ни ночью людей не отпускали страх и неуверенность в будущем.

Идет человек на работу, домой или в ресторан, все время его преследует этот липкий страх. Даже самых беззаботных и безбашенных. За повседневными заботами страх утихает, отпускает, чтобы вечером в очередной раз желчью растечься по телу, забирая силы и способность к сопротивлению. Тяжелый, душный страх перед врагом невидимым и смертельно опасным...

Общество как будто размягчали, чтобы потом слепить из него то, что требуется этим скульпторам дьявола.

Было воскресенье. Руководители службы «НК» собрались в лесу, в двухэтажном домике из бревен...

Громадный детина готовил на мангале шашлыки – он являлся здесь и охранником, и завхозом. Шашлыки жарил умело. Стрелял не хуже.

Руководители расселись на стульях из лозы за пластмассовым столиком.

Глядя на жарящиеся на углях шашлыки, полковник Гаврилов произнес со злой иронией:

- Чувствую, на таких угольках нас скоро всех поджарят.

- Что так мрачно? – спросил Куратор.

- Посмотри на идиллию, – Гаврилов обвел рукой окрестности. – Шашлыки, итальянское вино, солнышко и пасторальный пейзаж с речкой. Наверняка в шестнадцатом году царские жандармы так же забавлялись. Чтобы меньше чем через год быть выкинутыми на свалку истории.

- Мы учтем уроки прошлого, – сказал генерал-лейтенант Панасенко. – Чтобы самим не стать печальным уроком.

- Вы правы, – сказал Куратор. – Тайные полиции создаются для того, чтобы менять ход истории. Мы не те, кто бежит в толпе по протоптанной колее.

- Старый спор о том, в силах ли спецслужба поставить палки в колесо истории, – махнул рукой Гаврилов.

- Историю творят личности, – сказал генерал. – И то, что все мы лишь рабы объективных обстоятельств, – эту отговорку оставьте, пожалуйста, для слабаков. Рабы гребут на галерах. А на нас – судьба Отечества.

Отвлеченный разговор закончился. Началось обсуждение предстоящих дел...

- Последние данные – потоком пошли зарубежные транши на некоммерческие организации и правозащитную деятельность, – сообщил Панасенко.

- Говорите проще – на подрывные акции, – уточнил Гаврилов.

- Внешняя разведка утверждает, что разведывательные подразделения США, Великобритании и некоторых стран Евросоюза резко активизировались на нашем направлении. Они расконсервировали агентуру, структуры влияния. При этом некоторые агенты были в режиме ожидания по десять-пятнадцать лет.

- Если появились русские шахиды – дело труба, – заметил Куратор.

- То, что смертник из Прибалтики, тоже не случайно. Прибалтийские страны продолжают оставаться самым надежным оплотом спецслужб США, плацдармом для проникновения в Россию. И они начинают вербовать русских, проживающих на их территории. Возможно, с использованием секретных психотехнологий.

- Таким образом, мы считаем доказанной прямую связь «Альянса» и западных разведок? – спросил Куратор.

- Никто и не сомневался, – сказал Гаврилов.

- Последняя информация по линии СВР, – продолжил Панасенко. – Под Ригой под

руководством инструкторов ЦРУ и МОССАДа проходят подготовку боевики, в большинстве из русских. Сотни боевиков. Похоже, такие лагеря есть в Эстонии и Польше. Это уже армия.

- Они готовятся к решающему удару, - кивнул Куратор. - А мы бьем по хвостам.

- За последние две недели за участие в террористической деятельности по информации нашего сектора задержано одиннадцать человек, - зазвучал унылый голос нового начальника сектора «С» Протаса.

- И все как на подбор никчемные твари, - кивнул генерал Панасенко.

- Да, - кивнул Протас. - Наша организация которая раньше действовала достаточно эффективно, дает сбой.

- Еще не вечер, - нахмурился Куратор.

Ему не нравилось, что новый сотрудник выносит такие категоричные резкие заключения. Значит, в отношении «НК» затевается какая-то административная интрига. Но коней на переправе не меняют! Или меняют?

- Созданный с такими издержками и, что греха таить, в полном противоречии с законами страны механизм контртеррора сбивает, - не унимался Протас. - Смотрите правде в глаза.

- Что из этого следует? - Куратор старался выглядеть как можно невозмутимее. Раздумывая над сложившейся ситуацией, он давно прогнозировал именно такой разговор.

- У нас дефект в системе, - объявил Протас с видом бухгалтера, объявившего баланс. - Я взял на себя смелость сделать такое заявление, поскольку недавно состою в штате организации и пока что обладаю свежим взглядом.

- Боюсь даже спросить - какой дефект, - хмыкнул Куратор.

- Протокол, - сказал Протас. - Он исключает единое эффективное руководство, концентрацию сил на перспективных направлениях, а также полноценное оперативное взаимодействие между группами. Наши агенты могут начать разрабатывать друг друга, а то и перестрелять.

- Не фантазируйте, - скривился Гаврилов.

- А инцидент в Ставрополе, - напомнил Протас историю, когда боевик группы контртеррора с санкции самого Гаврилова прихлопнул двух агентов «НК», которых принял за членов террорячейки «Священный джихад».

- Издержки, - отмахнулся Гаврилов.

- В условиях резкого обострения внутривнутриполитической обстановки такие издержки могут стоить дорого, - уныло отбарабанил Протас.

- Что вы предлагаете? - спросил генерал, обращавшийся к новому участнику их тесной компании подчеркнуто вежливо, как к чужому.

- Раскрыть карты. Обменяться информацией. У кого что есть.

- Нарушим протокол. И сделаем систему уязвимой, - отметил Куратор.

- Вы сомневаетесь в ком-то из нас? – удивился Протас.
- Все наши чрезвычайные меры страховки оправданны, – холодно произнес Куратор.
- Мы в тупике, товарищи офицеры, – развел руками Протас.
- Ты прав, Николай Николаевич, – кивнул генерал. Загадочно улыбнулся и, последовав примеру древнего мудреца, разрешавшего спор непримиримых спорщиков, повернулся к Куратору: – И ты прав.
- Ну и что это значит? – спросил Гаврилов.
- Протокол разрушать мы не имеем права...
- Верно, – кивнул Куратор.
- Но по ситуации может стать, что вскоре протокол окажется никому не нужным. Поскольку на наше место сядут террористы. А нас самих запишут в террористы, – усмехнулся генерал.
- И что из этого следует?
- Нужно расширить обмен информацией. Пункрат, что ты можешь довести до боевых товарищей?
- Осуществлено внедрение в ряд молодежных группировок, – пояснил Гаврилов. – Пытаемся через них выйти на «Альянс». Пресечена деятельность двух активных террористических групп, одна передана в территориальное подразделение ФСБ. Другая – в МВД. А вообще у меня ощущение, что большинство террористических групп используют вслепую. И не обошлось без российских силовиков высокого ранга.
- Конкретика есть? – спросил генерал.
- Пока никакой. Но будет.
- Александр Аверьянович? – генерал посмотрел на Куратора.
- Мы работаем над каналами поступления к террористам оружия и взрывчатки. – Куратор понимал, что отмалчиваться дальше уже нельзя, нужно кинуть коллегам кость. – Мы уверены, что оружие расхищается с военных складов Подмосковья.

Он изложил схему хищений оружия со складов длительного хранения.

- Установлено несколько фактов, – сказал Куратор. – Есть фотороботы получателей.
- Негусто. У вас? – Генерал посмотрел на Протаса.
- Нами избличена группа ваххабитского толка. Готовили серию терактов в ответ на акт в общежитии института Нахманида. Изъято значительное количество оружия и взрывчатки. Арестовано пять человек.
- Хоть что-то.
- На примете еще одна группа. Пока присматриваемся. Технический контроль за фигурантами, наружное наблюдение, вербовка агентов. Я сторонник традиционных методов работы, – в тоне

Протаса проскользнули нотки насмешки и превосходства.

- Раньше это дало бы результат, - сказал генерал. - Сегодня погоды не делает. Инициаторы террора - вот что нам нужно.

- У меня уверенность, что мы вскоре выйдем на них, - объявил Протас.

- Вот как? И кто это может быть?

- Конкретно по лицам сказать не могу. Но нити ведут к одной из влиятельных оппозиционных левых сил, широко представленной в Думе и глубоко проникшей в государственные органы.

«Вот черт, - подумал Куратор. - А ведь это он про Союз левых сил. А там боевиком был Афон».

- Глубокое проникновение в органы государственной власти, - хмыкнул Гаврилов. - Сильно.

- А что тут необычного? - резко произнес генерал. - Авторитетная политическая группировка хочет взять власть. Метастазы проникли в Думу, административные органы. Что за группировка, Николай Николаевич, пока сказать не готов. Ибо протокол.

- Именно, - кивнул Протас.

- Хотя догадаться, о какой организации идет речь, не представляет большого труда.

- Все верно, товарищ генерал. В ближайшие дни мы добьемся конкретных результатов, и я предоставлю их присутствующим.

- И на том спасибо, - генерал потер руки. - А теперь за шашлык.

- И за вино. - Гаврилов начал разливать вино по бокалам. - А дальше, господа жандармы, посмотрим, куда кривая вывезет. И что будет - государево отречение, вся власть советам и «закрывайте этажи, нынче будут грабежи». Или тяжелый американский сапог на брусчатке...

- Или черные воронки на улицах, - добавил Куратор.

*

Несколько дней меня никто не трогал. Мои соратники по борьбе исчезли. Хуже всего, если у кого-то из них после вылазки снесет крышу. Тогда может быть все, что угодно, - начиная от явок с повинной и кончая самоубийством. И от кого чего ждать - неизвестно. Может сорваться Глицерин. И Жаб. А может, они окажутся самыми крепкими. Человеческая душа - потемки.

Неожиданно позвонила Зена и объявила, что они все едут ко мне.

- Зачем? - удивился я.

- Надо.

- Приезжайте. Только в приличном виде. И не шуметь. У меня репутация тихого человека.

- Не держи нас за гопоту, мой повелитель.

Интересно, какого черта эту компанию несет именно сюда?

Они появились в два часа. Разгар рабочего дня. Но революционеры не работают. Они борются. Поэтому ждать их можно в любое время суток.

Зена по-хозяйски вошла в квартиру. За ней появился Жаб, обнял меня и похлопал по плечу. За ними плелись два выючных животных – Глицерин и Конан, нагруженные пакетами с бутылками и продуктами. И если Конан шел угрюмо, но безмолвно, то Глицерин шептал под нос что-то ругательное, типа припахали, суки такие, самим в лом, а я тут за всех...

- Афона где забыли? – спросил я.

- Афон высоко парит, нам туда не подняться, – хмыкнула Зена.

- По какому поводу пьянка?

- Узнаешь.

И вот стол накрыт, спиртное разлито.

- Чак, – Зена подняла бокал с вином. – Ты был чужак. Ты был еще недавно одним из них. Теперь ты наш. Ты доказал это в деле. Теперь есть мы и они... За нового человека, выросшего из мира пресмыкающихся.

Мы чокнулись.

Жаб вручил мне деревянный футляр. Я открыл его и с изумлением увидел на красном бархате порванные кандалы – типа сувенир.

- Это наш символ! – горделиво изрек Жаб. – Тех, кто порвал оковы. Тех, у кого свободны руки.

Меня обняли. Чисто дети. Хорошо, что на крови клясться не заставили. У всех нелегальных организаций нездоровая страсть к символам и мифотворчеству...

Я расчувствовался и поклялся в верности товарищам по борьбе. Спиртное лилось рекой. Атмосфера была приподнятая. Сборище напоминало студенческую вечеринку – беззаботную и безвредную. Черт, что же творится на свете! Лет тридцать назад эти ребята побесились бы по молодости – закончили бы институты, разъехались на работу по распределению, стали жить достойно. И их личные демоны, которые дремлют в душе каждого человека, загнулись бы от голода. А сейчас эти обычные ребята стали необычными. И теперь мира у меня с ними быть не может.

Пьянка проходила в штатном режиме. Даже Конан чуть ли не всплакнул и опустошил со мной пару стаканов со словами:

- Я думал, ты так, дрындобол... А ты пацан... Ты конкретно их уделал, чурок этих! У нас в реале все вышло!.. Ты теперь мой брат! Вот так вот!

- Ты, Конан, боец! – отвечал я. – Молодец, не сдрейфил.

- Стреляешь ты классно.

- И тебя научу.

- Научи. Тогда всем трындец...

После очередной бутылки начал зажигать Жаб. Его понесло в пропаганду. Талант! Из таких выходили отличные агитаторы, призывающие в Первую мировую войну русских солдат сдаваться германцам в плен.

Сжимая в руке бокал, он вещал:

- Современный мир эксплуатации и чистогана обречен. В нем может жить животное, которое научилось торговать. Но не человек. Чтобы изменить что-то глобально, должна быть глобальная кровь.

- Много крови? - поинтересовался я.

- Миллионы. Миллиарды жизней. Какая разница?

- Цена не пугает?

- Люди все равно гниют заживо. Так пускай они станут удобрением для райских садов будущего.

- Пускай, - хрюкнул тоже порядком насосавшийся Глицерин.

Это посвящение меня в рыцари длилось до одиннадцати вечера. Потом Жаб, немножко протрезвевший, потащил на себе Глицерина, как сестра милосердия раненого бойца с поля боя. За ними исчез Конан. И мы остались вдвоем с Зеной.

- А у нас еще много дел. - Она прильнула ко мне губами.

И понеслось...

Очнулся я в тринадцать двадцать от того, что сосед снизу врубил группу «Автограф лета» так, что стекла задрожали.

Я встряхнул головой и приподнялся на локте, разглядывая завернутую в простыню Зену. Одна ее грудь была обнажена, и у меня шевельнулся отголосок желания. Впрочем, зажгли мы с ней по-взрослому, и я был опустошен.

Зена томно потянулась, сразу заняв весь диван и оттеснив меня к стене. Приоткрыв глаза, она прошептала:

- Мне хорошо, Чак. Мне феерично с тобой.

- Мне тоже.

- Надо ловить момент. Знаешь, чем мне нравится моя жизнь?

- Чем?

- Она дает почувствовать сладость именно этого момента жизни. Потому что будущего у нас может не быть. - Она отбросила простыню и присела на диване во всей своей нагой красе. Выразительно помяла свои груди. - Мне нравится трахаться. Нравится, когда хорошее вино туманит голову. Мне нравится солнце. Я остро ощущаю это, потому что завтра ошалевший полицейский может, вгонит мне в голову пулю. И меня свезут на кладбище. Поэтому я пью, как нектар, сегодняшний день.

- Не знал, что ты романтическая натура.
- А что ты знаешь обо мне? Что мы знаем друг о друге?
- Что-то ты сегодня много говоришь о смерти.
- Как-то не по себе мне.
- Рассказывай, - потребовал я.
- Что рассказывай?
- Все. Потому что больше тебе поделиться не с кем, Зена.
- Да рассказывать не о чем... Но Афон...

- Что Афон?

Она замялась.

- Ты все спишь с ним? - спросил я.
- Тебя это волнует?
- Не знаю. Может быть, да.
- Брось ты эти условности, Чак. Ты взрослый человек. Мы же избранные.
- С разорванными кандалами.
- Да. Мы в жизни горим и парим в небесах. А не гнием и ползаем. Он мне нравится. И ты мне нравишься. Я должна выбирать? Зачем?
- Есть резон.
- Мы боремся, чтобы отринуть условности. А не продолжать их лепить поколение за поколением. Я не создана для детских пеленок и соплей. Я создана, чтобы отдавать себя сильным мужчинам. Потому что я сама сильная. Очень сильная.
- Да... И что Афон?
- Я его не видела таким никогда. Он осунулся. И смотрит как-то отстраненно.
- Бывает.
- Он на что-то решился. Что-то нам предстоит опасное.
- Ты же готова умереть за светлое будущее.
- Да ни хрена я не готова! - неожиданно прорвалось у нее. - Убивать готова. А умереть - нет...

*

Здоровое питание, размеренная жизнь и отсутствие реальной опасности порой могут сыграть с людьми злую шутку.

Когда-то майор Жулебин был боевым лейтенантом, ходил в рейды и в поиск, был матерым зверем с обостренными чувствами. Штабная работа повлияла на него самым пагубным образом. Стал жирной канцелярской крысой – впрочем, относился к этому философски.

- Мы теперь паркетные, нас не трожь, – ухмылялся он.

Он всегда был отличником. Был отличным командиром ГСН. Стал отличным штабистом. Он не был на первых ролях. Он просто был незаменим.

Генерал Абросимов вызвал его к себе в просторный кабинет в стекляшке здания ГРУ.

- Так, у нас заседание в Белом доме, – сказал он. – Не вижу пакета документов и доклада.

Заседание Правительства было посвящено актуальной теме – терроризму. Хотя большого толку не будет, можно попробовать немножко перетянуть на себя ресурсы и выбить дополнительное финансирование.

- Вот тезисы выступления и справка с цифрами, товарищ генерал. – Майор положил на стол папку.

- Проникновенно хоть сделано? Со слезой?

- Патриции будто рыдать.

- И отсыпят нам сестерциев на закупку щитов и мечей, – генерал любил побалагурить. – Через полчаса жду внизу...

Синий «БМВ» выскочил из ворот и устремился по Хорошевскому шоссе. Майор сидел на переднем сиденье, прикрыв глаза. Генерал бегло, вычлняя основные моменты, просматривал бумаги, прикидывая стратегию своего выступления перед вице-премьером.

На перекрестке рядом с «БМВ» затормозила «Газель» с затемненными стеклами. Тут у майора всколыхнулась былая интуиция – резануло острое ощущение опасности.

Охрана генералу ГРУ была не положена. Но оружие старшим офицерам носить разрешили.

Жулебин выдернул из подмышечной кобуры пистолет и через стекло выстрелил в выскочившую из «Газели» фигуру.

Фигура сломалась.

По «БМВ» забарабанил град. Другой боец в маске рубанул длинной очередью из «АКМа».

Генерал замер, изрешеченный пулями. Водитель безжизненно уткнулся грудью в рулевое колесо, нажав на клаксон – завизжал звуковой сигнал... Меньше всех пострадал майор. Пуля ударила его в плечо, правая рука обвисла, и пистолет выпал из нее. В голове плыло. Но он был еще жив. И готов сопротивляться. Но ему такой возможности не дали. Жесткие сильные руки выдернули его из салона и кинули в «Газель».

Боевик произвел в генерала и шофера контрольные выстрелы. И бросил в салон визитку «Альянса действия».

Уличное движение замерло. Автомобилисты в шоке глядели на происходящее.

«Газель» рванула с места. И исчезла.

А расстрелянный «БМВ» остался...

Просматривая телевизионные новости, я пытался понять, что происходит. Генерал Абросимов – слышал я о нем. Молодой, да ранний, карьерист, властолюбец, ходит по головам, опорой режима вряд ли является. При обострении ситуации в стране толку с него как с козла молока. Зачем его было убивать?

Или просто подвернулся под руку?

Нет, должна быть цель и система. Это шахматная партия, где только идиоты делают бесполезные ходы. Судя по тому, как чисто отработали террористы – идиотами они не были.

Хорошо, террористам по каким-то неведомым причинам надо было убрать генерала. Но зачем похитили его помощника?

Зазвонил смартфон. Куратор был взволнован:

- Нужно посоветоваться. Через час на четвертой точке.

Через час я подсел к нему в старенький «Пежо» около метро «Марксистская».

- Ситуация все хреневее, – с места в карьер начал он. – Слышал, сегодня обнулили гэрэушников.

- Слышал. Генерал Абросимов. Кому он понадобился?.. Может, разборки внутри военной разведки? Решили отодвинуть конкурента?

- Пропал еще майор Жулебин.

- Зачем «Альянсу» нужен майор?

- Зачем нужен майор?! Это генерал на хрен никому не нужен! А вот майор...

- Чем он такой выдающийся?

- Он автор списка пропавших без вести.

- Что?!!

- Список по пропавшим спецназовцам – его работа. Он мой помощник. Из близких...

- Может, когда копал информацию на «потеряшек», светанулся где-то? Кто-то держал вопрос на контроле. И майор, фигурально выражаясь, наступил на противопехотную мину.

- Вот именно, Сережа! Все так и есть!

- И сейчас из него выбивают показания на вас.

- Я же говорил тебе, Сережа. Это спрут. Щупальца протянулись и в ФСБ, и в ГРУ.

- Вы теперь под ударом. Что собираетесь предпринять?

- Пока ничего. Есть нюансы... Вот что. Если... Я оставил тайник. Вот его координаты. – Он

протянул мне бумажку. – Не вскрывай раньше времени. Пока я жив. А вот если... Там много для тебя интересного. Мои контакты, которые сможешь перевести на себя. Необходимая информация. Доказательства, что ты работал на нас. Больше ты нигде не светишься... Ты можешь остаться совсем один. Наша жизнь и благополучие сейчас не стоят ничего. На кону судьба страны. Она может зависеть от одного удачного удара в болевой центр противника.

Я кивнул. И спросил:

– До меня они могут дотянуться?

– Не должны. О тебе знаю только я. А меня они живым не возьмут. Ты для них – неизвестная величина.

В тот же вечер я отправился к Робу в его подмосковный бревенчатый дом, наполненный арбалетами, холодным оружием, часть из которого макеты, а часть подлинники. На полках сотни книг, большинство – специальная литература по холодному и огнестрельному оружию. Встречались раритеты в кожаных переплетах.

Роб опоздал родиться. Ему бы быть самураем. У него для этого есть все. Неземная любовь к оружию. И фанатичная преданность своему клану. А этот клан мы – я, он и Шатун. За нас он не просто отдаст жизнь. А отдаст ее, не задумываясь ни на секунду.

Мы все вместе – боевые братья из песни Трофима.

Взрослея не по дням

В пожаре русской смуты,

Нам равно довелось

Искать себя в бою,

Меня целый век на краткую минуту,

В которую мы все стояли на краю.

Без веры, без вины,

Без племени, без рода,

Как дикая трава на пепелище дней,

Мы выросли в свою, особую породу,

Кто честен, тот и прав,

Кто прав, тот и сильней...

Роба я застал в мастерской, где он изготавливал очередной клинок.

Он пригласил меня на тенистую открытую веранду и напоил вишневой настойкой. Взамен я выдал ему информацию и список двадцати восьми безвестных героев спецназа.

– А знаешь, некоторых я узнаю, – сказал Роб.

- Кого?
- Капитан Долгих. Старшина Шевкунов.
- Что за люди?
- Первый одержим мировыми идеями. Другой - деньгами.
- Идеи и деньги.
- А что еще есть у человечества? Идеи, которые могут быть высокими, низкими и нездоровыми. И материальные блага - их для алчущих никогда не бывает много.
- Гремучая смесь, - кивнул я. - Теперь слушай внимательно. Противник может выйти на нас в ближайшее время. Куратор, похоже, спалился. Вы с Шатуном будете прикрывать его.
- Какова наша реальная боевая задача? - Роб внимательно посмотрел на меня.

Что ж, мыслит он правильно. Прикрывать можно по-разному.

- Не допустить гибели или похищения охраняемого объекта. При покушении попытаться захватить исполнителей.
- Если предотвратить похищение не удастся?

Вопрос в точку. В болевую.

- Тогда ты ликвидируешь Куратора. Попасть к ним он не должен.
- Объект в курсе?
- Куратор знает, что вы его будете прикрывать. Вот мобила для экстренной связи с ним... А вот флэшка. Если ликвидируют меня, то все ложится на тебя, Мишаня. Куратор оставил тайник с информацией. Я тоже. Как найти - здесь все есть. Пароль ты знаешь.
- Командир...
- Дослушай. Если нас грохнут, твоя задача - ликвидировать всех, кого мы хоть краем подозреваем в причастности к «Альянсу».
- Список есть?
- Есть. И он будет расширяться. В него войдет кое-кто из руководства «НК».
- Сделаем, - буднично произнес Роб.

*

Афон, сидя на парковой скамейке, цедил пиво. Шумели деревья в скверике на Никитском бульваре. Прогуливались беззаботные москвичи и гости столицы.

- Не замечаешь никого вокруг. Вещь в себе. - Я подошел к нему.
- Привет, Чак.

Я присел рядом. Зена права – руководитель ячейки сам не свой.

- Когда кончится эта жара? Когда кончится это чертово лето? – с чувством произнес он.

- Все когда-то кончается.

- И мы кончимся.

- Ты в миноре?

- Кто сказал, что я в миноре? – Он зверино оскалился. – Все отлично, Чак... Наша последняя акция произвела впечатление. Наши ставки резко повысились.

- Что-то незаметно.

- Заметно. – Он вытащил из сумки конверт и протянул мне. – Гонорар.

В пакете были стодолларовые бумажки.

- Деньги, деньги, – протянул Афон. – Это все мусор. Главное, как нас оценят потом. После часа X.

- Надеюсь, не забудут.

- Чак, нас заметили. И нас приблизят. Мы втягиваемся в игры, где сломать голову можно на раз. Но и дивиденды высокие.

- Для меня это принципиально, Афон. Я вытираю сопلي твоим подопечным только потому, что верю в конечную цель.

- Интересно, лет через тысячу кем нас будут считать? Героями или исчадием ада?

- Как бы вообще не забыли.

- Скорее всего, через тысячу лет тут не будет никакой России. Наверное, и русских не останется.

- А ты не рано нас хоронишь?

- Русским надо было исчезнуть тысячу лет назад. Мы народ, созданный для того, чтобы создавать проблемы и плодить несчастья. Я ненавижу эту всю срань. Ненавижу. – Лицо Афона перекопилось.

Эка его колотит. Господи, они же все законченные дегенераты. Их мозг выеден злокачественными идеями. В образовавшихся пустотах поселилась черная ненависть ко всему существу. И этой ненависти нужен объект. Иностранцы, иностранцы, инопланетяне, чиновники, комары или суслики – неважно. Главное, чтобы черная злоба находила выход.

- По большому счету мы с тобой, Чак, боремся не за место у кормушки, не за посты в будущей власти. Мы просто хотим занять выгодное место в похоронной команде.

- Как карта ляжет. – Я присмотрелся к Афону. Глаза лихорадочно горят, как будто накурился гашиша. И эти приступы показной мизантропии. С чего бы это?

- А ты идеалист. Надеешься на безоблачное грядущее.
- Я надеюсь стать фигурой и перестать быть пешкой, – со всей твердостью произнес я.
- Будешь фигурой... Для этого придется поработать. У нас новое задание. Нам доверили объект. Хороший объект. Звучный объект.
- Кого надо завалить?
- Замминистра экономического развития Павлюченко. Вожди считают эту работу куда важнее, чем бестолковый шум в общежитии.
- Нам предложили поработать киллерами?
- Не киллерами. Палачами. Визитка «Альянса» говорит о том, что имеет место не заказное убийство, а возмездие.
- Как его исполнять?
- Разведка проведена. Место проживания, распорядок дня, фотографии – все есть. По итогам тебе десять тонн зелени. Остальным по трудовому вкладу. Инструкции и план нам выдадут. Работать будем строго по указке.
- Слушай, Афон, а ты не взял халтурку? Прихватил заказ на стороне и впариваешь мне про волю вождей революции.
- С «Альянсом» такое не прокатит. Башку скрутят – сказать «ой» не успеешь.
- Да и я на куски порежу, если увижу, что ты блудишь и подставляешь.
- Ладно тебе, Чак.
- Вот и ладно... А так мы друзья, Афон. И крепко связаны. Я надеюсь на тебя. Ты – на меня. Вместе мы свернем горы...

*

Ночью какие-то уроды разрисовали гаражи эмблемами «Альянса». И написали: «Мы убьем всех. Мы идем к вам!»

Недоноски раньше марали стены названиями рок-групп. Потом были «Спартак – чемпион» и «Бей черных, пока не побелеют». Сейчас каждый день появлялись сотни надписей «Мы убьем всех!». Слоган стал модным, стремительно завоевывал Интернет и заборы, овладевал умами.

Полицейские отлавливали художников пачками. Одни хлюпали соплями – «не хотели, но это ж прикольно». Другие, более отмороженные, кричали, что пойдут на костер за правое дуло и убьют всех.

Вирус безумия гулял по стране. Косил все больше и больше народу, в основном молодежь.

События несутся вперед. А я люблюсь похабными надписями. Где движение? Афон не звонит.

Куда ж ты делся, Афон? У нас еще столько дел. Столько народу тебе нужно убить с моей помощью.

Интересно, если бы мне лет десять назад сказали, что я буду планировать убийства высших чиновников России – поверил бы?

Так уж получается, что настоящее петляет настолько кривыми тропами, что реальное будущее не представит ни один астролог или пророк. То, что сегодня для нас реальность, лет десять назад было бы сюрреалистическим фильмом. А уж что бы сказали советские люди году так в семидесятом, узнав о России двухтысячных? Самый мягкий диагноз – белая горячка.

Давно никто ничего хорошего от будущего не ждет. Уже никто не верит в звездолеты и яблони на Марсе. А в конец света верят. Так что не хочу я смотреть вперед на десять лет. Может, я буду отстреливать бешеных псов на радиоактивных развалинах. Или мои косточки обглодают крысы-мутанты. Но пока еще есть время попытаться сделать так, чтобы такое будущее не настало. Пока цепь события не сомкнута, все еще можно изменить.

Телефоны молчат. На контакт никто не выходит. Может, оно и хорошо. Ситуация сама закручивается. От меня ничего не зависит. Кривая куда-то да вывезет.

Вот только мучит сенсорный голод. Угнетает, что нет связи с канвой событий.

Я полюбовался в окно участковым, составляющим протокол на акт вандализма. И тут зазвонил телефон для связи внутри группы «Перевертыши».

- Мы пригляделись к адресу, командир, – сообщил Роб. – Объект ненавязчиво пасут.

- Вот же ж вашу мать! – воскликнул я. – Кто пасет?

- Очень похожи на конторских.

- Час от часу не легче.

Дав отбой, я задумался.

Мне казалось, что Куратор наплевательски отнесся к возникшим проблемам. Если из плененного майора Жулебина выбили показания, противник уже в курсе всего.

Ближе к вечеру Куратор запросил срочную встречу.

Встретились мы на окраине города, рядом с железнодорожными путями. Хорошее место – незаметным к нам не подобрешься. И в случае опасности есть куда свалить.

Вид у Куратора был достаточно бодрый. Никаких переживаний и депрессии я не видел, была готовность хорошо подраться.

- Твои ребята правы, – сообщил он. – Ко мне прилепились топтуны.

- Сбросили?

- Обижаешь... Я в эти игры играю слишком давно.

- Как считаете, кто это были?

- Это «нора» ФСБ России.

- Если «хвост» по заказу нашего противника... Они совсем обнаглели.

- Они уже меня похоронили. Бросили все силы на установление моей агентурной сети. Хотят прихлопнуть всех разом.
- Но кто-то выписывал задание на наружку. Кто-то давал обоснование. Это зацепка.
- Пока не могу ничего выяснить. Хотя...
- Вам надо отходить по варианту «Омут».

Имеется план, по которому руководитель сектора и оперативники уходят на дно. Падают в заранее зарезервированные лежки, прерывают связь с Конторой. План «Омут» не использовался ни разу – его введение означало, что враг уже в доме.

- «Омут»? – Куратор покачал головой. – Рано. Есть еще дела.
- Вас грохнут.
- А твои ребята на что?
- Они не волшебники.
- Почти волшебники... Сергей, еще пара дней – и я найду, кто стоит за списком двадцати восьми.
- Вряд ли вам дадут пару дней.
- Пока не вышли на твою группу, они меня не тронут.
- Что мне делать? Нам выписали заказ на крупного российского чиновника.
- Павлюченко? Мужик хороший и почти что честный... Нам будет его не хватать.
- То есть вы предлагаете мне заказ исполнить?
- Да, Сергей, да!

С каждым разом Куратор все легче приговаривал к смерти невиновных людей – кажется, вообще перестал обращать внимание на такие мелочи.

- Чего кривишься? – посмотрел он на меня зло. – Именно сейчас мы не можем останавливаться. Иначе гореть нам в аду... Чистоплюи любят потрепаться за пивком о том, что цель не может оправдывать средства. Помнишь начало девяностых – либеральный студенческий бунт в Китае на площади Тяньаньмэнь.
- Да.
- Если бы студентов не намотали на гусеницы танков, сегодня не было бы не только сверхдержавы КНР, но и страны вообще. И счет бы там шел на десятки миллионов жертв. Гражданские войны в Китае в среднем уносили до двух третей населения. На весах – уничтожение страны или жизнь тысячи дураков, из них большая часть наймиты зарубежных сил... Так что наши цели оправдывают любые средства.
- К сожалению, да...

*

Наша ячейка (наша – о господи!) в полном составе опять собралась «на выселках».

Вчера я съездил на рекогносцировку к ресторану «Зенит» на юге Москвы. Присмотрелся. И сделал кое-что важное, о чем не считал нужным уведомлять соратников. Но об этом позже.

- Нам гарантируют, что там не будет охраны? – спросил я, раскладывая пасьянс из схем и фоток на дощатом столе.

- Какая охрана? – отмахнулся Афон. – Это не генерал какой-то и не фээсбэшник. Обычный чиновник.

- Если он обычный – зачем его мочить? – возмутился Конан, мечтавший о подвигах и славе. – На кого размениваемся...

- Успокойся... Итак, он справляет юбилей – шестьдесят лет. Мы его убираем.

- Это становится доброй традицией. Мы как концертная бригада. Работаем по вызову на праздники и дни рождения. И представления даем незабываемые, – хмыкнул я, вспомнив общежитие.

- В этом есть смысл. Нам нужен шум и эпатаж. Хороший теракт сродни перформансу. – Афон положил руку на фотографию объекта. – К сожалению, пока это второсортный банкетный зал.

- Что-то он для такого крупного лося скромно пасется. Какая-то левая харчевня. – Зена скривила губки обиженно, будто ее обломали с приглашением на бал.

- Я по блогу объекта потоптался, – объявил Глицерин. – Говорит – он честный.

- Честных во власти нет! – отрезал Афон.

- А если есть, – встрял Жаб.

- Тогда они хуже нечестных. Воры хоть искренне говорят – мы уничтожаем вас. Воруем, тянем, что можем. А честные – они как будто овечки. Как будто и ни при чем. Работают без выходных. О деле заботятся. Только вреда от них еще больше. Эта показная непорочность – она мешает людям видеть звериный оскал режима. Затуманивает мозги.

- Что-то есть в этой теории, – протянул Жаб. – Но чего-то и нет.

- Это не теория, а факт, – отрезал Афон и вернулся к теме нашей встречи. – Итак?

- Если там окажется охрана или пост милиции – у нас будут проблемы, – сказал я.

- Почему?

- Потому что боеспособных единиц у нас только две – ты и я. Остальные – обыватели с автоматами.

- Я в десятку пули кладу, – обиделась Зена.

- Команда должна быть, слаженность, – сказал я. – Перед общагой тренировались – что-то похожее на нормальную работу было, хотя косяков великое множество. Тогда нам сильно

повезло.

- Справимся, - заверил Афон. - Мы теперь битые. Да и практика нужна. Работы скоро будет много.
- Гасим только юбиляра? - спросила Зена.
- А тебе мало? - хмыкнул Афон.
- Можно накрыть гораздо больше. Там шишек немало будет.
- По обстановке, Зена, по обстановке. Но нам нужен только он.
- И как его гасить предлагаешь? - спросил я.
- Ждем его около этой стекляшки, - пояснил Афон. - Он выходит - сыто, пьяно, весь в эйфории. Тут мы его расстреливаем и уезжаем.
- Будем маячить на виду, привлекая внимание? С гостями могут приехать и секьюрити, и личные шоферы, может патруль проехать. Это голимая подстава.
- Можно мину поставить, - мечтательно произнес Глицерин.
- Без мин обойдемся. Нужна экипировка, - сказал я и выдал план.
- Хитро, - кивнул Афон. - Оснащение будет.

Постепенно план акции стал обрастать деталями.

- Первый идешь ты, потом Зена, Глицерин, Конан, - перечислял Афон, внося свои поправки. - Я замыкаю. Жаб снаружи страхует.
- Кто будет валить? - поинтересовался Конан.
- Я могу! - воскликнула Зена. - Правильно сказали - это перфоманс. Так что лучше, если стрелять будет красивая женщина, а не ты, кабан!
- Че сразу кабан? Ты за метлой следи, принцесса на горошине, - обиделся Конан.

Я обвел взглядом своих соратников, азартно прорабатывающих план очередного убийства. Их невозможно переубедить. Перевоспитать. Они конченные ублюдки.

И они обречены. Даже в случае победы бешеные псы, прогрызавшие дорогу новой власти, уничтожаются этой властью первыми. Потому что новая власть знает, что договориться с ними невозможно. Они всегда будут источником опасности для существующего положения вещей. И если старый порядок свергали все вместе, то в новом порядке всем места не хватит.

До дома я добрался поздним вечером. На душе кошки скребли. Меня сковывало какое-то чувство неуверенности. Было предчувствие неприятностей.

Я открыл ноутбук. Вытащил необходимую программу. Ввел режим получения данных.

При выезде на место я установил видеокамеру. Та работала по каналам Интернета как в режиме онлайн, так и в режиме пакетного сброса информации. И теперь демонстрировала вид

стеклянного одноэтажного здания ресторана «Зенит».

Я распаковал пакеты за сегодня. И начал просматривать.

Изображение черно-белое, но четкое. Проходили люди. Подъезжали и отъезжали машины. Место у ресторана бойким не назовешь. Во время бизнес-ланча возникло некоторое оживление.

Место для преступления неплохое. Исполнить клиента труда не составит. Главное, здесь масса путей отхода. Район этот, если проработать маршрут, никакая полиция не перекроет.

И все-таки не было мне покоя. Зена говорила, что в последнее время Афон сам не свой. И мне он казался каким-то немного странным. Будто пловец-морж, стоящий на краю лунки, в которую должен бултыхнуться.

Я щелкнул мышью, ускоряя прокрутку. Пока что ничего интересного я не нарыл.

Ресторан «Зенит». Заштатная забегаловка, скоро ты прогремишь на весь мир. Не так долго осталось.

*

Старая, дребезжащая белая «Газель» раньше принадлежала гостям столицы. На лобовом стекле висели колокольчики. Фотографию смуглой восточной женщины с ребенком я выбросил.

Увел машину я от вещевого рынка. Судя по запаху, в салоне перевозили сельхозпродукцию. Мы переставили номера, нацепили на окна занавески. И теперь ехали к месту акции.

- Машину не мог попримечнее найти, - ворчал Глицерин - он все время обижался и ворчал, будто ему лет девяносто.

- Неприметная. Надежная, - произнес Афон, надавая газу.

- Менты бы не остановили. - Глицерин не привык передвигаться на краденых тачках.

Тут он прав. Надо ехать аккуратно, не привлекая внимания дорожно-патрульной службы. Что хорошо - таких фургонов тьма-тьмущая. Вон, с двух сторон едут похожие. Неприметная машина, вряд ли кто-то будет ее искать и тормозить даже при объявлении розыска. А ехать нам не так далеко.

- Пусть остановят. Будут на том свете на перекрестках шакалить, - хмыкнула Зена, сжав пистолет-пулемет «Клин».

Ей снова хотелось пострелять.

Я молча забился в угол фургона. И просматривал изображение с видеокамеры.

- Че пялишься? - Конан заглянул в мой айпад.

- Картинки смотрю, - буркнул я. - Записал на видеокамеру место акции. Вдохновляюсь.

- А-а, - разочарованно протянул Конан, похоже, надеявшийся увидеть порнушку.

О действующей видеокамере им знать необязательно. Это мой козырь.

Экран был разделен на две части. В одной была запись за вчерашний день. В другой – то, что сейчас происходит перед рестораном «Зенит».

Пока ничего подозрительного. Ресторан закрыт на спецобслуживание. Гостей пока съехалось человек тридцать. Некоторые на такси, другие на своих машинах. Вот подкатил представительский «БМВ», шофер подобострастно открыл дверцу степенному хозяину. А вот какой-то коммерсант подъехал на здоровенном внедорожнике, с парой телохранителей – потешными бугаями с приличной мышечной массой. Эти способны оторвать человеку голову, но для игр настоящих профессионалов непригодны. Однако отметку сделаем – их угоним первыми.

Как там мои соратники? Глицерина колотит. Он все время ноет, что-то говорит. Может сорваться.

Зена может сорваться еще быстрее. Но в другую сторону. Мечтает кого-нибудь грохнуть. На лице счастливое выражение, поглаживает пальцами «Клин». Нужно держать ее в поле зрения, а то зальем все кровью.

Афон угрюм, собран, деловит. Время от времени бросает на меня косые взгляды.

Часы показывали девятнадцать тридцать пять. Мы выбрались из пробок, ехать оставалось десять минут.

Скоро в бой. Точнее – на бойню. Я на убыстренном темпе просматривал записи за вчерашний день.

Что я искал? Следы подставы. И не находил.

Что там вчера было около этого проклятого ресторана? Машины подъезжали, отъезжали. Люди ходили. Так они везде ходят.

И все равно у меня возникло совершенно четкое ощущение, что я что-то упустил.

Что? На ответ времени осталось десять минут. После этого мы начнем действовать, и фигуры уже не переставишь. Придется играть по установленным правилам.

- Подъезжаем, – лицо Афона перекосила кривая гримаса. – Приготовиться!

Так я ни до чего и не додумался. И меня сдавило ощущение совершаемой ошибки. Что делать? Сдать назад? Поздно. И нет для этого повода, кроме интуиции... Ладно, черт не выдаст...

«Газель» остановилась, не доезжая до ресторанной стоянки. Я разглядел среди машин черный «Сааб» юбиляра.

- Он здесь. Вперед! – воскликнул Афон.

С зубовным скрежетом отъехала в сторону дверца. Мы спрыгнули на асфальт, тяжело бухая подошвами берцев.

Мы были в черном камуфляже «ночь» с надписью спецназ на рукавах и крупно «ПОЛИЦИЯ» на спине. Лица скрыты масками.

Моя главная идея по сценарию – выступить на этом костюмированном балу под видом полицейского спецназа. Спецназовцы в последнее время приучили народ к тому, что выскакивают, как черти из табакерки, из таких невзрачных машин с занавешенными окнами и раскладывают всех на земле. И тогда лучше не рыпаться – ведь спецназеры имеют репутацию злых, драчливых гоблинов, всегда готовых изувечить и пристрелить при попытке сопротивления. Даже самые отпетые бандюганы им не перечат. Кто из них этого не понял – давно в коме или на том свете.

Еще нам в плюс, что спецназов сейчас туча – и наркополицейские, и налоговики, и даже судебные приставы. Никто толком в них не разберется.

Форма обеспечивает свободу действий на начальном этапе. И дает возможность отработать только по объекту, не задевая посторонних.

Только бы поменьше крови – молился я. Только бы поменьше крови...

Мы направились к стекляшке ресторана. Тело-хранитель дернулся было:

– А вы куда, клоуны?

Тупой громила. Не умеет себя вести с представителями власти и с теми, кто под них косит. Я ему засветил в лоб автоматом «АКС-74У». Туша хлопнулась на асфальт – будто кита на берег выбросило. Перевернул его, ткнул стволом в затылок:

– Лежать, полиция!

Зена, хорошая девочка, наставила на второго телохранителя ствол и пропела ласково:

– Только квакни. На колени, руки за голову.

Тот подчинился.

В это время Глицерин мельтешил рядом, испуганно подпрыгивая и что-то порываясь пролепетать.

Разложили телохранителей на неостывшем после дневной жары асфальте мордой вниз. За полминуты я надежно скрутил быков специальной веревкой – за спиной их оставлять нельзя. Афон, Жаб и Конан ждали у входа в ресторан, расставив вдоль стеночки вышедших покурить гостей.

По плану Жаб остается сечь картинку снаружи, остальные заходят в зал.

– Вперед, – приказал я.

Путь открыт. Я шел первым. Навстречу нам вынырнул представитель администрации.

– У нас спецобслуживание, – залепетал он напористо.

– Мы сюда что, жрать пришли? – Конан вlepил ему рукояткой в лоб.

Фойе. Коридорчик с туалетами. Тут оставим Конана – пусть присматривает. А вот и банкетный зал.

Стол поставлен буквой «П». На них салатки, нарезочки, бутылки. Фужеры наполнены и

опустошены не по разу. Горячего еще не подавали. Привычный застольный гвалт обрубаётся – будто звук выключили. Все замороженно пялятся на нас.

Виновника торжества во главе стола нет! Его вообще нет в зале.

Я схватил за шкурку официанта, ткнул в нос стволом автомата:

- Где юбиляр?! Отвечать!

- Вышел, – выдавил официант, замороженно глядя на ствол автомата. – В умывальную.

- Какая полиция? – неожиданно начал качать права важный бобер, приехавший на представительском «БМВ». – Я генерал ФСБ!

- Ага, на ловца! – Глицерин неожиданно диковато захохотал.

Грохот выстрелов в закрытом помещении резко бьет по ушам. Это Глицерин всадил в толстое пузо бобра очередь.

- Рано, сволочь! – крикнул Афон сорвавшимся на визг голосом.

И тут в моей голове сложилась картинка. Я все понял. Разом ухватил и замысел, и детали. И то, что в сегодняшней пьесе мы жалкие марионетки.

- Он там! – Афон рванулся из зала в сторону туалетов, где скрывался юбиляр.

Я посмотрел ему в спину. Поднял автомат. И нажал на спусковой крючок.

Рывкнул «АКС-74У».

Афон рухнул как подкошенный. Три пули в спину – ему хватит.

Я направил ствол в сторону Глицерина. Тот взвизгнул и бросился прочь из зала.

Зена ошарашенно глядела на меня, на свое счастье не пытаясь направлять в мою сторону оружие.

- За мной, Зена! – прикрикнул я. – Если хочешь жить!

- Зачем ты...

- Быстрее! Все объясню!

Снаружи слышались автоматные очереди и отчаянные вопли:

- Оружие на пол! Сдавайтесь! Лежать, суки!

Опять очередь.

У входа в ресторан свара. Нам это ни к чему. У нас есть маршрут отхода.

С помощью Куратора я еще вчера имел план ресторана и коммуникаций. И отлично знал, как покинуть это место.

Вон, неприметная дверь в уголке зала, за эстрадой с усилителями, инструментами и

колонками. Там проход в служебные помещения.

Я дернул Зену за руку, и она припустила за мной. Жахнул ногой по хлипкой двери, запертой на слабый замок, – та вылетела вместе с косяком.

Прямо и направо – запасной выход. Нам он не нужен. Слева еще один коридор. Нам туда.

Еще одна дверь. Замок, крепкий. Напрягшись, я рванул на себя металлическую ручку. Кажется, порезал кожу на ладонях. Ну и ладно. Зато замок вылетел. Хорошо иметь много дурной силы!

Дальше ступеньки вниз – в просторный подвал. Из него ведет ход в катакомбы и бомбоубежище. Двери там запираются. Но вчера я приехал сюда, покрутился, проник в подвалы и аккуратненько спилил все замки.

По влажным стенам подвала заплясал луч фонарика-карандаша – его я всегда таскаю с собой.

– Вперед, – прикрикнул я, подгоняя спотыкающуюся Зену...

Вот лестница наверх. Вот подвал жилого дома. А еще выше – свет и свобода.

Мы оказались в тенистом дворе. Со стороны ресторана «Зенит» послышались два одиночных выстрела.

У подъезда стоял «Фольксваген Гольф» дурацкого фиолетового цвета. Долговязый парень загружал в него картонные ящики.

– Ключи от машины! – крикнул я.

– Ты че, опух? – Парень уставился на автомат.

– Убью, сука! – Я пнул его ногой под коленную чашечку.

Парень вскрикнул. Решил, что жизнь дороже. Вытащил из кармана ключи, протянул мне дрожащей рукой.

– В машину! – крикнул я Зене.

Та сжимала пистолет-пулемет. Инстинкт самосохранения у нее работал, и она не направляла его в мою сторону. Понимала, что тогда я ее пристрелю.

– Ты убил Афона! – вдруг взбрыкнула она.

Я шагнул к ней, схватил за плечо. Сжал болевую точку. Пальцы ее разжались, я успел подхватить выпавший пистолет-пулемет. Толкнул Зену к машине. Бросил на заднее сиденье «Клин».

– Оружие девочкам противопоказано.

Машина тронулась с места. Истошно заверещал ее хозяин. Ничего, пускай понадрывает горло...

Дальше отход прошел штатно. Оружие мы оставили в брошенном «Фольксвагене». Попетляли по городу. И оказались на резервной квартире в Капотне, которую я снял три дня назад для

таких случаев. Девятиэтажное длинное здание – бывшая общага. Половина квартир – настоящие притоны. Никому тут ни до кого дела нет. Полиция здесь редкий гость.

В комнате я усадил Зену на диван и уселся напротив нее.

- Ты зачем убил Афона? – в ее голосе звучал металл.

- Он отдал нас на заклятие.

- Так я и думала, – неожиданно выдала она.

- Думаю, твой контракт с «Альянсом действия» разорван. Тебя хотели разменять. И меня тоже. А я этого не люблю.

- Свиньи. – Зена глубоко вздохнула. – Животные!

Я включил телевизор. Чего не отнимешь – телевизионщики научились оперативно прибывать на место терактов и катастроф и выдавать репортажи без задержек.

- Сегодня произошло беспрецедентное столкновение представителей органов правопорядка с членами террористической организации «Альянс действия», – тараторила журналистка на фоне ресторана «Зенит». – Четверо террористов уничтожены. Двоим удалось скрыться. Просим тех, кто видел этих людей или знает об их местонахождении, сообщить по телефонам...

На экране появились фотографии. Моя – снятая скрытой камерой. И Зены – из паспортного стола.

Зена обхватила руками голову. И неожиданно разревелась. Я на миг испытал жалость к ней. Не слишком глубокую.

- Итак, Зена, мы в одной лодке. И грести нам дальше вместе.

- Куда?!

- Завтра. Все завтра...

*

Вся жизнь людей в муравейнике, именуемом человеческой цивилизацией, состоит из везений и невезений. И если кому-то повезло, то будьте уверены – ровно на столько же кому-то не повезет. Плюсы должны уравновешиваться минусами.

Вот и в нашей странной истории все так и произошло. Немножко повезло алкоголику в третьем поколении и москвичу в четвертом Коле Махмудову. Повезло Робу. Повезло Куратору. И очень не повезло некоторым лицам.

А теперь в подробностях часть истории, свидетелем которой мне не довелось быть.

Коля Махмудов, который находился в стадии непрекращающегося финансового кризиса, неожиданно нашел благодетеля. Тот сам к нему подсел, когда Коля, сгорбившись на лавке, напряженно размышлял, где достать деньги на выпивку. Поскольку не пить он не мог – оставалось или взять займы у корешей, что нереально. Или, прости господи, заняться гоп-стопом. Хоть старушек, хоть малолеток грабить – все равно, но без чекушки ему смерть.

Робу как раз нужна была квартира, выходящая во двор.

- Местный? - спросил он, подсаживаясь к алкоголику.
- Да уж, не то что некоторые, - огрызнулся Махмудов.
- Прямо в этом доме? - не обращая внимания на нелюбезный тон, продолжил Роб.
- Вон окна.
- Трубы горят? - сочувственно спросил Роб.
- Горят.

Сторублевка, будто по колдовству появившаяся в пальцах собеседника, как магнитом притянула взгляд.

- Деньги нужны? - спросил Роб.
- Еще как!
- Ежедневно полторы тысячи, если свалишь из дома и дашь мне там уединиться.
- Чего? - изумился Махмудов.
- Хахаль жены моей снял хату в третьем подъезде.
- Ну да, ты его на нож насадишь, а меня потом, как соучастника...
- Ты дурак? Кто кого режет сейчас за такую ерунду? Мне с ней развестись надо, чтобы имущество не оттяпала. Улики нужны. - Роб показал на фотоаппарат. - Чего, полторы не годится? Давай тысяча семьсот. Найдешь, где перекантоваться?
- Найду. Деньги вперед.
- Не вопрос, - Роб отслюнявил купюры.
- Тогда двинули.

Так Роб оборудовал пункт наблюдения в крыле одиннадцатиэтажного панельного дома, идущего буквой «Г». Из квартиры открывался хороший вид на подъезд. Двушка в нем - тот самый запасной аэродром Куратора, о котором не знал никто, кроме группы «Перевертыши».

Куратор ввел в действие план «Омут», в результате особо доверенные оперативники перешли на нелегальное положение. Сам сбросил «хвост» и свалил на конспиративную квартиру, однако полностью отойти от дел не мог и вынужден был светиться в Москве. Все-таки он опоздал - большинство его подчиненных приказом руководителя службы были посажены на казарменное положение и выбыли из игры. Таким образом из-под ног Куратора выбивали опору. В ФСБ творились какие-то очень мутные дела.

На второй вечер Роб засек посторонних. После суматошного дня Куратор вернулся в логово. А потом возникли эти двое. Они что-то вынюхивали, нарезали круги.

Роб вышел на связь с Шатуном, который находился в пределах досягаемости, объяснил

ситуацию и велел:

- Присмотрись.
- Сделаем.

Если Шатун вышел на поиск, срисовать его невозможно – что в городе, что в лесу. Зато сам он видит все. Таких топтунов уже и не производят. Нюх, способность замечать детали у него фантастические. Сам он из потомственных охотников Сибири, с длинной чередой бородатых предков-староверов. Его родичам нарезали территорию размером с Москву – всю зиму они били там соболя, сдавали меха заготконторе и лучшей жизни не мыслили. А Шатун решил выбраться в большую жизнь. В результате – война, звание прапорщика, спецназ и группа «Перевертыши».

- Наши клиенты, – сообщил Шатун через полчаса. – Похоже, оперативную установку делают. Терлись они плотно около адреса.
- Оперустановку. Или рекогносцировку перед акцией, – кивнул Роб.

Так уж получилось, что парни, которых засек Роб, вошли в число тех, кому не повезло.

Дав отбой, Роб вышел на связь с Куратором, обрадовал, что квартира спалена. Предложил эвакуироваться. В ответ получил отказ:

- Не будут они меня пока брать. А слежка – пускай. Я им приготовил сюрпризы.
- Я не согласен.
- Не могу тебе сейчас все объяснить, лейтенант. Продолжайте прикрывать меня.
- Есть.

У Куратора была какая-то своя игра. Он отдавал приказы, а мои ребята их выполняли.

На своем наблюдательном пункте Роб получал изображение с обзорных видеокамер, которые воткнул на высотке и на лестничной площадке для наблюдения за обстановкой.

И ранним утром увидел, как появились черный, как сапог, джип-командер и просторный серый микроавтобус «Форд Транзит». Рассредоточились гости грамотно. Одна машина во дворе – как раз перекрывала проезд. Вторая – чуть в стороне.

- Нутром чую, объект будут брать, – сообщил Шатун по рации.
- Или ликвидировать, – возразил Роб.
- Брать, Роб... Иначе народу бы столько не нагнали.
- Ну тогда приготовились, прапорщик.

Из джипа вышли трое накачанных ребят. По виду типичные силовики, задача которых срубить задерживаемого. Аккуратно, по одному, они просочились в подъезд.

Видеокамера показала, как один из бойцов поднялся на лестничную площадку, мельком, будто невзначай, глянул на квартиру Куратора и прошел наверх. Двое остались ниже.

Ясно, решили брать объект на выходе из квартиры. Ломать металлическую дверь с риском получить при этом пулю – на это они не отважились.

- Дрянь дела, – сообщил Роб. – Будем прорываться с боем.

- Сбрось тревожный сигнал Куратору, – ответил Шатун.

- План «Трасса», – приказал Роб и положил рацию рядом с собой.

Во дворе появился Шатун, по виду типичный долговязый местный алкоголик. Одет в тряпье, на плече матерчатая замызганная авоська. Шаркая ногами, он тяжело брел к подъезду.

Пошатываясь, постоял у подъезда, будто вспоминая код. Нажал кнопки, потянул на себя дверь. И исчез из поля зрения.

Похоже, он никого не насторожил. Во всяком случае, никакого движения среди оставшихся на улице боевиков не заметно.

Роб замер у экранов, положив ладонь на прислоненную к столу бесшумную снайперскую винтовку «винторез». Он ждал...

На телефоне замигал условный знак – открытый замок.

Молодец, Шатун! Это означало, что трое в подъезде нейтрализованы. Пистолет с глушителем – вещь суровая...

В фургоне и джипе никто не шевелится. Они не знают, что карусель закрутилась. Слишком самоуверенны. Привыкли все брать нахрапом.

На экране телефона возникли два закрытых замка. Сигнал «приготовься, выходим».

Теперь уже счет не на минуты, а на секунды.

Роб глубоко вздохнул, задержал дыхание, резко выдохнул. Взял «винторез» и приблизился к окну.

Из подъезда выскочили Шатун и Куратор. Пошла потеха!

Пару секунд ушло на то, чтобы противник сообразил, что творится. Потом из джипа выскочил шофер с пистолетом-пулеметом, а «Форд Транзит» тронулся с места.

Беглецы устремились к невзрачному «жигуленку» у подъезда – это резервная машина на случай экстренной эвакуации. Щелкнули открывающиеся по радиосигналу замки.

Шофер джипа поднял ствол компактного пистолета-пулемета «Бизон».

Роб плавно нажал спусковой крючок. Хлопок – «винторез» бьет негромко. Готов – еще одна жизнь сегодня оборвалась. Не последняя.

Следующий выстрел – пуля пробила лобовое стекло и разнесла черепушку водителю «Форда Транзита». Фургон вильнул и уперся в бетонную цветочную розетку.

Куратор уже валился на заднее сиденье «жигуля». Шатун распахивал дверь со стороны водителя.

Из салона микроавтобуса посыпались вооруженные люди в камуфляже. Сколько же вас там – пять, шесть?

Шатун дал по ним длинную очередь из пистолета-пулемета, заставив попрыгаться, кто куда, и упал за руль. Мотор завелся...

Один из боевиков высунулся из укрытия, вскинул автомат.

Они еще не сообразили, что глушат их сверху. Хлопок «винтореза» – минус еще один. Похоже, это бригада для разборок, захвата заложников, и опыта боевых действий в городах, в том же Грозном, у них нет. Там бы этих бойцов быстро научили сечь, из какого окна долбят.

«Жигуль» рванул с места.

Вслед хлестнула очередь. Стрелял боевик, находившийся вне досягаемости «винтореза» – за лакированным телом «Форда Транзит».

Роб пару раз нажал на спусковой крючок – пули пробивали машину. Одна, кажется, задела стрелка.

Роб выщелкнул магазин. Присоединил новый. И снова открыл стрельбу, не позволяя высунуться боевикам и прикрывая отход объекта.

«Жигуль» перелетел через детскую площадку, вильнул между деревьев, снес кусты. И скрылся между домами.

Роб остался с врагами один на один. Что ж, бывало и хуже, когда в горах прикрывал отход группы. Тогда он выжил.

«Винторез» – надежная родная машинка, придется тебя бросить. Пистолет-пулемет «Кедр ПП 91», «Глок» за поясом – все, этого достаточно.

Роб прыжками преодолел ступени. И выскочил из подъезда. Надеялся, что боевики не сориентировались, откуда их валили.

Появившийся из подъезда человек привлек внимание. Боец в камуфляже поднялся во весь рост. Но нажать на спусковой крючок не успел. Его смело короткой очередью.

Роб знал, как уходить от преследования. Огрызаясь экономными очередями, заставил преследователей попрыгаться, преодолел несколько метров. Нырнул в палисадник. Дальше через дорогу. А дальше – железнодорожные пути. Развилки. Там сам черт ногу сломит...

Роб ушел. Куратор и Шатун ушли. Им повезло в тот день.

А тем, кто пришел по их душу, не повезло. Четверым понадобился патологоанатом, а двоим – реанимация.

Полицейские нашли на месте перестрелки только следы – гильзы, кровь. Тела были эвакуированы.

При обходе жилого сектора стражи порядка наткнулись на квартиру, где были брошены снайперская винтовка и дорогостоящая следящая аппаратура. И никаких пальчиков или других, пригодных для идентификации следов.

С другой стороны – трупы есть? Трупов нет. И на фиг это расследование! Материалы сгинули в сейфах окружного полицейского управления – навсегда...

*

На следующее утро после бойни в ресторане «Зенит» Роб сообщил мне о новых неприятностях.

- С Куратором двигаете на запасной аэродром, – велел я. – Головой за него отвечаешь.

- Знаю, не маленький.

- А еще – благодарю за службу. Вы молодцы.

Итак, положение аховое. Моя морда показана по телевизору. Я стал одним из самых разыскиваемых преступников в стране. Крыша моя тоже снесена могучим ураганом – Куратора обложили, спалили его запасную лежку.

И что я имею?

А имею я себя самого, мою группу, Куратора на шее. И ощущение, что скоро разразится катастрофа невиданных масштабов.

Да, забыл – еще на руках у меня сумасшедшая террористка. Сидит в кресле как изваяние. Осунулась, ночь не спала. Но вид у нее не растерянный и не удрученный, а злой.

Только что я влил ей граммов двести текилы. Но не взяло.

- Ты в контакте, голубушка? – Я щелкнул у нее перед носом пальцами.

- Я в порядке. В порядке!

- Ну вот и хорошо.

- Их всех убили.

- Тебе их жалко?

Она посмотрела на меня очумело:

- Жалко? Мы были семьей!

- Шведской. Не говори глупостей. Тебе наплевать на них, так же как им на тебя. Объединяло нас общее дело. Теперь нет и его.

- Почему нет дела? – вскинулась она. – Дело осталось. Мы стольким пожертвовали. Дело есть!

- Нас сдали. Ты же вчера согласилась со мной – Афон привел нас на убой.

И правда – на убой... И я, такой весь из себя мощный профессионал, едва не попал как кур в опцип. А спасла меня привычка перестраховываться.

За день до акции около ресторана «Зенит» крутился человек. Ничем особым не отличался – прошелся и исчез, как сотни других. И отложился в моем подсознании. Я его на экране не рассмотрел детально. Даже внимания не обратил. Но заноза в памяти засела.

А когда мы вошли в банкетный зал, картинка сложилась.

Человек немножко подтягивал ногу. Это был Леший, мой бывший сослуживец по двести пятой базе.

В тот же миг мне стало понятно удрученное состояние Афона. Он привел всех в ловушку. Он замыкал наше шествие. Для чего? Для маневра. Скорее всего, у него была договоренность, что группа захвата его выпускает. А остальных кладут в глухую...

Цель всей этой трагикомедии? Пока непонятно. Но какая-то цель была. Не просто ликвидация терроргруппы. Что-то заказчики еще хотели. Поэтому не думаю, что Афона выпустили бы просто так и дали ему раствориться. Его бы, наверное, просто взяли живым и подвязали на какую-нибудь публичную акцию. Тут бы вспомнилось и то, что он в свое время был боевиком «Левой инициативы» – единственной политической организации, которая может оказать в хаосе сопротивление и незыблемо стоит на государственных позициях.

«Инициативу» хотят убрать с арены? Ну что ж, тоже версия.

- Сакральная жертва – вот кто были мы, – сказал я.

- Все равно ты предатель! – неожиданно взбрыкнула Зена.

Я включил телевизор. Объектив телекамеры наехал на мертвое лицо Глицерина и на лежащий рядом с ним «Клин».

- Ты бы смотрелась куда лучше. Но за неимением...

- Сволочь!

- Я – да. Сволочь. Поэтому жив. И поэтому жива ты. Был бы интеллигентным садистом, как Жаб, или маньяком-взрывником, лежал бы сейчас с тобой в морге. Сволочью быть иногда выгодно.

Она потянулась к бутылке с текилой. Сделала большой глоток. Встряхнула головой. И почти спокойным ровным голосом произнесла:

- Ты прав, Чак. Извини... Что дальше?

- Вопрос интересный. Дела наши неважные.

- Я знаю.

- Нет, ты даже не представляешь, что такое быть дичью, на которую объявлена охота, которую высматривает каждый патрульный, каждый полицей в штатском, каждый агент.

- И что? Сдаваться?

- Хороший выход. Пожизненного тебе не дадут с учетом молодости и неземной красоты. Но лет двадцать – легко. Две трети отсидишь, по условно-досрочному выйдешь. Как раз ближе к сорока годкам. Будешь выглядеть на пятьдесят – жизнь там тяжелая. Если выйдешь.

- Ты сволочь.

- Да знаю я. Не повторяйся.

Она всхлипнула:

- Двадцать лет. Афон говорил, что режим рухнет через месяц.
- Далеко не факт. И еще не факт, что тогда выпустят тебя, меня и нам подобных. Нас лучше держать под замком, а использовать как острое оружие – чтобы после сразу прятать в ножны.
- Все должно было быть не так.
- Я тебе скажу больше – дальше может быть еще хуже.
- Ты прав. Ты во всем прав. Я дура. Ничего не видела и не понимала.
- Смотри. С обороной у нас швах – рано или поздно нас вычислят. Значит, надо нападать.
- На кого?!
- На заказчика, который приказал нас убить.
- Я о нем ничего не знаю!
- Так уж и ничего?
- Нашего надзирающего знал только Афон, который появлялся и объявлял: вот деньги, вот оружие, вот приказ. Глицерин отличный взрывник. Мы взрывали. Афон говорил, что нас не слишком высоко ценят. Ты нужен ему был, чтобы поднять наши акции. И нам дали серьезную работу... Афон говорил, что наши акции резко растут.
- И тут нас сдали всем скопом, на пике величия. Разменяли на дешевенькую кабацкую потасовку. Почему?
- Что-то случилось, – подумав, произнесла Зена.
- Что именно?
- Я не знаю.

Есть над чем подумать. Мое внедрение шло по плану. Я вплотную приблизился к цели – на меня обязательно в ближайшее время вышел бы кто-то из реальных функционеров «Альянса». А потом произошел какой-то сбой. Когда? Кажется, я знаю. Все началось, когда Куратор запросил списки пропавших спецназовцев. Тогда враги должны знать, что я связан с ним и работаю на ФСБ? Почему тогда меня не грохнули втихаря?

Черт, путано все. Одни предположения и догадки. Притом достаточно бестолковые. Вопросов больше, чем ответов.

Зена завозилась в кресле. И вдруг выдала:

- Я видела однажды координатора. Мы с Афоном ехали на машине. Тот козел назначил срочную встречу. Афон не стал меня высаживать. Сказал сидеть в машине. И ушел.
- Но ты не выдержала.
- Ну и чего? Секреты у него какие-то от нас... Не фиг! Прошвырнулась я и увидела их. Они

сидели в кафе и беседовали. Тот козел был похож на лису... Такая лисья морда. И волосы черные с седой полосой.

Я тут же вспомнил встречу с Глицерином, когда в кафешке были организованы смотрины. Там тоже был «козлолис».

- А вообще у нас остались контакты с подпольем?

- Нет! - воскликнула поспешно Зена.

- А если напрячься и подумать?

- Знала одного парня, - недовольно буркнула она. - Тесно знала.

- Спала?

- А ты ревнуешь?! - взвилась она, как мне показалось, с затаенной надеждой. - Спала. И он получше тебя в постели был.

- Твоему авторитетному мнению я доверяю... Он входит в боевую группу?

- Да, он в ячейке. Мы с ним начинали в «Зеленом патруле».

- О господи, - покачал я головой.

«Зеленый патруль» - экстремистская экологическая организация. Из тех любителей природы, которые призывают убить всех людей, чтобы зверушкам жилось вольготнее. В связи с тем, что планета находится в стадии экологической катастрофы, такие организации привлекают массу сторонников. В России они находятся под покровительством зарубежных спецслужб, служат кузницей кадров для радикальных политических движений. Ничего удивительного, что «Альянс действия» осуществлял в «Зеленом патруле» вербовочные мероприятия.

- Ты имеешь на него выход? - спросил я.

- Телефон. Если он не сменил его.

- Мы используем твоего гринписовца...

*

Я в Азии командовал парадом

Отечеству на благо своему.

Я не был ни начпродом, ни завскладом.

А значит, был не нужен никому.

Во всю мощь звучал CD-проигрыватель, выдавая одну из любимых песен про офицера ГРУ:

Я вам скажу, ребята, без истерики,

Пусть, может, кто-то там и обозлится,

Бойтся лишь меня страна Америка,

А вот завхоза что-то не боится...

Слова этой песни отдавались в душе, гнали кровь по жилам, хотя казалось, что она уже давно остыла и не может вскипать.

Вы слог простите мне неосторожный.

Кто нынче служит – только лишь чудак.

Без вас работа, миль пардон, возможна.

А без меня, наверное, никак.

Губарев сжал кулак. Это же все про него. Он и был таким офицером разведки, из тех, кто вершит судьбы страны и мира, не требуя ничего взамен, гордых осознанием того, что они служат Родине, которая не слишком их балует вниманием и жизненными благами.

Губарев выключил проигрыватель. И стукнул кулаком по столу.

Он все время возвращался мыслями к встрече со своим бывшим подчиненным капитаном Гончаренко. Прошлое вернулось...

Как только он ноги унес с этой проклятой двести пятой базы? Чувствовал ведь, что военные и спецслужбы мутят что-то на тему транзита наркотиков. А потом пропала без вести группа Лешего. Губарев тогда в сердцах кулуарно и выдал, что все это звенья одной цепи.

Через неделю ему предложили перевестись в Новосибирск. На равнозначную должность.

- Сожрут тебя тут, правдолюб ты наш, – сказал старый приятель капитан Оськин из особого отдела базы.

- Кто жрать будет? – спросил Губарев.

- Да неважно – кто. Важно за что. Язык, знаешь, до киллера доведет. Чего ты лезешь, куда не просят?

- Так на меня стрелки переводят за гибель группы. Не обеспечил должную подготовку и разведывательное обеспечение мероприятий.

- Дурака надо было включить. Виноват, каюсь, простите негодя, больше не буду. Строгий выговор в личное дело – и вся беда. Ты же слишком умным решил показаться... Так что переводись в Новосибирск. Затаись там, ум свой не выпячивай.

- Для червей совет.

- А мы кто? Мелкие сошки. И от нас не зависит ничего.

По результатам служебной проверки Губареву объявили о неполном служебном соответствии и перевестись предложили в Самару на нижестоящую должность.

Он плюнул на все. И вот уже несколько лет ведет размеренную жизнь. Распорядок дня. Зарядка. Спорт. Семья. Тишина и порядок – как на кладбище.

За этой размеренностью он прятал отчаяние от того, что остался не у дел. Бойцовый

бультерьер теперь служил цепным псом.

Он давно свыкся с таким положением вещей. Но тут возник из той, другой жизни Сергей Гончаренко.

Первым порывом было сдать его. Но, вспоминая все нестыковки в этом деле, подполковник счел необходимым выслушать. И все сложилось в единую картину.

Обидно было, что капитан снова в деле, а сам Губарев тиранит мелочными придирками подчиненных в конторке и занимается зарядкой, пробежками, сидит на диете, ходит в фитнес-клуб.

Губарев твердо решил помочь ему всем, чем сможет.

А что может военный пенсионер? Ничего? Нет, может.

Недавно он встретил Оськина. Особист распрощался с военной службой три года назад. Перепрыгивал из одной коммерческой конторки в другую, не в силах подобрать ничего подходящего для своей авантюрной натуры.

- Помоги найти что-нибудь по мне, - попросил особист.

- Пройдусь по связям, - пообещал Губарев. - Попробую.

Тут один из бывших сослуживцев собирал команду в службу безопасности на приличные деньги. Подполковник порекомендовал Оськина, и теперь есть повод снова встретиться с ним.

Губарев включил телевизор. Каждый раз он это делал с долей страха - новости все больше были плохие, а то и убийственные. Вот и сейчас. Сразу нарвался на репортаж о ликвидации террористической группы. И с изумлением увидел нечеткую фотографию скрывшегося террориста. Да это же Гончаренко!

Подполковник зашел в Интернет и вытащил информацию о перестрелке в ресторане «Зенит». Получается, что Гончаренко ездил ему по ушам, а сам полностью скурвился? Такой вывод напрашивался. Но были нюансы.

От всей истории за версту несло липой. Не складывалась картинка. Из разговора с капитаном Губарев примерно представлял, чем тот занимается. Скорее всего, это глубокое внедрение в группы террора. Подполковник сам на юге занимался этим. Знал, как оно бывает. Возможно, у капитана что-то не срослось.

Что делать дальше?

Губарев задумался... Решим после встречи с особистом.

Встретились они вечером в ресторане «Тарас Бульба» у метро «Новокузнецкая».

- Проблема твоя решается, - обрадовал подполковник сослуживца. - Люди в СБ крупной компании требуются. Твоего склада. Деньгами не обидят. Записывай телефон. Скажешь, от Губарева.

- Ну, выручил.

Раздавили по соточке коньяка. Губарев аккуратно вывел разговор на события пятилетней

давности.

- Леха, все-таки за что мы пострадали? Кто нас подставил?
- Все в тумане, - развел руками Оськин. - Единственно, что я понял, - вокруг нас одни махинаторы были. Наркота, деньги, слив душманам служебной информации.
- Простор для работы особистов. Что ж ты с врагами не боролся?
- Ты с Луны свалился? Знаешь же, как прикрывали этих сволочей.
- Кто?
- Наши, фээсбэшные тузы. И ваши армейские.
- А генерал Проклов?
- Ну да, генерал-герой. Думаю, на первых ролях был. Говорят, деньги вез с собой в Москву, когда его грохнули.
- Из-за бабок?
- Возможно. Думаю, деньги солидные были. Нам бы с тобой на всю жизнь хватило.

Пока все было в точку. Версия Гончаренко подтверждалась.

- Кстати, мы не знаем всего, - добавил Оськин. - Возможно, все эти махинации с наркотиками затевались для обеспечения каких-то спецопераций в обход бюджета. Обычная практика - ЦРУ на семьдесят процентов так финансируется. Еще могла быть замешана большая политика.
- Какая политика? Какие спецоперации, Лех? Это просто большие бабки, за которые люди закладывают душу и честь... Помнишь, когда группа Луценко пропала?
- А, эта сука... По его поводу из Москвы с самыми большими полномочиями приезжал хмырь из центрального аппарата ФСБ. Внезапно тему на ноль свел. Мы все на нервах тогда были. А тут ты еще со своими аналитическими выкладками влез... Повезло тебе, что жив остался.
- А что за хмырь? Толстомордый такой?
- Наоборот. Морда вытянутая. Чистый хорек. Типа шестерки был при большом московском папике. Но шестерка козырная. Во всяком случае, все наши карты он вмиг перебил.
- И что за тайны, связанные с группой Луценко, закапывали?
- Дело темное. Я вообще считаю, что они живы. Просто их перевели в другое качество.
- А их исчезновение - инсценировка?
- Очень может быть... А тебе-то зачем?
- Потому что мне это жизнь сломало.
- Глубоко не лезь. За такие тайны и сегодня можно башку потерять.
- Башку потерять, - хмыкнул подполковник. - Чего же ты рот не зашил и передо мной соловьем

разливаешься?

- Да мне тоже та история все перекожежила. Я же не тряпка половая. Я боевой офицер. Я безопасность государства соблюдал. А эти ее попирали... Да все равно разговоры пустые.

- Ну да... По стопочке?

- По стопочке.

Когда расстались, подполковник Губарев подумал некоторое время.

А, Бог не выдаст, свинья не съест.

Решительно взял телефон. Сбросил сообщение.

Теперь ему есть что сказать Гончаренко...

*

У Зены возвращался интерес к окружающему. Она часами зависала в Сети. Я строго-настрого запретил влезать в форумы и с кем-то контактировать, но она и сама все понимала. У девушки отлично развит инстинкт самосохранения.

- Нашла что интересное? - спросил я.

- Вон, прикинь, что Глоба тряндит про будущее России... Это астролог такой знаменитый. Пишет, что русские освободят территорию и растекутся как евреи по всему миру. Россия бесперспективна, а вот Казахстан, куда он эмигрировал, ждут светлые времена. Что, реально так будет, да?

- Если Глоба написал, значит, точно не будет. Этот клоун пророчил приход в девяносто шестом году к власти Горбачева. В 2005 году - войну США с Ираном. Не сбылось. И сейчас не сбудется.

- Жалко. Лучше бы тут все накрылось.

- Чего так?

- Надоело все! Гады все тут. Все гады.

Я повернул к себе ноутбук. Чего за ерунду она смотрит? Сайт «Неведомые тропы». Так... В конце этого года произойдет взрыв супервулканов, разбросанных по всей Земле, что приведет к новому ледниковому периоду. Человечество погибнет... Новый вирус обнаружен в Африке - человечество погибнет... Снова растет озоновая дыра - человечеству ничего не светит.

Веселые картинки, однако... Апокалиптические темы ныне в ходу. Каждому человеку внушалось - знай, червь, недолго тебе осталось. Не строй планы на будущее. Не думай о высоком. Завтра тебе каюк. Твоей стране тряндец. Твоему государству кирдык. Не сопротивляйся и ползи на кладбище. Или бери от жизни все, как и положено в последние времена.

На информационную войну мобилизованы теперь все. И раскрученный астролог может внести в общество истерики больше, чем толпа публицистов и экономистов.

- Мы еще поживем, Зена, - сказал я, усаживаясь в кресло и прикрывая устало глаза.

Полчаса назад подполковник Губарев назначил встречу. Теперь в голове вертелся один и тот же вопрос: идти или нет?

Интуиция толкала меня на встречу. С другой стороны, это дама капризная и не всегда искренняя.

А, трем смертям не бывать.

Я сбросил Губареву информацию о месте и времени randevу. Он ответил согласием...

Прибыл на место я пораньше, чтобы прикинуть ситуацию. Специально выбрал точку на окраине Москвы. Стройка заброшенная. Столько заходов и подходов, есть возможность для маневра.

Внешность я изменил, обрился наголо, прищипал усы, приобретя сходство с запорожским казаком. Слава те господи, современные технологии грима позволяли многое. Ствол в кармане и полицейское удостоверение – Куратор снабдил нас кипой документов прикрытия на все случаи жизни. Хорошая ксива оказывает на российского человека волшебное действие. Впрочем, как и полицейский значок на американца.

Я присматривал за обстановкой, устроившись около строительного вагончика метрах в трехстах от места встречи. Губарев появился вовремя – минута в минуту. Он шел по разбитому шиной самосвалов, пропыленному асфальту и обмахивался газетой. Жара держалась запредельная. С утра над прокаленной адским пламенем Москвой снова висел дым торфяников, немножко прибитый ночным дождем.

Я подождал еще несколько минут, не заметил никакой подозрительной активности. И направился к подполковнику.

- Местечко не слишком уютное, – сказал Губарев. – Страхуешься?

- Страхуюсь.

- Не доверяешь?

- Доверяю. Иначе не встретился бы.

- Доверяй, но проверяй... Особенно когда находишься в розыске.

- Не слишком приятное ощущение, – кивнул я. – Но мне не впервой... С чем пришли?

- Я тебе обещал помочь.

Он подробно рассказал о встрече с бывшим особистом.

- Что этот наркотрафик прикрывает Москва, мы предполагали, – заметил я. – А вот что за московский фээсбэшник?

- Я его вспомнил. Пару раз видел в штабе. Камуфляж фирменный, такие обычно заезжие чекисты носили. Майорские погоны.

- Внешность можете описать?

- У него особая примета была – седая полоса на черных как смоль волосах.

Я вытащил ксерокопию рисунка с изображением координатора, которого видел в кафе и на которого ссылалась Зена:

- Похож?

- Вроде да. Кто рисовал?

- Я. По случаю... Плохо. Получается, мы работаем против системы. И мы должны сломать гадов. Иначе Глоба прав, стране конец.

- Кто?

- Да астролог один объявил нам приговор и заранее похоронил русский народ. Только не будет этого.

- Капитан, я с тобой, - решительно произнес подполковник.

- Вы уверены, что хотите лезть в это? Драка будет свирепая.

- Я буду драться за своих детей. Я знаю, что за твари нам противостоят. Они уничтожат все. Они не умеют строить. Им нужен бардак, чтобы торговать наркотиками, оружием и строить виллы на Лазурном Берегу.

- Чем помочь готовы?

- Капитан, ты меня знаешь. Я хороший аналитик. Могу стрелять, десантироваться, захватывать жилые помещения. Могу выбивать зубы.

- Думаю, найдется для вас работа... Много работы.

*

Куратор хоронился на резервной квартире в невзрачной панельной пятиэтажке рядом с метро «ВДНХ». И принимал попытки восстановить управление своим подразделением. Сейчас у него в наличии было несколько оперативников, которым он вовремя дал приказ уйти на дно по плану «Омут» - все, что осталось от сектора «В», не считая моей группы «Перевертыши».

Почву у него из-под ног выбили. События пошли вразнос. И шансы выкарабкаться и победить с каждым днем таяли.

За Куратором не первый раз шла охота. Он знал, что такое быть дичью. Девяносто пятый год, поисковая группа ФСБ напоролась на Кавказе на засаду. Отбившись и оставив троих бойцов, пришлось уходить от банды через горы. Там было не лучше. Но там была определенность. А здесь одни вопросы. Реальность размыта, как в мутном бутылочном стекле, контуры искажены, не за что уцепиться.

В таком разобранном состоянии я и застал его. Глаза красные - он всю ночь колдовал на компьютере с базами данных. Интересно, что искал?

- Ну что, террорист, - пристально посмотрел он на меня. - С вестями или...

- Кое-что начинает проясняться.

Я рассказал о разговоре с Губаревым. Узнав о встрече, Куратор покрыл меня такими

затейливыми матюгами, что я аж заслушался. Наконец он перекипел и куда более мирно спросил:

- Ты продолжаешь настаивать, что твоему подполковнику можно доверять?
- Кто ему мешал сегодня сдать меня?
- Присматриваешь его себе в группу?
- Скоро каждый штык будет на счету. Он выразил согласие на сотрудничество. Время поджидает. Теперь ни проверок, ни обкаток - сразу в бой.
- Ладно. Ближе к делу. Получается, «лис» наш коллега.
- Да. Функционер «Альянса действия» - бывший сотрудник ФСБ, решавший вопросы в зоне двести пятой базы. И обеспечивавший отход группы Лешего.
- Почему бывший?.. Может, действующий... Я кое-что предпринял, чтобы найти, кто из ФСБ проводил спецоперации в зоне обслуживания двести пятой военной базы. И наткнулся на жесточайший барьер секретности... И вот еще.

Куратор поведал, что по экстренному каналу связи, которым пользуются руководители «НК», на него вышел руководитель сектора «А» полковник Гаврилов. И объявил:

- Саша, у нас в службе пробой. На высоком уровне.
- Да что ты?! - делано удивился Куратор. - С чего такие выводы? Меня всего-то угрохать собирались.
- Крот в службе, Саша. Представляешь, что это... Нужно срочно встретиться.
- Уже бегу.
- Я не предатель... Пока мы вместе что-то можем изменить. Дальше поздно будет.
- Почему я должен тебе верить?
- Потому что больше некому... Я тоже рискую. И почти подобрался к ним, Саша. Да, черт возьми!..
- Рассмотрим ваше обращение. - Куратор дал отбой.

И теперь шеф спрашивал меня: что делать с Гавриловым?

- Западня. Сто пудов, - сказал я, не раздумывая. - Я против встречи.
- А если он дело говорит?
- Значит, мы перестраховались.

Это было утром. Вечером Куратор вызвал меня по грифу «блиц». Это значило, что я должен у него появиться незамедлительно.

Через час я был на квартире. Куратор бросил передо мной на журнальный столик папку:

- Вот он. Полковник Суворин.
- Лис? – спросил я, глядя на фотографию из личного дела, в форме.
- Он самый. Служба контрразведки. Отдел по Британии. Но его там никто никогда не видел.
- Где его искать? Место жительства, прописка?
- Бесплезно. Семья вывезена за рубеж. Любовниц нет. Он готовился к смуте.
- Послужной список есть?
- Длинный, героический, тоже закрытый. И знаешь, он работал с полковником Гавриловым.
- Я же говорил – ловушка! – Мое сердце ухнуло. – Получается, мы вычислили крота.
- Получается.
- И что дальше? Как будем по нему работать?
- Будем.
- Предлагаю согласиться на встречу с ним. Послужите наживкой. Зато мы возьмем его. Он придет не один, но мы справимся, Александр Аверьянович.
- Не время еще, Сережа. Нужно подтвердить информацию. И получить санкцию. Это не пешку с доски смахнуть. Это руководитель сектора «А».
- Чья санкция? Вы же прервали все контакты с Конторой.
- Ты далеко не все знаешь... Откладываем.
- Надолго?
- Не от меня зависит...
- Понял... И еще – есть у меня задумка. Прошу санкции.

Я выдал ему мой план. Выслушав очень внимательно, Куратор осведомился:

- Здоров ли ты, сынок?
- Пока размягчением коры и древесины головного мозга не страдаю.
- Ты что предлагаешь?
- Зато будет результат.
- А если не будет?
- Тогда вы меня не найдете. Нечего будет хоронить.

Куратор задумался. Произнес угрюмо:

- Сумасшедшим везде у нас дорога.

- Дуракам везде у нас почет.

- Вот именно... Действуй.

*

Прибор стоил бешеных денег. В массивную золотую брошку были встроены микрофон и видеокамера. Я повесил это техническое чудо Зене на грудь. Не выдержал и провел пальцами по девичьей коже. Зена порывисто вздохнула. Я поцеловал ее в губы и произнес:

- Ну, дорогая, с Богом.

Она вышла из машины за круглым зданием метро «Алексеевская». Преодолев площадь перед метро, нырнула в переход. На той стороне длинный дом с магазином «Детский мир» и кафе «Шоколадница», где запланирована встреча.

Я приземлился на другой стороне проспекта Мира, выбрал столик в кафе «Япощка». Зену отсюда не рассмотреть, в окно видны только толпы прохожих, стада машин, несущихся по многорядному шоссе, и троллейбусная остановка.

Я вставил в уши наушники, воткнул провод в гнездо айпада, на который будет сбрасываться картинка и звук.

Сделав заказ – зеленый чай и экзотические вареники с шоколадом, я положил айпад перед собой. Вышел на сайт коммерческой информации. И начал усиленно делать вид, что работаю. Такие, как я, с айпадами и ноутами, деловые, оккупировали половину столиков. Посетители вели какие-то коммерческие переговоры, слышались обрывки фраз – какие бумаги подготовить, где что купить и за сколько продать, как оформить договор. Тараканья суета большого делового города.

Я лениво прислушивался к шуму в наушниках. Слышимость отличная. Вот Зена заказывает «Мохито». С негодованием отвергает попытку официанта накормить ее пирожными:

- Хочешь, чтобы я коровой стала?! Мохито. И все!

Капали секунды, отливаясь в минуты. И постепенно время вышло. Клиент на встречу не торопился.

Вот досада! Что-то не срослось. Я неправильно рассчитал? Все может быть. Хотя не мог противник проигнорировать представившуюся возможность.

Пятнадцать минут прошло после назначенного времени. Зена начала нервничать. Забарабанила наманикюренными ногтями по столу. А вот это зря. Никогда нельзя демонстрировать свои нервы.

Скрипнул стул. Зена привстала, но села обратно. Что ты дергаешься, голубушка? Жди.

Зена на нервной почве заказала мороженое, забыв о фигуре. Я включил видеокамеру, и на айпаде появилось изображение. Видно, как девушка терзает шарик мороженого.

- Привет, – слышался голос.

Вот и он. Да, парень – смерть женщинам. Метр девяносто, широкие плечи, открытое русское лицо. Красавчик. Обычно террористы – это закомплексованные прыщавые дегенераты, или

угрюмые маньяки, или откровенно криминальные типы. А этот паренек будто сошел с рекламного плаката дезодоранта «Нивея».

Глуцкер Григорий – кличку Политик ему дали за словесное недержание. Умеет влиять на людей. В базах данных числится экстремистом, специализирующимся на разжигании розни, а не на силовых действиях.

Он чмокнул Зену в щеку. Судя по ее томному вздоху, она растаяла от прикосновения. И гневная тирада по поводу козлов, у которых нет часов, застряла в ее горле.

- Не представляешь, как я рад тебя видеть, душа моя.
- Что тебе мешало? – голос Зены дрогнул. Видимо, когда-то ее нешуточно штормило от этого человека.
- Ты сама знаешь. Мы не принадлежим себе.
- Лучшая отговорка для самца, который решил дать деру.
- Ты о чем? Для нас главное – это борьба. Мы для нее родились. Для нее живем. – В его голосе звучали нотки искренности. Интересно, он настоящий шизофреник или артист-пропагандист?
- И из-за нее сдохнем, – с чувством произнесла Зена.
- Ты сердишься?
- Сержусь? Я в шоке! Меня чуть не убили!
- Объясни, что произошло.
- В том драном ресторане, «Зенит», кажется. Помнишь, стреляли. Я была там.
- Да ты чего, – цокнул языком Политик, но получилось неискренне – явно он уже знает расклад.
- Нашу ячейку уничтожили. Остались только я и Чак.
- Чак? Тот самый?..
- Тот.
- Как ты спелась с этим героем-единоличником?
- Спелась. Я со всеми могу спеться. – Зена сексуально изогнулась.
- Все-таки не думаю, что такой человек клюнул на твои, несомненно, выдающиеся прелести.
- Афон с ним сговорился.
- Кто?
- Наш лидер. Афон.
- Чак... Так это его морду по телевизору показывают?

- Значит, ты все-таки в курсе?
- Вся Россия в курсе.
- А чего тогда незнайку строишь, дурак!
- Успокойся, душа моя.
- Неустановленный террорист и есть Чак. А я – неустановленная террористка.
- Отлично... Что от меня надо?
- Ты же в деле, Политик. Я знаю. За нами охотятся фашисты. У нас нет ни с кем связи. Нам нужна помощь.
- Трудности твои мне понятны. Но я ничего не решаю.
- А я и не прошу тебя решать. Шепни только, кому надо, что у соратников беда. Я не хочу гнить в тюрьме. Я не хочу быть продырявлена пулями гестаповцев. Я хочу жить!
- Как же я тебя понимаю, – снисходительно произнес плейбой, красуясь собой. Позер, как все сексуальные куклы.
- Я на тебя рассчитываю. Гриша, вытащи меня, – Зена всхлипнула. – Я на все готова.
- Что смогу, то смогу... Давай свой телефон.
- Я тебе сама позвоню. Завтра в четыре часа.

Политик выпил кофе, заел пирожным. И испарился, предоставив даме честь оплачивать счета.

Зена заказала еще коктейль. Неторопливо разделалась с ним. Потом вышла из кафе. Занырнула в шмоточный бутик рядом с «Шоколадницей».

Я выключил видеокамеру, оставив только звук. Зена потрепалась с продавщицей по поводу выбранного купальника, но, так и не купив его, ушла. Тот же расклад повторился в обувном магазине. Спустилась в метро. Контакт прерывался и снова возникал.

Через полчаса зазвонил телефон.

- Нет за ней «хвоста», – сообщил Шатун.

*

Банда из нескольких сот хорошо экипированных воинов джихада ночью пересекла границу в Панкисском ущелье. Боевикам удалось перебить или заблокировать пограничников. Пока федералы подтягивали силы к зоне прорыва, бандиты захватили село Шубамахи, где их ждали местные пособники.

Над селом взвилось зеленое знамя ислама. И было объявлено создание республики последователей истиной веры в изложении Аль Ваххаба.

В мятежный анклав стали подтягиваться боевики с окрестностей – они спускались с гор, приезжали на машинах, обвешанные оружием. Из схронов извлекались автоматы, цинки с

патронами. Отцы семейств уходили на войну, чтобы дать бой неверным...

Жители Шубамахи несколько лет строили фортификационные укрепления, превратив село в настоящую крепость. Власти не сошлись в этот ваххабитский заповедник. Территория давно вышла из-под контроля, и теперь исламисты решили закрепить юридически свою независимость.

Стягивающиеся федеральные войска напоролись на укрепленный район и засады на дороге. Два танка и три БТРа были потеряны еще до того, как военные вышли на расстояние визуальной видимости мятежного села. Потом «Стингер» разнес вертолет «Ми-8», круживший вокруг села.

Оцепив село, федералы попытались убедить зеленоповязочников сдаться на милость российских властей, обещали прощение или на крайний случай беспрепятственный проход в Грузию. Тут в тыл войскам ударили подтянувшиеся с окрестностей бандиты. Из села заработали противолавинные орудия. В ответ по селу был нанесен бомбо-штурмовой удар.

Синхронно бандиты активизировались по всему Северному Кавказу. В Татарстане был организован митинг экстремисткой мусульманской организации, кончившийся столкновениями с полицией и массовыми поджогами автотранспорта.

Почин был поддержан - машины стали жечь по всей стране. Такое впечатление, что долгие годы крепло подполье ненавистников личного автотранспорта.

В Москве и Санкт-Петербурге снова начались стихийные митинги... Одни выражали поддержку угнетаемым народам Кавказа и требовали их немедленного освобождения из-под имперской пяты, а также либерализации, демократизации, независимости, свободы слова и действий, в общем - полной анархии и вхождения в мировое сообщество. Другие призывали бомбить Кавказ, лучше атомными бомбами, с последующим отделением и геноцидом. В Питере состоялось кровавое побоище между толпами воинствующих антиподов, с иллюминацией из взрывов тротильных шашек. Результат - пятеро погибших.

Прошла еще серия терактов. По традиции террористы грохнули очередного полицейского генерала, несколько федеральных чиновников и уронили самолет «Як-40» с двадцатью пятью пассажирами на борту. Ответственность за все злодеяния взял на себя «Альянс действия».

Оппозиционные партии требовали внеочередных выборов президента и Госдумы. Союз левых сил намекнул, что в случае выхода антигосударственных сил из конституционного поля оставляет за собой право действовать, защищая Родину, любыми средствами.

Тут СМИ и вбросили информацию, что лидер уничтоженной террорячейки Афон входил в боевые дружины Союза левых сил. Тему стали резко раскручивать. Лидеры СЛС только успевали оправдываться.

В Твери взяли группу подрывников. Лидер признался, что имеет отношение к «Альянсу», его группа подорвала машину вице-губернатора. И он жалеет только о том, что представитель этой опостылевшей власти остался жив.

Этого классического идиота-фанатика не переставали крутить по телевизору. Выкатив безумные глаза, он вещал:

- Нас сегодня тысячи. Будут миллионы... У вашего мира нет будущего. Будущее за нами.

При виде ТАКОГО будущего обывателя охватывал панический ужас.

Авторитетные либералы нескольких эпох, от трухлявых героев-шестидесятников до чиновников, выкинутых из правительства за коррупцию и попрание национальных интересов, объявили о нелегитимности власти, а также о праве и обязанности каждого честного человека бороться с прогнившим режимом.

На одном из митингов было принято обращение к мировому сообществу о наведении порядка в России.

Мировое сообщество откликнулось. Лига арабских государств потребовала незамедлительного прекращения избыточного применения силы на Северном Кавказе и признания суверенитета новой исламской республики. Польша объявила на заседании ООН о назревшей необходимости рассмотрения внутренней ситуации в России, где на протяжении последних лет сложилась катастрофическая ситуация с правами человека, создан тоталитарный режим, занимающийся геноцидом малых народов, попирающий права национальных, социальных и сексуальных меньшинств. Возникает вопрос о правомерности пребывания такой страны в ООН, тем более в качестве члена Совета Безопасности с правом вето.

Гвалт за бугром стоял до небес: «Даешь смену режима в России. Смену курса. Возвращение прав человека и демократии животворящей!» Заговорили о санкциях против Российской Федерации. Самое интересное, к этому беснованию стали с энтузиазмом присоединяться многие страны Евросоюза.

Позиция европейских государств удивляла. Синоптики пророчили после аномально жаркого лета аномально холодную зиму. Без российского газа обвиняющие Россию страны обростут льдом, им станет не до демократии и прав сексуальных меньшинств.

Что все это значит?

А значит это одно – наши зарубежные партнеры уверены, что по ценам на газ придется договариваться с другой страной. И цены будут мизерные.

Черт, все идет к развалу, оккупации или к диктатуре. Процесс запущен, задействованы все механизмы влияния. В современных условиях при уничтожении подготовленной на заклятие страны тяжелой дипломатической артиллерии подтягивают, как правило, на последнем этапе. Перед военной операцией.

За окном сгустились сумерки. Я обшаривал интернет-ресурсы, пытаюсь из обрывочных данных и высказываний составить картину действительности и прогнозы. За последние годы, рассекая Сеть, как акула океанские бездны, я научился ощущать пульс бытия, понимать, как развивается политическая и социальная ситуация. Есть некоторые маркеры, нащупывая которые можно осознать истинное положение вещей. И сейчас за информационными сообщениями и экспертными оценками приглушенным рокотом, как при начинающемся землетрясении, звучало – ТРЕВОГА!

Я отодвинул от себя ноутбук. Поглядел на раскинувшуюся на диване Зену. Спит, как сурок. А я на взводе. У меня внутри отдаются шаги Командора, который идет по нашу душу.

Сколько осталось жить стране? Неделя? Месяц? Полгода? Нет, полгода много. Максимум – три месяца.

Игра входит в последнюю стадию. Самое интересное, сейчас ее еще можно сломать точечными

ударами. Если повезет.

В целом я понял схему. Остается найти уязвимую точку противника. И ударить.

Мне должно повезти. Если везение приплюсовать к моим расчетам.

Я молился Богу. Он должен быть на нашей стороне. Не может он уничтожать нас вот так бесславно.

Настает главный день моей жизни. Любой человек рождается для какого-то предназначения. Завтра я или исполню его. Или меня не будет.

Дай мне, Боже, чуть-чуть удачи. И я сверну эту гору.

Или хотя бы дай мне погибнуть с честью, до конца выполнив свой долг. Потому что солдат, потерявший свою страну, не имеет права на жизнь.

*

Наручники нацепили жестко – руки затекли. Я пытался качать права, чтобы ослабили браслеты. Получил лаконичный ответ:

- Потерпишь, скотина.

Кто из нас скотина – вопрос спорный. Но мое положение не располагало к дискуссиям. Я находился в их полной власти.

Я должен им льстить, чтобы мордатый гоблин с изломанным носом, время от времени с ухмылкой целящийся мне в лоб из пистолета, не вздумал нажать на спусковой крючок. Ему наверняка это ничего не стоит. Убьет и завтра забудет...

За неимением лучших занятий я присматривался к моим конвоирам. Лица не особо интеллигентные, но и не криминальные, без признаков вырожденчества. Обычные русские морды... Только измененные. По ним прошелся скальпель пластического хирурга.

В моем сознании как на проекторе щелкали фотографии с личных дел. Вот этот похож на капитана Ружина. А этот – чем не старшина Коломийцев?

Ну что ж, я удостоился большой чести. Передо мной группа, которая является ядром террористической организации «Альянс действия». Это не разменный материал. Это элита!

Значит, меня воспринимают всерьез. А почему? Стали бы их подвязывать на поимку какого-то Чака? Грохнули бы втихаря – и все.

Отсюда вывод – они знают, кто я такой.

- Хорошо ты в ресторане пострелял, – произнес мордатый.

- Ложное обвинение, – закинул я удочку. – Я ни при чем, мужики. Не помню, когда и был в ресторане.

- Ты что думаешь, мы полиция? – пригнулся ко мне мордатый и улыбнулся, обнажив ровные металлокерамические зубы.

- ФСБ?

- Ты оптимист. Мы хуже. Гораздо хуже.

- ЦРУ, что ли? - хмыкнул я.

Мордатый не сильно, больше для порядка, ударил меня рукояткой пистолета по шее и упер в грудь ствол.

- Сильно любопытный попался. Заглохни, покойничек.

Я пожал плечами, соглашаясь. Я со всем согласный. Потому что хочу жить.

Микроавтобус «Мерседес Спринтер» был наглухо закрытый, от водителя отделяла непроницаемая перегородка. Куда меня везли - неизвестно.

Как я сюда попал? Очень просто. Зена названивала Политику на протяжении трех дней. И слышала заговорщическое - вопрос рассматривается. На четвертый день он объявил, что будет оказана помощь. Для этого нам надлежит прибыть в условленное место.

- Я поеду, - сказал я. - Один.

- Он говорил о двоих, - возмутилась Зена. - Ты... Ты хочешь кинуть меня? Мол, выплывай, девочка, сама.

- Я хочу, чтобы ты осталась жива... Вот тебе деньги. Я уйду. Ты отчаливаешь отсюда. Снимаешь новую квартиру и рвешь все контакты. На связь выйдем, как договаривались, через неделю. Поняла?

- Поняла!..

Место встречи назначили у памятника Гоголя на Никитском бульваре. В тринадцать тридцать я был там.

Порядок встречи донес до нас в телефонном разговоре Политик - все по-взрослому, с паролем. Теперь я прогуливался с газетой «Тайны НЛО», по которой меня должны были опознать.

Невысокого невзрачного пузана лет тридцати на вид, с водянистыми глазами и жиденькой шевелюрой, я выцепил из толпы по журналу «Огонек» под мышкой.

- Вы не подскажите, как пройти до местной префектуры? - спросил я.

Его отзыв:

- Это вам три остановки на автобусе. Но они ходят редко.

Бесплатный цирк закончен. Считается, мы идентифицировали друг друга. И остались довольны результатом.

- Ну, здравствуйте, - он протянул мне руку.

- И вам не хворать.

Рукопожатие у пузана крепкое - и не скажешь по виду.

- Пройдемся, - предложил он. - Я в курсе ваших проблем. Думаю, мы сможем их решить.

Прошли мы вдоль улицы метров сто, не больше.

- Вы ушли из ресторана «Зенит» после акции. Как это вам удалось? - спросил пузан.

- Врожденное чутье на опасность.

Еще через десять метров меня взяли.

С визгом колодок тормознул микроавтобус «Мерседес». Оттуда на ходу выскакивали гоблины. Я хотел дернуться. Но пузатый ткнул мне в бок стволом:

- Спокойно, Чак. Если жить хочешь... А ты говорил - чутье.

Жесткие руки гоблинов кинули меня в кузов. Быстро и умело обыскали, изъяв из карманов все. Разобрали мобильный телефон, отделив аккумулятор. Сняли часы, осмотрели и бросили в специальный металлический контейнер. Даже расческу забрали. И вот теперь в этой недоброй компании меня везут неизвестно куда.

Закончив глумиться надо мной, гоблины замолчали. Не балагурили, не подкалывали друг друга, как принято у спецназеров после удачного мероприятия. Что-то механическое было в них.

Снаружи послышался шум, невнятные голоса. Машина подскочила пару раз, с металлическим лязгом заехав на возвышение. И остановилась. Двигатель заглох. Дверь открылась.

«Мерседес» стоял в просторном гараже, освещенном слабыми лампами. Здесь еще был старый зеленый «БМВ» и серый, как подвальная мышь, «Форд».

- Пошел. - Мордатый пнул меня по голени.

Я с неохотой вылез наружу. Ударом каменного кулака в спину мне придали необходимое ускорение.

Калечить меня не хотели. Но издевались с огоньком. Я ловил на себе ненавидящие взгляды. Интересно, у них против меня что-то личное?

Меня провели через гараж. За замаскированной под полки дверью оказался коридорчик, в конце которого находилась ржавая дверь.

За ней просторная комната - типичный закуток для допросов с пристрастием. В центре массивное металлическое кресло, оборудованное захватами, зажимами для рук и головы. В пол вделана скоба с цепью и кандалами. Больше мебели нет. Плафон с лампой дневного света светит безжизненно. Грубые, неотштукатуренные стены, бетонный пол - с них легко смывать кровь. Прямо из стены торчит кран, из него по капле падает вода, под ним - прикрытая сеткой воронка водостока.

Меня кинули в кресло, на ногах закрепили кандалы, руки приковали к поручням, голову сдавили кожаным обручем.

Я чувствовал себя безумно одиноким. Знал, что впереди могут ждать нечеловеческая боль и мучительная смерть. Мне было страшно, казалось, что у меня где-то в солнечном сплетении появилась черная дыра, в которую проваливаются все надежды, которая образует вокруг себя

смертельную пустоту. Но надо держаться.

Мордатый, закончив пристегивать меня, с удовлетворением выдал:

- Ну что, скотина, думал, с рук тебе все сойдет?.. И знай, я убью тебя с удовольствием.

- Я это уже понял.

Он двинул мне кулаком под дых. Я напряг мышцы. И выпустил воздух, скорчившись от боли. Кулак мордатого не пробил мой пресс, иначе не продышался бы я долго.

Прикрыв глаза, попытался расслабиться. Пыточное кресло не способствовало релаксации. Но мне надо прогнать прочь посторонние мысли, ненужные эмоции. Прочь страх! Прочь панику!

Жутко мешает капающая на пол вода. Капли стучат ритмично, раз в секунду, как метроном. Первая, вторая, третья... Почему не закрутили этот чертов кран? Или это средство держать меня в напряжении?

Стены стискивали, они дышали отчаянием, страхом.

Надо абстрагироваться от гнетущей окружающей обстановки. В интерьерах хозяева помещения толк знали. Такие казематы включают память прошлых жизней - о пытках, дыбах, обуглившемся мясе на переломанных костях. Обо всем том, о чем современный человек имеет лишь отдаленное представление.

Прочь такие мысли! Ты и так уже зажился на этом свете, капитан. Ты должен был лечь в той засаде в каменистых горах. Или еще раньше, в чеченской станице.

Расслабься! Смыть потоком струящегося сверху золотого света всю пустоту и ужас!

Все еще не кончено... Ничего еще не кончено... Все только начинается...

Все эти терзания продолжались где-то полчаса. За это время мне удалось вновь обрести твердость духа.

И вот дверь распахнулась.

На пороге возникла невысокая плотно сколоченная фигура. Мне сразу бросилась в глаза характерная лисья морда.

Человек встал напротив меня, оглядел с ног до головы с изрядной долей любопытства, как криптозоологи разглядывают неизвестную науке зверушку:

- Ну, здравствуйте, капитан Гончаренко...

*

Помню старую карикатуру. Добрались до Луны космонавты, все изнуренные космической гонкой, вложившие все душевные силы в этот бросок. Сидят на краю неприметного кратера и уныло беседуют:

- Ну, вот мы здесь. Ну и что?

Вот передо мной Лис, о встрече с которым я грезил. Ну и что? Ноль эмоций, только

опустошение. Да и мое жалкое положение пленного не располагало к оптимизму.

На потолке зажегся еще один плафон. Стало посветлее. Теперь я мог лучше рассмотреть моего врага.

Полковник Владимир Суворин, ведущий оперативный сотрудник английского отдела Службы контрразведки ФСБ России. Он пас меня в кафешке. Он являлся координатором «Альянса действия». Он встречался с Афоном. Он один из центровых, кто разжигает террористическую активность в стране.

- Никак не мог понять, вы ли это, Сергей Васильевич, – произнес он доброжелательным тоном, будто встретил старого знакомого. – Над вами хорошо поработали пластические хирурги.

- Я имел честь встречаться с вами ранее?

- Видел я вас. На территории двести пятой военной базы.

- Служили?

- Нет. Решал проблемы. В том числе те, которые вы создавали своей бестолковой активностью.

- Решали? Вплоть до зачистки моей группы?

- Не я принимал решение. Я предлагал договориться с вами. Но мне сказали, что это бесполезно. Вы упрямы. Кстати, вы знаете систему подбора агентуры в «НК»?

Я состроил непонимающую мину.

- Да бросьте. В вашем положении можно говорить откровенно... Состав групп контртеррора известен только руководителям секторов. Самая эффективная группа была у руководителя сектора «В» полковника Ломакина, он же Куратор. Я знал, что он привлек к работе кого-то из бывших спецназовцев. И у меня уже давно мелькала мысль, что вас. В безрассудности и наглости проведенных акций виделся ваш почерк.

- Мастерство не пропьешь.

- А когда к жалкому идиоту Афону прибился некий Чак, я решил присмотреться к этому персонажу. Понаблюдав за вами со стороны. И не узнал.

- Пластический хирург отработал на все деньги.

- Снова вспомнил я про вас, когда Ломакин полез шерстить списки пропавших без вести спецназовцев. Я чувствовал – кто-то ему это насоветовал из спецназовской братии. Тогда и вспомнил нового авторитетного боевика в ячейке Афона. Дал ваши фотографии – старого и нового, экспертам по идентификации внешности. Они дали с восьмидесятипроцентной вероятностью, что это капитан ГРУ Гончаренко, находящийся в розыске за дезертирство... Скажите, зачем вы согласились на эту грязную работу?

- Куратор припер меня к стене и предложил сотрудничество. Не было другого выхода. Я согласился. И втянулся постепенно.

- Ваша деятельная натура нашла занятие по душе.

- Я чистильщик. Вычищаю всякую грязь.

- Мы чем-то схожи. Я тоже вычищаю грязь.
- Тогда почему мы воюем?
- Так сложилось. Вы просто не на той стороне. На вашей стороне голодно. Беспросветно. И нет будущего.
- В такие дебри я не лез.
- Зря. А я лез. Поэтому верьте мне на слово.
- Да я готов поверить во что угодно. Только смысл в этой самой вере теперь, в моем положении?
- Смысл? - удивился Лис. - Выжить.
- Предлагаете заняться самым выгодным в современном мире бизнесом - предательством?
- Предлагаю выбрать правильную сторону.
- Скажите, зачем вы все это делаете?
- Спасаем страну. Вы не согласны, что кризис в России системный?
- Ну и что? Вы-то рушите все в хлам. Вы уничтожаете основы государства.
- Созиданию предшествует разрушение. У нас есть план - продуманный и обреченный на победу.
- Интересно послушать.
- Пока это не для ваших ушей.
- Опять верить на слово?
- Придется... Несколько лет подготовки. Огромные затраты. Теперь все приближается к финишу. И нельзя оставлять за спиной непогашенные угрозы. Сейчас меня волнует Ломакин. Он ушел, не попрощавшись. Он нам нужен.
- Наконец перешли к делу. И зачем мне было втирать про будущее земного шара? Я все уже понял и просчитал. Мы же взрослые люди. Будем торговаться.

Суворин усмехнулся и кивнул:

- Давайте попробуем.
- Хочу многое. Первое - жизнь.
- Это немало. Но приемлемо.
- Деньги с вас требовать бесполезно. Поэтому одно условие - я возвращаюсь в игру. Уже с вашей стороны.
- Мило.

- Я профессионал. Вы наглядно доказали, что сила на вашей стороне. Я же не дурак. Работая с Куратором, меня все время тревожила ноющая, как изъеденный кариесом зуб, мысль, что я защищаю уходящую натуру.

- Ломакин - динозавр. Время его истекло. Против потока истории никому не удавалось выплыть.

- Точно... Я хочу хоть какой-то легализации. Пусть в будущем. Но я буду не беглый террорист.

- В сотрудники метишь? - с пониманием спросил Суворин, переходя на «ты».

- Кадровики не пропустят?

- Не сразу. Но это возможно.

- Зену тоже оставите жить.

- Пускай живет. Хотя она и так никому не нужна была.

- Гарантии, что вы не расхлопаете меня, когда я выдам Куратора.

- Придется поверить на слово. Но, капитан, - произнес доверительно Суворин. - Ты нам живой нужнее.

Как я ни прикидывал - в моем положении речи ни о какой страховке идти не может. Поэтому я кивнул:

- Годится.

- Где он? - спросил Лис на миг дрогнувшим голосом.

- Откуда я знаю.

- Я не понял...

- Он назначает встречу - мы встречаемся.

- По какому каналу?

- Все приличные люди общаются через Интернет.

- Сегодняшняя встреча с моим человеком прошла с его санкции?

- Да. Мы рассчитывали, что встреча пристрелочная. Никто не ждал от нее результатов. И ловушки тоже. По итогам доклад по тому же каналу.

- Сбрасывай информацию о встрече.

- Что, простите?

- Сообщение сбрасывай, - велел Суворин. - Мол, все прошло нормально. Контакт с объектом установлен. И назначай встречу на завтра. Сообщи, что есть возможность выйти на контакт с руководством «Альянса». И этот вопрос нужно обсудить.

- Что вы намерены делать с Куратором?

- Жалко тебе его? Не жалей. Он бы тебя не пожалел. Эти люди никогда никого не жалели. У них другая система ценностей.

- Хорошо. Давайте текст. И мой смартфон. Я сброшу сообщение.

Суворин вызвал мордатого гоблина, который так невзлюбил меня, дал ему указания. Через пять минут тот притащил мой смартфон.

Мне развязали руки и положили смартфон передо мной. Я вытащил программу шифровки, набрал код. Ввел текст и потянулся к кнопке отсылки сообщения.

- Не отсылать! - резко сказал Суворин. - Тут заглушки работают. Я отошлю.

- Бойтесь пеленга?

- Береженого Бог бережет.

- Тоже верно. Развязали бы меня. Перед завтрашней встречей я должен нормально выглядеть.

- Марафет наведем. Жди.

Субботин ушел.

Я откинулся в кресле и снова попытался расслабиться. Что мне еще делать? Оставалось только ждать.

Через два часа дверь открылась.

- Кандалы снимите, - устало произнес я. - Все затекло.

*

Полковник Суворин сел в «БМВ» в подземном гараже. Настроение у него было отличное. Не каждый день удается взять матерого агента противника, да еще перетянуть на свою сторону.

Да, удачно все получилось. Правда, думал, парень будет покрепче. Командир ГСН с позывным Земляк еще в Азии славился упрямством и с завидным упорством создавал проблемы окружающим.

Что дальше с ним делать? Руководство склонно перетянуть его на свою сторону. Суворин полагает, что лучше от него избавиться. Он источник проблем.

Ворота гаража поползли в сторону с металлическим ржавым скрежетом, и Суворин выжал газ.

Поплутав по извилистым дорожкам, преодолев коттеджный поселок, машина выехала на Горьковское шоссе.

Черт, уже пробки. К Москве дороги запружены. Гарь, жара, толпы народу.

«Ненавижу этот город. Он стал огромной язвой на теле Земли. Ничего, все вскоре будет в наших руках», - подумал Суворин.

Объект остался на базе под охраной пятерых опытных бойцов, прикованный, в кандалах. Какой бы шустрый он ни был, но до фокусника Гудини, проходившего сквозь стены, ему далеко. Не

вырвется.

Дел по горло. Операция движется к завершению. Все идет по графику. Следующая неделя – большой взрыв. А дальше...

А дальше долгожданное будущее и власть. Не такая гнилая – со званиями, должностями, возможностью решать вопросы и грести за это деньги, как у современных чиновников. А власть настоящая, над жизнью и смертью. Он станет незаменимой шестеренкой реального механизма подавления.

Насвистывая, Суворин въехал в Москву. Постоял с полчаса в пробках. Потом надал газу.

И обнаружил за собой «хвост» – черный «ВАЗ-2109» уже давно следовал за ним.

- Что за черт! – прошептал он.

Сделал несколько кульбитов, перестраиваясь из ряда в ряд, свернул на одну улицу, потом на другую. Черная «девятка» ушла в сторону. Но появился синий «Форд». «Хвост»?

Сбросив скорость, Суворин вытащил мобилу. Нажал кнопку связи с базой.

- Голем, ответь!

Нет ответа.

Что творится? Похоже, что-то пошло не так.

Суворин вдавил панельку рядом с сиденьем, открывая тайник. Вытащил оттуда сложенный пистолет-пулемет «ПП-90», похожий на пенал, отработанным движением привел его в боевую готовность. И вдавил газ.

Машина прыгнула вперед.

Синий «Форд» отстал. И исчез из поля зрения.

Суворин облегченно перевел дыхание. Может, все-таки почудилось? Расшалились нервы перед финишем?

Оглядевшись, понял, что отклонился от курса и теперь нужно выбираться к Мичуринскому проспекту. Мелькали похожие один на другой многоэтажные дома, корпуса супермаркетов, рекламные щиты. Кажется, свернул не туда. Черта тут разберешься.

Суворин включил навигатор, задал цель. И женский голос томно произнес – «через триста метров поверните направо».

На перекрестке он включил сигнал поворота и повернул руль.

Мощный удар сбоку развернул «БМВ» – массивный вишневый джип протаранил его своим бампером.

«БМВ» пролетел вперед, ударился в неторопливо едущий по своим делам грузовик. Легковую машину еще сильнее развернуло, она ткнулась в столб и заглохла.

- Сука! – прохрипел Суворин.

Он не только остался жив, но и умудрился остаться практически целым. Ударил по заклинившей двери – не вышло. Схватил автомат. Перекатился на соседнее сиденье и надавил на дверцу. Она открылась.

Вывалившись из салона, Суворин присел на колено и послал длинную очередь в сторону двоих, которые ринулись к нему со стороны вишневого джипа.

Он еще не очухался после удара и ствол задрал слишком высоко – загремели разбиваемые стекла на втором этаже офисного здания.

Больше ничего сделать не успел. Почувствовал толчок в плечо, безболезненный, но вслед за ним телом овладела слабость. Словил пулю! Стал заваливаться на асфальт. От удара ноги «ПП-90» отлетел в сторону.

Суворину врезали чем-то по хребту. Завели руки за спину. Щелкнули наручники.

Полковник взвыл во весь голос – не от боли, а от бессилия. Вот и все. Конец. Мир взорвался. Разрушился. В новый мир ему места нет!

- Хрен вам, суки, – прохрипел он.

Боец, заломивший его, почуяв неладное, врезал с размаху ему по затылку. Но опоздал лишь на секунду.

Полковник успел впиться зубами в воротник рубашки. И расслабился, ощущая, как по его жилам потекла смерть.

Старый фокус агентов – ампула с ядом, вшитая в одежду на случай провала. Старо как мир. При игре с большими ставками употребляется до сих пор. Бывает, что смерть – это не только лучший выход, но и единственный. Зато враг ничего не узнает. На войне нет жалости ни к врагам, ни к себе.

Суворин воспользовался мощным синтетическим токсином, микроскопическая доза которого не оставляет никаких шансов. А через час уже ни один медик не определит причину смерти.

Седой оперативник пнул ногой труп и с досадой бросил:

- Прижмурился, крыса!

- Кто знал, что у него яд? – виновато произнес широкоплечий, со шрамом через все лицо боец.
- Он Боба подранил.

- Меньше клювом надо щелкать! Хорошо, что не ушел... По машинам.

К приезду полицейского патруля на месте никого не было. Автомобили исчезли на московских улицах. В укромных местах оперативники перекрутили номера и растворились в потоках движения.

Полицейские работали без всякого воодушевления.

Очередная перестрелка в Москве. Труп один, без видимых повреждений, от чего помер – неизвестно. Стреляные гильзы. Классический глухой висяк.

- Спецпура отношения выясняет, – объявил следователь.

- С кем? - осведомился опер из угро, брезгливо глядя на труп.

- Наверное, друг с другом, - заключил следак.

И попал в самую точку...

*

Роб остановил «Жигули» на пригорке, съехав с дороги. Отсюда открывался вид на коттеджный поселок, но до него было далеко. Впрочем, расстояние не смущало. На заднем сиденье лежала мощная оптическая труба, позволявшая за три километра рассматривать номера автомашин.

- Ну-ка, - Роб навел трубу на цель.

В объективе дом на окраине поселка как на ладони. Огороженный высоким бетонным забором с колючей проволокой, двухэтажный... На территории еще хозяйственная пристройка, рядом с ней - древний «Москвич».

За помещьем пустыри, грядки, теплицы, узкая извилистая речка. За лесом взмывали вверх самолеты - в том направлении располагался аэропорт. Вдоль поселка шла линия электропередач.

Шатун взял у Роба оптическую трубу, внимательно оглядел окрестности:

- Как штурмовать будем?

- Интеллигентно...

В этой операции Роб был старшим. Он взял рацию и принялся раздавать указания находившимся на своих позициях оперативникам.

- Ну что, теперь и нам пора поработать, - распахнув дверцу машины, он ступил на асфальт.

Недалеко от поселка чинили линию электропередач работяги из Мосэнерго. У них была разукрашенная разноцветная машина с подъемником, позволяющим работать с проводами на столбах.

- Здоровеньки, мужики, - сказал Роб, подходя к работягам.

- Здоров, коль не шутишь, - без особой радости произнес бригадир, стоящий у кабины.

- Вы в курсе, что сегодня с нами работаете?

- С чего это? - уставился на него бригадир.

Роб неторопливо вытащил из сумки пистолет с глушителем и упер ствол в лоб бригадира:

- Умереть кто-нибудь хочет?

Желающих не нашлось.

Роб сообщил в рацию:

- Мы коробочку взяли. Выдвигайтесь.

Через несколько минут часть бойцов была одета в желтые жилеты коммунальных служб и устроилась в машине «Мосэнерго». Остальные расположились в задрипанном фургончике «УАЗ-969».

Машины двинулись в сторону поселка. Остановились у забора, рядом с телеграфным столбом. Роб сел в люльку, она поднялась. Вытащив инструмент, он начал ковыряться с проводами. Шатун поставил ногу на подножку машины и начал меланхолично лузгать семечки, сплевывая на асфальт.

Железная дверь в воротах открылась. Чинно выдвинулся бугай в камуфляже с расстегнутой кобурой. Захлопнув за собой дверь, он грубо осведомился, суровым взглядом буравя Шатуна:

- Че надо?

- Работы проводим, - последовал бесстрастный ответ. - Где-то обрыв кабеля.

- Вот и уе...те к своим кабелям. Тут частные владения!

- Да не вопрос. Только вы без электричества останетесь. И столбы вы эти еще не купили, чтобы тут командовать.

- Поговори мне, - охранник сплюнул и отправился обратно.

А лжемонтеры продолжали возиться с проводами.

Роб до армии работал учеником электрика, поэтому в проводах разбирался. Двумя щелчками плоскогубцев он обесточил всю улицу.

На этот раз бугай выскочил как ошпаренный.

- Вы совсем припухли? Тебе в бубен дать или как? Делай все как было!

- Нужно участок проверить! У вас там что-то наебн...сь! - сообщил мирно лузгающий семечки Шатун.

- Чего? Ты на кого катишь, уродец?

- Тут один уродец. И это не я, - гоготнул, как конь, Шатун.

Бугай, набычившись, двинулся на него, поигрывая мощными мышцами.

И получил удар из электроразрядника в шею.

Из фургона посыпались фигуры в черном камуфляже. На колючую проволоку на заборе - куртки. Один боец-штурмовик подставляет руки, другой перемахивает через забор.

Вот уже двое штурмовиков на территории. Из дома выскочил охранник в камуфляже. Роб из поднятой на пятиметровую высоту люльки снял его из «винтореза» - спокойно и точно, как в тире.

Проникший на территорию боец опустил рубильник. Ворота поползли со скрежетом в сторону.

В окне на втором этаже мелькнул силуэт. Роб срубил и его.

Вот штурмовики уже у входа в дом. Дверь железная, закрыта изнутри. Ключ – заряд пластита. Взрыв. Дверь вылетает. Внутри летит светошумовая граната. Теперь можно входить.

Штурмовики сквозняком прошуршали через весь дом. Зачистили помещения. Грохнули одного и скрутили другого боевика.

- Чисто. Командира нет! – отрапортовал в рацию идущий первым Шатун.

Он нагнулся над лежащим на полу оглушенным охранником, хлесткими ударами по щекам привел его в себя:

- Где заложник?

Охранник потряс головой. В глазах троилось после светошумовой гранаты и удара прикладом.

Шатун вытащил острый десантный нож и надавил пленному на веко:

- Изуродую, сучара. Где заложник?!

- Нет его здесь!

Острые клинка начало движение, по лицу пленного потекла кровь.

- Где? Ответишь – жить будешь. Нет – на куски порежу. – Шатун широко полоснул его лезвием по лицу.

- В подвале! – взвизгнул охранник. – Там секретная дверь!

Охранника подняли, отряхнули, и он провел к скрытой в подвале за стеллажом с канистрами и инструментами двери. Понадобилось некоторое время, чтобы найти ключ, который оказался у снятого Робом с самого начала из «винтореза» охранника.

Дверь отползла в сторону. Небольшой коридорчик упирался еще в одну металлическую дверь – ржавую, но с новым замком.

Другой ключ из связки подошел к ней.

Шатун толкнул дверь. Сделал шаг вперед. И махнул рукой:

- Привет, командир.

- Вот и мы, – добавил шедший следом подполковник запаса Губарев. – Заждался?

*

Куратор, развалившись в плетеном кресле, жевал сигару. Попыхивал ей, потом откладывал. За окнами просторного деревянного дома с обширными подвалами шелестел ласковый дождь. Сквозь дырявые тучи лезвиями били вниз солнечные лучи. Деревенская идиллия, кикимора ее загрызи.

- Ну что, Сережа, хочу тебе сказать. Такой широкий замах. И такой хилый удар. Суворина упустили, – начал перечислять Куратор.

- Ушел в края вечной охоты.

- Ну да. В небесную тундру... Эх, мы бы выжали из этой твари все. Даже то, что он давно забыл.
- Не срослось.

Штурмовики прошарили весь дом. Выгребли все ноутбуки, носители информации. Щедро оросили дом бензином. Бросили на месте машину «Мосэнерго». И исчезли, захватив двух пленных охранников. Это не тот результат, на который рассчитывали!

В углу комнаты горел плазменный экран. Там шла онлайн трансляция фильма «Роб и оперативник «НК» потрошат задержанного».

Выяснилось, что те волки, которые меня захватывали, свалили с базы еще перед Сувориным. А остались быки из бывших военнослужащих – обычные наемники, которым фиолетово, кого убивать за деньги. В организации они были на подхвате. Хотя к некоторым силовым акциям их привлекали, в том числе к хищениям оружия со складов длительного хранения.

- Мы работали на государство, – пел боевик в подвале дома.
- Терактами? – спрашивал Роб.
- Мы не спрашивали. Нам давали приказ. Мы выполняли.
- Платили хорошо?
- Нормально.
- Кто отдавал приказы?
- Непосредственно Леший.
- Опиши его.

По описанию выходило, что это бывший майор ГРУ, мой сослуживец Луценко. Надо же – и позывной не стал менять. Ничего не боялся.

Пленный выдал информацию о способах связи, конспиративных квартирах, соратниках. Из вышестоящего руководства он знал только Суворина, и то с трудом представлял, кто это такой. Где искать Лешего, ему неизвестно.

- Чем еще можешь быть ценен? – спросил Роб. – Зачем нам оставлять тебя в живых?

Охранник нахмурил лоб напряженно. Он готов был продать всех, но знал мало. Как в анекдоте – пленный курсант, у которого фашисты выпытывали хоть какую-нибудь военную тайну, бился головой о стену в камере: «говорили дураку – учись».

- В ближайшие десять дней готовится большой шабаш, – неожиданно выдал он.
- Какой шабаш? – заинтересовался оперативник «НК».
- Мы проводили рекогносцировку. Присматривались к охране государственных учреждений. Телевидения. Будет мобилизация всех наших солдат.
- Кто ответственный?

- Не по зарплате вопрос... Слышал только, есть какая-то сверхсекретная фээсбэшная контора. Якобы кто-то из ее руководителей и есть заказчик.

- Это ты откуда узнал?

- Леший проговорился. Воодушевлял нас, что мы не бандиты. По указке сверху работаем...

Куратор нажал на кнопку на дистанционном пульте и выключил телевизор. Посмотрел на меня задумчиво. И произнес:

- Все-таки ты везучий сукин сын. Я не верил, что получится.

- Я и сам не верил.

Мой расчет строился на том, что противнику нужен не столько я, сколько Куратор. Я выхожу на связь с ячейкой «Альянса действия», запрашиваю помощь. Информация попадает Суворину. Тот не устоит против соблазна захватить меня в плен. Повезут меня на одну из их баз. После задержания, понятно, все вещи у меня заберут. Значит, нужно нестандартное решение.

Оно нашлось. Мне вживили в предплечье бусинку - типа излюбленных уфологами имплантантов инопланетян. Теперь по прибытии на место мне нужно просто упереться предплечьем под определенным углом в преграду - и бусинка активизируется. И раз в десять минут будет сбрасывать мощные импульсы, которые даже при действующих глушилках пробьются через все преграды и дадут возможность позиционировать объект.

Что и произошло. Я активировал маяк. Мои ребята обнаружили логово противника. Опустили на территории Суворина. Три машины с оперативниками - весь резерв Куратора, и один человек из моей группы прилипли к нему, чтобы взять живым. И просчитались. Зато базу взяли без проблем и потерь.

- Итак, Сергей, теперь мы знаем, что на ближайшее время «Альянс» готовит масштабную акцию, - сказал Куратор. - Присматривается к правительственным учреждениям.

- Переворот?

- Может быть. Но скорее большой шум для раскачки ситуации и организации деструктивной волны.

- И дальше процесс пойдет на самораскачивание.

- Это то, что они пытаются достичь уже давно. Эх, как же нам сейчас Суворина не хватает. Вот это был бы язык. Уж мы бы его развязали... Дуболомы, кто вас так захватывать учил?

- Мы не «Альфа», а диверсанты, - буркнул я. - Кроме того, там только один мой боец был. Остальные ваши. Мои базу отработали чисто - на загляденье.

- Хорош пререкаться... Твои предложения?

- Пленный говорил, что их заказчик из руководства сверхсекретной организации. Леший не ездил по ушам. Он имел в виду вашего коллегу.

- Полковника Гаврилова, думаешь?

- Скорее всего. Как мы и предполагали.

Куратор побарабанил пальцами по столу. И принял решение:

- Ну что. Пора. Берем Гаврилова.
- Вот это по-нашему, по-богатырски! – обрадовался я.
- Живым. Объяснения насчет ампулы в рукаве больше не принимаются.
- Сделаем... Откуда цепляем?
- Мои ребята в курсе. Все тебе объяснят.

*

К аулу Шубамахи попыталась прорваться еще одна банда из пары сотен воинов ислама. Военные не выдержали, начали массированные бомбежки и зачистки окрестностей. А потом принялись методично обрабатывать аул артиллерией и НУРСами.

Лига арабских государств назвала Россию страной, ведущей политику религиозной непримиримости. Припомнились все чеченские войны, разгон демонстраций в Татарстане. А четыре арабских государства предъявили России ноты за геноцид мирного населения и потребовали введения в зону боевых действий наблюдателей ООН. При этом угрожали разрывом дипломатических отношений.

Би-би-си, самая объективная телекомпания мира, с утра до вечера гнала кадры расстрелов мирного кавказского селения, в том числе системами залпового огня. При этом, потеряв остатки стыда, лепили к репортажам кадры всех прошедших войн, выдавая их за действия федералов в Шубамахи. Плачущий ребенок на развалинах – это Грозный 2000 года. Залп РСЗО – осетинский конфликт 2008 года. Стреляющий в развалинах БТР – это уже Сирия конца 2012 года. Но обывателю это неинтересно. Сказано же, все это страшная Россия и геноцид. Есть картинка – есть реакция. Пятиминутка ненависти. А потом объект информационного террора может оправдываться хоть до скончания веков.

«Лучшие люди оппозиции» – несколько опальных политиков и проворовавшихся бизнесменов, пара писателей и тройка артистов, еще недавно обличавших совместными обращениями российскую власть, как-то все разом свалили в Англию, стали делать громкие заявления от имени оппозиционных политических сил, призывая к блокаде Российской Федерации. Также они требовали передать бразды правления Объединенному демократическому совету, который, поскольку народ быдло, должны назначать лучшие люди, то есть подписанты обращения.

Главный подписант, бывший ведущий «НТВ», не стал отчаливать в Лондон, а решил порезвиться на российских нивах. На митинге в Москве он принялся активно призывать к нападению на государственные учреждения и сотрудников полиции. Его попытались задержать сотрудники ОМОНа. Крепкие ребята из демонстрантов, подогнанные явно на этот случай, сумели устроить суматоху и отбить своего вождя и учителя. Тот ушел в подполье и был объявлен в федеральный розыск. На следующий день международная ассоциация «Гражданская инициатива» вручила этому субъекту почетную премию «За человеческое достоинство».

Продолжались поджоги машин и манифестации. В Москве возникли «двенадцать аскетов» – дюжина психопатов, объявивших бессрочную голодовку до тех пор, пока не будут проведены честные выборы и в России не воцарится демократия.

Рядом с детсадом в Воронеже рвануло взрывное устройство. Семеро детей и воспитательница ранены осколками. «Альянс действия» взял ответственность за теракт на себя.

СМИ аккуратно играли на стороне антигосударственных сил. Даже государственные каналы, озвучивая официальные версии событий, так играли интонациями, что это больше походило на покаяние – мы вынуждены брехать, дорогие граждане, но вы-то знаете, что мы на вашей стороне.

Интернет-пространство заполнили зомбирующие слоганы. Шли посылы прямо в мозг обывателя – русский народ мечтает о демократии. Русский народ не хочет тоталитаризма. Русский народ мечтает о независимом суде и гей-парадах.

Власти нервничали. Они продолжали метаться из стороны в сторону, то заискивая с оппозицией и обещая ввести наиболее одиозных ее представителей в состав правительства. То сыпали угрозами и совершали бестолковые силовые акции.

В некоторых регионах региональные власти вводили комендантский час, но под давлением общественности и после гневных протестов прокуратуры отменяли его.

Но самыми серьезными выделились мне два факта.

Польша напрямую поставила вопрос о контроле со стороны мирового сообщества за возможными источниками радиоактивного заражения и экологических катастроф на территории России. Зазвучали голоса о проведении международных консультаций по данной тематике. Чем может закончиться забота мирового сообщества о нераспространении оружия массового поражения, хорошо известно из новейшей истории.

Вчера направленным взрывом около Балашихи уничтожена машина командира дивизии имени Дзержинского генерал-майора Дымова. Эта дивизия – последний резерв власти при попытке захвата Москвы деструктивными силами. Это инструмент гражданской войны. А генерал Дымов был жестким воякой, готовым выполнить любой приказ и добиться его выполнения от подчиненных всеми средствами.

Вкупе с информацией о том, что боевики проводили рекогносцировку около госучреждений, это означало, что скоро рванет. И инициатива будет не за нами. У нас все шло косо и криво.

Операция по выявлению боевиков «Альянса» хотя и достигла результата, фактически была провалена. У нас оставался полковник Гаврилов и убеждение, что он крот.

Куратор дал отмашку. И мы обложили офис фирмы «Альтаир».

Эта контора класса «Рога и копыта», занимавшаяся невнятными коммерческими консультациями, служила базой сектора «А» Управления «НК» ФСБ России. Офис был обставлен с комфортом, система безопасности на высшем уровне. Кто туда с мечом придет, от разрывной пули и погибнет.

Основное время полковник Гаврилов проводил здесь. Отсюда он раскидывал свои щупальца по всей России. Здесь проводил важные встречи. Официально он числился председателем совета директоров «Альтаира». Похоже, эта клоунада забавляла его.

И вот к акции все подготовлено. Распределены силы, средства, выбрано оснащение. Составлен план.

В последнее время полковник Гаврилов озаботился мерами личной безопасности. Теперь его черный представительский «Мерседес» сопровождал джип «Паджеро» с охраной.

Машины вырывались с огороженной высоким забором территории на максимально возможной скорости и вписывались в поток, вскоре увязая, как мухи в варенье, в пробках и заторах московского центра.

В закрытом наглухо салоне штабного автобуса, выставившегося в нескольких кварталах от места проведения акции, бледно светила лампочка и мерцали экраны мониторов. Там находились я и подполковник Рогожкин – ближайший помощник Куратора, бывший альфовец и спец по захватам, он сегодня руководит операцией.

- Выдвигайтесь на позиции, – сказал Рогожкин в микрофон.

На мониторы камеры сбрасывали вид скрывающегося за высоким забором желтого особняка. Зеркальные окна, на крыше спутниковая тарелка – типичный новорусский офис.

Машины у Гаврилова, слава те господи, не бронированные. Так что половина проблем уже снята.

Итак, наш план – кортеж выезжает из ворот. Пролетает вперед. Первый перекресток – полет нормальный. На втором перегораживаем дорогу грузовиком, машина с боевиками подпирает кортеж сзади.

Тут счет на секунды. Охрана у Гаврилова – не лохи. Ставим их под стволы. Приказ – глушить при малейшей попытке сопротивления. Ничего не поделаешь. Что стоят при такой игре несколько человеческих жизней? Пусть даже это жизни твоих коллег.

Берем пленного – главное, не подпортить ему шкуру.

Хорошо, если все пройдет по-задуманному... А что у нас сейчас? Слышны доклады старших групп. Бойцы выдвинулись на исходные. Наблюдатель с одной из высоток пялится в мощную оптику. Видеокамеры скидывают изображения. Мы контролируем эфир.

Мы зафиксировали, как полковник Гаврилов утром появился в офисе и оттуда не вылезал. Обычно в двадцать часов тридцать минут (плюс-минус полчаса) он покидал место работы. Нет причин, чтобы сегодня он сделал исключение.

Восемь тридцать. Восемь сорок. Девять... Время вышло. Но кортеж не выезжал.

- Черт, где он? – Рогожкин нервно провел ладонью по щеке.

Он нервничал. Я нервничал и держал это в себе, из-за чего подполковник косился на меня, как на бесчувственного чурбана, которому чуждо все человеческое.

В десять часов тридцать пять минут джип сопровождения выехал с территории. Мы зафиксировали, что в него уселись водитель и охранник.

- Протащим его? – спросил подполковник Рогожкин.

- Бесполезно, – покачал я головой. – Охранник, скорее всего, отправился домой отсыпаться, а водитель оказал ему любезность и согласился довезти до дома.

- А Гаврилов?

- Нет Гаврилова в офисе. Он сорвался с крючка.

*

Мы подобрали Куратора на Тверской, сияющей огнями реклам, вывесками дорогих ресторанов и ночных клубов.

- Двигаем, - кивнул Куратор, захлопывая за собой тяжелую дверцу.

Штабной фургон тронулся с места.

Мы проехали несколько сот метров. Куратор отдал приказ, и подполковник Рогожкин пересел в идущую за нами легковую машину. Мы с моим руководителем остались одни в отрезанном от внешнего мира салоне.

- Не успели, - развел я руками.

- Что-то мы часто опаздываем, - прожег меня взглядом Куратор.

- Пока идем ноздря в ноздю с противником. И на сантиметр всегда опаздываем. На миллиметр бьем мимо цели.

- Напекаешь, что мы когда-нибудь попадем в десятку?

- Должны попасть... Где нам теперь Гаврилова искать?

Опергруппы разъехались по адресам возможного пребывания беглого полковника, но делалось это для очистки совести - на результат никто не надеялся.

- А вот это вопрос вопросов, - произнес Куратор. - Ближайшие помощники Гаврилова исчезли вместе с ним. Он задействовал такой же эвакуационный план, как и мы.

- Вся ваша «НК» расползлась по щелям, как тараканы.

- Будем плитуса отрывать. И обрабатывать все дихлофосом.

- А время? Пленный говорил, что они готовят выступление. У нас осталась максимум неделя.

- Это если они не передвинут планы поближе с учетом своих последних провалов.

- Вряд ли, - с сомнением произнес я. - Слишком большой маховик закручен. Инерция велика. Противник будет выполнять все точно по графику.

- Хотя бы и так. Конец уже близок, Сережа, - Куратор помолчал. Потом объявил: - На меня пытался выйти руководитель «НК» генерал-лейтенант Панасенко. Выдал открытым текстом: «Полковник Гаврилов работает на противника. Ситуация критическая. Нужно консолидироваться. Встречаемся».

- Где он раньше был?

- Мы не знаем, что творится сейчас в моей службе. Я же на совещаниях не бываю. Похоже, генерал до сего момента считал предателем меня. И произошло что-то, что изменило его мнение.

- Встречаться с ним нельзя.
- Обоснуй.
- Сейчас ситуация, в которой доверять нельзя никому.
- Верно мыслишь, - кивнул Куратор. - Я его тоже послал.
- Что делать дальше? Приказывайте.
- Пока на дно. Есть у меня кое-какие задумки.

На дно так на дно. У меня такая работа - лежать незаметно на дне, а потом всплывать торпедой. Я диверсант. Летучая мышь.

«Военная разведка - мы те, которых нет» - как поется в старой доброй песне.

На следующий день Куратор вызвал меня на конспиративную квартиру. Правая рука его была перевязана бинтом, через который проступали пятна крови.

- Где вас угораздило? - спросил я.
- Бандитская пуля, - хмыкнул Куратор. - Сергей, у нас появился шанс найти Гаврилова.
- Каким образом?
- Я тебе излагал суть протокола, на основании которого действует наша контора. У нас никто ни о ком ничего не должен знать. И естественно, все хотят узнать о коллегах как можно больше.
- Ну и?
- Для того чтобы отлежаться, Гаврилов наверняка, как и я, снял квартиры, которые можно бросать без жалости. На лежках у него аварийный комплект - оружие, аппаратура, документы, деньги. Все для автономного существования и бегства. И я нашел одну из таких лежек.
- Но как, Холмс?
- Секрет, Сережа. Он тоже хотел вычислить меня. Судя по тому, что он меня не нашел, а я вычислил его берлогу - я проявил больше смекалки.
- Где он хоронится?
- На Юго-Западе. Спальный район, дом за МКАД. Самолеты с Внуково над головой летают. Удобное место. Новостройки заселены недавно. Никто никого не знает.
- Он сейчас там?
- Неизвестно. Но может там появиться. Других вариантов у меня нет.
- Выставляем там наблюдение?
- Да. И при появлении сразу берем. В слезку не играем.
- Понял.

*

Следующие два дня на улицы в центре Москвы выплескивались все новые толпы демонстрантов. В них уже, не таясь, закачивали огромные деньги – столько не тратили никогда. Миллионы долларов ежедневно вылетали на то, чтобы подливать керосин в митинговую печку.

Между тем озвученная улетевшими в Лондон «лучшими людьми» идея создания Объединенного демократического совета охватывала массы, подобно пожару. Она насильно впихивалась в мозги через СМИ и Интернет.

А мы сидели в засаде. Для разведчика это дело привычное. Несколько суток лежать в лесу, прикрывшись ветками, закопавшись в снег или растворившись в грязи, и по фигу, мороз или дождь – это тяжело. А в городе засада – просто отдых.

Мы взяли под колпак двор длинного двадцатиэтажного дома и все подходы к нему. Была идея выставиться в подъезде под видом работяг, устроить внеплановую покраску стен или ремонт газовых труб. Но это отвергли сразу. Гаврилов не дурак. Если он насторожится, то не нырнет в квартиру. Нет никакой гарантии, что он не наставил в подъезде около квартиры видеокамер, которые в любой момент сбросят ему веселые картинки. Нет, надо просто ждать и не приближаться к месту. Благо мы нашли хорошие точки наблюдения, и колпак вышел достаточно плотный.

Но время шло. Гаврилова не было.

С каждым часом ожидания я все больше погружался в отчаяние. Мы проигрывали эту битву. Что я хотел? Изменить ход истории? Так эта самая история проедется по мне катком и не заметит. Может, прав был Афон – нечего плевать против ветра?

Нет, ерунда. Я же счастливчик. Должно нам повезти. Мне всегда везло до этого. Не может быть, чтобы удача отказала сейчас, на самом важном экзамене моей жизни...

В двадцать три часа была осуществлена диверсия на распределительном энергетическом узле. Треть Москвы, в том числе Юго-Запад, осталась без электричества. Теперь на улице темень, хоть глаза выколи.

Пришлось пользоваться приборами ночного виденья. Пункт наблюдения был в квартире почти достроенного десятиэтажного дома напротив объекта. Строительство было заморожено, и за долю малую Роба и одного из оперативников пустили туда местные строители – типа переночевать.

– Клиент появился, – зазвучал приглушенный голос Роба из динамиков в полутьме штабного фургона, и я очнулся от полузабытья.

Меня как током подбросило. Я протер глаза. Устал пялиться в монитор. Задремал и пропустил главное. Но это неважно. Без меня есть кому озираться по сторонам.

Я пробежал пальцами по клавиатуре. На монитор вытащил запись за последние минуты и увидел, что пропустил.

Вот к подъезду подъехало такси – желтое, с шашечками. Из него выскочил человек и быстрым шагом устремился к подъезду. Секунда – и исчез за дверью.

Все произошло очень быстро – мы не успели бы его перехватить. Да и цели такой не было. С самого начала планировали пропустить его в квартиру, а брать на выходе.

Следующие кадры – с видеокамеры, которую Шатун воткнул напротив дверей квартиры. Точно, это Гаврилов с фотографии. Он вошел внутрь.

Все, отбегался крот. Мы его возьмем. И не позволим ему воспользоваться ядом. Остается только ждать.

Прошла ночь. Вылезло из-за домов и утвердилось на небосводе солнце. Жара с наступлением темноты немножко отступила, но утром снова начала сдавливать выжженный город в своих горячих объятиях. Хорошо, что в штабном фургоне исправно работал кондиционер.

Я сидел и до рези в глазах пялился на мониторы. С утра пораньше устремились на работу добропорядочные граждане. Злые, раздраженные пленники мегаполиса, полностью зависящие от электро- и водоснабжения. Эти люди вращались по заведенному кругу – работа – дом – работа. Авария на подстанции застала их врасплох. К терактам и взрывам они привыкли. К разрушению городской инфраструктуры – пока не очень.

За ночь Мосэнерго восстановило электроснабжение, и теперь за продукты в холодильниках, а также за родные телевизоры и нужный, как воздух, Интернет можно не беспокоиться. Можно и дальше жить, как жилось.

Стаей вывалили из соседнего подъезда гастарбайтеры. Снимают однушку на пятнадцать человек. Отправились зарабатывать на пропитание.

А вот человек, которому до лампады, при каком режиме жить и что творится вокруг. Ему главное, чтобы в мусорных баках было чем поживиться. Тащит за собой авоську на колесах. Собирает банки и бутылки – их можно сдать, купить паленой водки и забыться. Счастливый человек. Такое же природное явление, как ветер или град, – бессмысленное и вечное.

Бомж проверил все урны и, хромая, удалился. Удачного дня тебе, божья тварь.

И нам удачного. Удача нам уже улыбнулась. Теперь бы не спугнуть!

Дверь квартиры открылась, когда часы показывали четверть одиннадцатого. Вышел Гаврилов – осунувшийся, движения нервные, угловатые. Да, хреново предателю, замучили проблемы.

На его плече объемистая сумка. Там может быть что угодно – от автомата Калашникова до радиоуправляемых мин или баллона с химическим отравляющим веществом.

Он повернулся спиной к видеокамере и вызвал лифт. Я глазами ощупал все выступы на его фигуре. Пистолет обычно затыкают сзади за пояс и прикрывают рубашкой навыпуск. Так, рубашка навыпуск есть. А пистолета, похоже, нет. Значит, ствол все-таки в сумке.

– Объект сейчас выйдет из подъезда, – произнес я. – Выдвигаемся. На выходе принимаем. Действовать по обстановке. Брать живым.

Наш штабной фургон тронулся с места. Другие машины тоже начали движение.

Дверь распахнулась. Гаврилов вышел из подъезда. К нему уже направлялись наши бойцы. Вика – единственная у нас особа женского пола, хрупка и беззаботна, как бабочка, облачилась в стиле эмо. Державший ее под ручку оперативник вырядился в панка. Нужно напрячь все

воображение, чтобы в этих чудаках угадать сотрудников ФСБ. На это и рассчитано. Даже профессионал, глядя на них, подумает – ну и уроды, несчастные люди их родители. Только эти ребята немолодого полковника Гаврилова упакует на счет раз.

- Ну и пошла ты, лохиня! – Опер-панк залепил Вике затрещину. Она смачно плюнула в него и прибавила шаг, ругаясь на чем свет стоит.

Я видел, что траектория ее выходит на сближение с полковником.

Ей бы сблизиться на расстояние вытянутой руки – она вырубит его разрядником. Приемы рукопашки при задержании – вчерашний день, пережиток рыцарского прошлого. Сейчас в ходу электроудары и химические вещества.

Гаврилов на миг сбавил шаг. Но идиотская парочка подозрения у него не вызвала, и он устремился вперед.

Тут и грохнуло!

Не как в кино – без огненных спецэффектов и красиво разлетающихся кусков вспоротых взрывом предметов. Буднично так грохнуло. Громко. Сверкнуло. Поднялся дым с пылью.

Взрыв был не слишком сильный. Но достаточный, чтобы им смело и Гаврилова. И Вику. И оперативника.

- Екарный триндец! Вперед! Туда! – крикнул я водителю.

Мы были на месте через минуту. Дым и пыль начали оседать.

Бок у Гаврилова был разворочен. Глаза полковника закатились. Видно, что не жилец.

Рванула металлическая урна. Три осколка сидело в Вике, однако она жива. Оперативника контузило, но он уже был на ногах.

- На борт всех! – крикнул я.

Положили в салон Вику. Туда же я бросил тяжелую сумку Гаврилова.

- Вперед!

Мое чувство, что все только начинается, не обмануло. В стороне прогрохотала автоматная очередь. Завыли сирены.

Пробиваться придется с боем!

*

Как это получилось? Как нас так сделали? Почему мы опять сели в лужу?! Или мы из нее и не вылезали?

Не думаю, что это была тщательно подготовленная акция и нас засекли уже давно. Скорее всего, противник следил за Гавриловым или неожиданно получил наводку на его адрес. Мое им уважение – они нас засекли, а мы их нет. Они успели заложить взрывное устройство и вызвать полицейский спецназ для захвата террористов, то есть нас.

Откуда взялась бомба в урне? Да все просто – тот чертов бомж, копавшийся в мусоре, сунул взрывное устройство и прикрыл газеткой. Скорее всего, он же нажал кнопку при появлении объекта.

Есть категории людей, на которых не акцентируется внимание. Это дворники и бомжи. Помню, Шатун использовал эту хитрушку, когда мы вызволяли Куратора. И сами попались на этот же крючок!

Полиция блокировала район, улицы перекрывали патрульные автомобили, подкатил омовский автобус. И стрельбу по нам открыли сразу, даже для приличия не предложив сдаться. Видимо, полицейские получили указание – пленных не брать. Ну что ж, сами напросились!

Как всегда, выручил Роб – со своей огневой позиции в строящемся доме отсек от нас группу захвата.

Наш водитель вжал педаль газа до упора, и штабной фургон вылетел со двора.

Хорошо пошли! Быстро! Только не надо обращать внимание на град, барабанивший по корпусу машины. Это пули – хотя они дуры, но до сих пор щадили меня. Дурак дурака видит издалека!..

Хрясь – по правую руку от меня разлетелся монитор, – шальная пуля пробила борт и разнесла его на куски. Следом разлетелась рация.

Чего творилось снаружи, я не видел – салон был наглухо закрыт.

Хрясь, удар – фургон, судя по звукам, протаранил неудачно подвернувшуюся машину. Укрепленный бампер, как таран на боевых триерах, смел препятствие.

Опять забарабанил град. В темноте салона стало светлее – через дырки в корпусе сочился свет. Чудом никого не задело – ни меня, ни лежащую Вику, ни оперативника.

Водитель молодец, но ему надо помочь.

Я рванул в сторону металлическую штору – она отъехала, впуская дневной свет. Моему взору открылись скачущие дома, деревья, автомобили. Фургон летел через двор, мимо деревьев, по площадке. Впереди маячил выезд.

Я схватил лежащий в специальном ложе автомат Калашникова. Хорошая машинка, любимая – нет ничего лучше на земле. Вот теперь повоюем!

С треском бампер развернул еще одну машину – перекрывающий дорогу «жигуль». А вон полицейский фургон в стороне, оттуда лупят по нам. Я выдал длинную ответную очередь, загнав стрелков в укрытие.

Не хочу вас, ребята, убивать. Если в кого и попал – не обессудьте. Но моя жизнь сейчас важнее.

Все, вырвались со двора. Улица – прямая, с супермаркетом и автобусными остановками. Народу, слава те господи, немного. Авось вам сегодня повезет, граждане, не зацепит шальная пуля...

Еще одна полицейская машина. Метрах в пятидесяти в стороне. Трогается нам навстречу.

Посылаю привет – две короткие очереди. Результат – развороченный капот. Пробитое колесо.

Опять замелькали улицы. Еще одна пуля пробила борт. Еще одна ответная очередь.

Водитель бросил машину в какую-то лесополосу, закрутился между промышленными корпусами и глухими заборами. И мы вырвались!

Фургон замер около заброшенного длинного складского здания. Вокруг все поросло бурьяном. Везде валялись пустые ящики, в асфальт выросла черная цистерна. Мы вышли из салона. Вика пришла в себя и с трудом могла двигаться.

Здесь резервная точка эвакуации. Просчитали мы варианты заранее. И оставили тут эвакуационный транспорт – невзрачный «ВАЗ-2110».

- Я довезу ее, – сказал шофер, помогая Вике усесться в «Жигули».

- Хорошо. – Я сменил рубашку, напялил бейсболку, залез в сумку ныне покойного полковника Гаврилова. Там были пистолет-пулемет «Клин», компьютер, несколько лазерных дисков и флэшек. Пистолет-пулемет я бросил в салон фургона. А сумку прихватил.

- Уходим каждый своим маршрутом, – приказал я. – Прижмут – не геройствуйте. Сдавайтесь. Потом разберемся.

- Живым меня не возьмут, – сказал оперативник.

- Это приказ. Главное, сохранить ваши жизни.

В машине была пара мин на такой случай. Я активировал взрыватель.

Когда отошли метров на триста – за спиной рвануло. Взрыв уничтожил штабной фургон с оборудованием на пару сотен тысяч долларов.

Все это время в глубине сознания занозой ныла мысль – как там Роб и Шатун? Не должны ребята так глупо пропасть. Если их возьмут живыми – это еще ничего. Я на свободе и рано или поздно вытащу их. Только бы не убили.

«Жигули» с Викой и шофером скрылись из виду. А я и оперативник отправились в разные стороны пешком.

Теперь остается раствориться в Москве. Человек в мегаполисе – как песчинка на пляже, не различишь и не найдешь. Так что мы опять выкарабкались.

Когда я вышел из метро на станции «Белорусская», на мобилу сбросили сообщения Роб и Шатун. Все в порядке. Они оторвались!

Сказать, что я испытал чувство эйфории – ничего не сказать. Мои черти живы! И, как всегда, прикрыли нам спины! Тяжелый камень, даже бетонная плита с плеч!

На Остоженке мы пересеклись с Куратором. Я сел к нему в машину. Он был мрачнее тучи – вот-вот грянет гром и молния. Он уже знал, что операция провалилась.

- Ты опять все запорол. Ты профнепригоден, Сережа.

- Соглашусь. Если вы мне покажете хоть одного человека, который бы не запорол ничего в

данной ситуации.

- Не покажу. Нет у меня таких людей.
- Думаю, нигде нет. Так что придется работать дальше.

Куратор угрюмо кивнул, трогая машину с места.

- Мы не волшебники, - сказал я. - Нас опередили.
- Кто - вот вопрос.
- Возможны варианты. Наша «НК» избавилась от предателя. Или хозяева ликвидировали его, как потенциальную угрозу.
- Ерунда! «НК» взяла бы его живым. Его хозяева? На него переведено слишком много ниточек. От таких сотрудников перед большими событиями не избавляются... А ты не думаешь, что ликвидировали свидетеля?
- Свидетеля чего?
- Интересно узнать. Хотя теперь это уже не имеет никакого значения.
- Думаете?
- Все, время наше истекло. До начала события остаются дни, если не часы. Мы потерпели фиаско. Исчерпали возможности. Завалили все дело. Решено, я иду на поклон к генералу Панасенко.
- Мы же решили, что приближаться к руководителю «НК» опасно.
- Сережа, нам теперь уже ничего не опасно. Время вышло... А тут пятьдесят на пятьдесят - то ли генерал крыса, то ли нет. А это в нашем положении большой шанс.
- Когда пойдете сдаваться?
- Созвонюсь сегодня. А дальше как получится.
- Только сначала посмотрите вещички Гаврилова. - Я ему протянул сумку.

Он бросил ее на заднее сиденье, даже не соизволив посмотреть. Остановил машину и произнес как-то вяло, безжизненно:

- Давай. Связь по варианту три.
- К генералу пойдете - свистните.
- Контролировать контакт не надо. Я дам инструкции на все случаи.
- На все случаи обычно не получается.

Я вышел из салона. И машина, чихнув нездорово мотором, устремилась вперед.

То, что собирался делать Куратор, мне не нравилось.

Но он был прав. Нам уже все равно. Эту партию мы проигрывали. И выхода не было.

*

В Москве бурление все росло. Президент выступил перед представителями СМИ и пообещал ввести в течение ближайших дней чрезвычайное положение, внести соответствующие изменения в законодательство и дать указание о привлечении лиц, занимающихся дестабилизацией обстановки в городе, к суду за государственные преступления. По телевизору было видно, что он изможден, раздражен и растерян.

Я залег на квартиру, которую снял в тот же день. На старую я возвращаться пока не собирался - мало ли...

Куратор исчез. Не вышел на связь на следующий день. Не объявился и через день, обрубив все доступные каналы связи. Меня это тревожило.

Что-то случилось. Или нет?

Бездействие душило меня. Хотелось бежать, кого-то бить, стрелять. Но я мог только ждать.

Я слонялся по комнате, лазил по Интернету. Пытался понять, куда все идет. Нашел сайт «Прикладная конспирология», на главной странице которого было изображение долларовой купюры, начиненной масонскими символами - тут и пирамида, и глаз в треугольнике. Над долларом мигала красным надпись: «Внимание! Опасность».

Конспирологи пророчили пришествие нового планетарного технотронного рабовладельческого строя, который окончательно и бесповоротно закроет все перспективы для развития человечества. Этому посвящена деятельность мирового закулисья.

«Мировое правительство, Комитет-300 - тайное общество из представителей неприкосновенного класса, в число которых входят королева Англии, королева Нидерландов, королева Дании, королевские семьи Европы, старые семьи Черной Аристократии Европы, американского «Восточного либерального истеблишмента», разбогатевшие на торговле опиумом. А еще представители тайных обществ: иллюминатов, британской масонской ложи и итальянской масонской ложи, «Ордена старейших Сиона», Всемирного Совета церквей, Социалистического интернационала. Их цель - создание глобального организационного механизма и инструмента осуществления тотального контроля над человечеством в целом и над сознанием людей в частности.

Мозговые центры Комитета-300 подготовили условия для создания глобальных структур управления мировыми процессами, таких, как «Римский клуб», НАТО, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Гаагский международный трибунал.

Цели Комитета:

Полное разрушение национальных государств, национального самосознания и достоинства. Вместо них Единое Мировое Правительство и единообразная денежная система при постоянных неизбираемых наследственных олигархах, которые выбирают лидеров из числа самих себя в форме феодальной системы, как это было в Средние века. Из населения мира остается 1 миллиард людей. Пять миллиардов «беспольных едоков» будут истреблены к 2050 году посредством ограниченных войн, организованных эпидемий смертельных быстропротекающих болезней, голода. Количество электроэнергии, пищи и воды будет поддерживаться на уровне, достаточном лишь для поддержания жизни неэлиты, прежде всего

белого населения Западной Европы и Северной Америки, а затем уже других рас.

Среднего класса не будет – только правители и слуги. Все законы будут унифицированы в рамках юридической системы мировых судов. Объединенные вооруженные силы Единого Мира насильно внедрят законы во все бывшие страны, которые не будут разделяться границами.

Экономическая система будет основана на правлении олигархического класса, разрешающего производить ровно столько продуктов питания и услуг, сколько нужно для функционирования лагерей массового рабского труда. Все богатства будут сосредоточены в руках элитных членов Комитета-300. Мир будет управляться по исполнительным декретам Комитета-300, которые немедленно будут получать силу закона. (Борис Ельцин использовал декреты Комитета-300, чтобы в качестве эксперимента навязать России волю Комитета.)

Промышленность должна быть полностью уничтожена вместе с атомными энергетическими системами. Только члены Комитета-300 и их избранники будут иметь право распоряжаться земными ресурсами.

После уничтожения таких отраслей промышленности, как строительная, автомобильная, металлургическая, тяжелое машиностроение, жилищное строительство будет ограничено, а сохраненные отрасли будут находиться под контролем олигархии.

Лекарства или медицинская помощь не будет предоставляться без специального разрешения региональных контролеров, ответственных за каждый город, поселок и деревню.

Будет запрещена деятельность всех центральных банков, кроме Банка международных расчетов и Мирового банка. Будут запрещены любые требования повышения зарплаты, а также всякие отклонения от стандартной унифицированной шкалы зарплаты.

Все расчеты будут выполняться через дебетные карточки с идентификационным номером владельца. Любое лицо, нарушившее нормы и правила Комитета-300, будет наказано приостановлением ее действия. Когда эти люди пойдут за покупками, они обнаружат, что их карточки внесены в черный список и они не смогут получить никаких продуктов или услуг.

Будет разрешена только одна религия в форме Церкви Единого Мирового Правительства, которая начала существовать с 1920 года. Сатанизм, люциферианство и черная магия будут признаны законными предметами обучения.

Национальная гордость и расовая принадлежность будут искоренены, а в переходный период даже упоминание о расовом происхождении будет предметом суровейших наказаний.

На людей будут нанесены идентификационные номера, внесенные в сводный файл компьютера НАТО в Брюсселе (Бельгия), к которому все учреждения Единого Мирового Правительства будут иметь мгновенный доступ.

Семейной жизни, как мы это понимаем сейчас, не будет. Детей будут отбирать у родителей в раннем возрасте, и они будут воспитываться надзирателями как государственное имущество. Женщины будут развращены постоянным процессом эмансипации. Свободный секс будет принудительным.

Широко распространена будет порнография, а в каждом кинотеатре будут показываться в обязательном порядке порнофильмы, включая гомосексуальную и лесбийскую порнографию. Употребление «восстанавливающих силы» наркотиков будет обязательным – каждому будет выделена квота на наркотики, которые можно будет купить в магазинах. Изменяющие

сознание наркотики будут добавляться в пищу или в питьевую воду без знания и согласия людей. Повсеместно будут созданы наркотические бары, в которых люди-рабы будут проводить свободное время.

Будут разжигаться противоречия между соперничающими фракциями и группами, такими, как арабы и евреи, африканские племена, им позволят вести войны на истребление под присмотром наблюдателей НАТО и ООН. Эти войны на истребление будут происходить до того, как утвердится Мировое Правительство, и они будут организованы на всех континентах, где живут большие группы людей с этническими и религиозными различиями, такие, как сикхи, пакистанские мусульмане и индусы, славяне. Будут подстрекаться и поощряться жестокие конфликты.

Все СМИ будут находиться под контролем Мирового Правительства. Под видом «развлечений» будут устанавливаться регулярные промывания мозгов, что уже практикуется в США.

Устанавливается жесткий контроль над системой образования с целью полного и окончательного его разрушения.

В число намерений Комитета-300 входят также:

Создание всеобщего кризиса в мировой экономике и порождение всеобщего политического хаоса. Оказание поддержки наднациональным организациям, таким, как Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Банк международных расчетов, Мировой суд ООН. Внедрение подрывных агентов во все правительства и ведение деятельности по разрушению суверенной целостности стран, изнутри этих правительств.

Организация всемирного террористического аппарата и ведение переговоров с террористами везде, где имеет место террористическая деятельность».

Похоже на правду. Нечто подобное утверждал и Куратор. Хотя правда гораздо шире и сложнее. И я надеюсь, что еще не все определено. Пока мы дергаемся – у этой заштатной планетки еще есть шанс выжить...

Потом Куратор объявился. Сбросил кодированное сообщение, назначив через полтора часа встречу на новой «кукушке» с указанием адреса.

Мне это все не нравилось. Возможен вариант – он вышел на связь с генералом, тот его выпотрошил, и теперь осталось только зачистить мою группу.

Но... Как Куратор говорил – а что нам терять?

Я облачился в просторную одежду: граната и пистолет не видны. Чеку прикрепил к поясу, чтобы не надо было ее выдергивать – достаточно только вытянуть гранату. Пригодится при бое в условиях помещения. И в рукав рубашки защита капсула – выпей йаду, как говорят в Инете.

Да, если будут брать – повоюем еще. И погибнем с честью. А потом Роб, которому я сбросил инструкции, устроит бойню и зачистит всех, до кого дотянется. Скорее всего, он тоже погибнет. Может, оно и к лучшему. Что нам делать в новом страшном мире, пришествие которого мы не смогли остановить?

Я поймал такси. Нагатинский затон. Девятиэтажный дом за голубым зданием телефонного узла. Рядом Коломенское с его храмами, музеями и метрополитеном.

Я прогулялся рядом с домом. Ничего не дрогнуло внутри. Ничего не настораживало.

Впрочем, если пасут меня квалифицированно, то я ничего не замечу. Зато меня заметят. А дальше – последний бой, он трудный самый.

Набрал код. Дверь в подъезд щелкнула.

Лифт поднял меня на седьмой этаж. Я подошел к двери. Прислушался. И нажал на кнопку звонка.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Куратор – бледный, сосредоточенный.

- Прибыл. Молодец. Проходи.

Мы устроились на неудобных стульях в большой комнате.

- Почему не выходили на связь? – наехал я на Куратора. Напряжение меня немножко отпустило, на его место приходила злость.

- Обстоятельства изменились. Очень сильно изменились.

- Вы были у генерала?

- Нет. Тут и есть сердцевина нашей проблемы. Большой проблемы.

На диване лежала пластмассовая папка с бумагами.

- Посмотри, – кивнул Куратор.

- Что это?

- Привет с того света.

Я взял папку. Обычные листы. Ни картинок, ни фотографий, ни диаграмм – только текст.

Бегло просмотрев бумаги, я непонимающе посмотрел на Куратора:

- Это откуда?

- От полковника Гаврилова. Он понял, что жить ему недолго. У него была надежда на меня, что нам удастся скоординировать усилия. Но я не поверил ему. Он подготовил аналитическую записку. С выводами по нашей теме. Закодировал ее. Ты же знаешь, у каждого руководителя сектора личный код для связи с другим руководителем. Он подготовил этот материал, чтобы сбросить мне по каналу связи.

- И не успел.

- Не успел. Но хоть таким образом материал дошел до меня. За эти дни мне удалось пробить ситуацию и подтвердить выкладки.

- Это убойный материал.

- Именно.

Картина нарисовывалась следующая. Гаврилов тоже установил, что ядром «Альянса действия»

является группа из бывших сотрудников спецслужб и к ней имеет отношение его бывший подчиненный полковник Суворин, он же Лис. Но только он знал об этом человеке куда больше, чем мы. В том числе был наслышан и о его делах на двести пятой базе.

Еще пять лет назад Гаврилов получал информацию, что этот человек занимается какими-то махинациями. Но потом все это было списано на дезинформацию со стороны противника с целью опорочить и выбить из обоймы самых перспективных сотрудников.

Да, в то время Суворин формально подчинялся Гаврилову. Но фактически был откомандирован в распоряжение специальной группы. И ее кураторство осуществлял генерал Панасенко.

Дальше шли аналитические выкладки и конкретные факты. И вывод напрашивался единственный – за всем стоял Панасенко. Начальник службы «НК» – предатель. Также была схема его преступных связей – ниточки тянулись высоко.

- Вот такой террариум под нашим боком, – сказал Куратор.

- Получается, Гаврилов был искренен, когда предлагал сотрудничество, – вздохнул я. – Честный боец. Которому мы не протянули руку помощи в трудную минуту...

- Знаешь, когда мы подозревали Гаврилова, у меня возник разрыв шаблонов. Я знал его больше двадцати лет. Он был сложный человек. Но я не мог вообразить его в роли предателя. Он ненавидел предательства на физиологическом уровне... А оно вот как получилось...

- Черт, лопухнулись мы, – покачал я головой. – Стань он нашим союзником, картина сейчас была бы другая. Хорошо еще, вы не сдались Панасенко.

- Панасенко! Старая андроповская сука!

Куратор выдал речь, чтобы я понял, откуда растут корни многих наших проблем. И почему его не удивило предательство Панасенко.

Есть мнение, что председатель КГБ СССР, а затем Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов тесно общался с транснациональной элитой и активно искал пути вхождения страны в мировое сообщество, пусть даже и не на первых ролях. СССР тогда был силой планетарного масштаба, естественно, плативший за свою роль определенную цену, в том числе не слишком высоким уровнем жизни. В партийной верхушке были люди, готовые продать мировое лидерство за реальные активы.

Правда или нет? Трудно сказать, слишком темная наука история. Во всяком случае, при Андропове наблюдалась странная лояльность к еврейским диссидентам и вместе с тем выкорчевывание любых форм русского национализма. Он создал самый закрытый отдел КГБ по сионизму, подчинил напрямую себе. И Горбачев, и Шеварднадзе, и Яковлев, уничтожившие сверхдержаву, были его людьми. При нем состоялись массовые десанты подающих надежды экономистов и социологов в созданный СССР и США в 1972 г. в Вене Международный институт прикладного системного анализа. Там большинство наших и западных работников были агентами спецслужб, и какие там договоренности заключались, какие сети плелись – одному черту известно. Во всяком случае, те ученые и не слишком ученые мужи, кто побывал там, стали опорой перестройки, либерализации, фореиторами развала СССР.

В самом начале своей службы побывал в международном институте в Вене и генерал Панасенко. С того момента его карьера поперла вверх. Он стал самым молодым начальником отдела в Первом главном управлении (разведке). На генеральскую должность уселся перед

уничтожением СССР.

Потом мотался по всяким службам. Чем занимался – точно неизвестно, вся деятельность похоронена под грифами секретно. Заработал несколько орденов. Был ранен на юге России.

Когда он стал врагом? В какие игры играл и с кем? Это нам предстояло выяснить.

- Отлично, – сказал я. – Теперь ясно, кого брать за хобот. И кому крошить зубы.

- Не торопись, – поднял руку Куратор. – План совершенно другой.

- Какой?!

- Сергей, у меня есть палочка-выручалочка на такой случай.

- Если не секрет?

- Пока секрет. Жди.

Мне не понравился его тон. Уж не начинаются ли гнилые дела?

- Дождешься.

*

Есть такое выражение «серый кардинал». Серый – ничем не выделяющийся, скрывающийся в полумраке. Но эти люди дергают за веревочки, к которым привязаны банкиры, министры, дипломаты. Так уж испокон веков ведется – мир делится на кукол и кукловодов.

Игорь Демидов, бывший военный, бывший сотрудник министерств и ведомств еще советских времен, бывший коммерсант, ныне один из советников Президента – заштатных, по третьеразрядным проблемам, на самом деле был таким кукловодом.

У него имелись просторный кабинет на Старой площади, секретарша и водитель с машиной. Скромный чиновник. Но генерал Панасенко отлично представлял, что стоит эта наигранная скромность. И знал, что при вызове в этот кабинет надо прибывать точно и в срок. Потому что своеволие не прощается.

Советник Президента не нравился генералу. Старый фээсбэшный змей физически ощущал угрозу, исходящую от этого вежливого и немножко простоватого в обращении толстяка.

«Ничего, – думал Панасенко. – Скоро все изменится. И этот индюк будет харкать кровью в подвале. Предки были мудрее нас. Они набивали из врагов чучела. Да, чучело Демидова неплохо смотрелось бы в моем доме в Серебряном бору».

- Ждите, – приказал генерал Панасенко своему водителю и вышел из машины.

Водитель кивнул. У него работа такая – ждать. Будут ждать и вооруженные охранники из машины сопровождения. Их в здание на Старой площади не пустят. Там власть ФСБ кончается и властвует Федеральная служба охраны.

В вызове в этот кабинет не было ничего необычного. Генерал бывал здесь десятки раз. Демидов в группе кукловодов, которые делили реальное управление страной, отвечал в числе прочего за безопасность страны от террористических угроз. И курировал «НК», часто

прикрывая ее от ненужного внимания, включая всю мощь административного ресурса для проведения или сокрытия силовых акций, часто выходящих за грани закона.

Немного странно, что, когда началась эта история с «Альянсом действия», Демидов практически не вызывал генерала. Только в самом начале потребовал сделать все, чтобы отвезти угрозу. Упор был на «ВСЕ».

Теперь вдруг проснулся интерес. Почему?

«Они понимают, что запас прочности исчерпан, – подумал генерал. – И готовят какую-то серьезную акцию. Наверняка мобилизуют все силы, чтобы вернуть контроль над страной. Только поздно. Они уже упустили все, что только могли. Операция «Сибирский мороз» фактически уже реализована. Остался последний штрих. Мощный, убийственный. И последний. А потом будет дележка. Ну а сейчас Демидов пускай потешится. Мне главное – преданно смотреть ему в глаза. И обещать. Все, что он хочет услышать, обещать. Сбросить ядерную бомбу. Расстрелять оппозицию. Через несколько дней все старые обещания аннулируются».

У генерала был постоянный пропуск в современное белое здание Администрации президента, бывшее ЦК КПСС. Фэзэшник с погонами капитана бодро отдал честь – генерала он знал в лицо. Панасенко кивнул в ответ.

Он прошел по ковровой дорожке через холл. Поднялся на лифте. Часть крыла была перекрыта еще одним сотрудником. Но пропуск подействовал и тут.

– Вас ждут, – сказал лейтенант.

Приемная располагалась в конце коридора. Еще несколько дверей вели в кабинеты аппарата советника Президента, где скучали обычные канцелярские крысы, готовившие справки и доклады, носящие документы на подпись. Или необычные? Что-то в этой бюрократической суете было наигранное.

Генерал зашел в просторную приемную, где в ряд стояли стулья с сиденьями из красной искусственной кожи и высокими спинками, стол секретарши, заставленный телефонами, на стенах – дубовые панели. Все немножко старомодно и не ново. Евроремонт бы не помешал, но тут чтут традиции.

Секретарша – миловидная Леночка, подхихикивала. Ей что-то втирал стоявший рядом со столом долговязый парень в белой рубашке и при галстукке. На секретарском столе перед ним лежала сафьяновая папка «Для доклада», а рядом коробка конфет – заслуженная добыча секретарши.

Еще один чернильный червь сидел на стуле, сведя колени. Этот умудрился даже костюм натянуть в такую жару. Впрочем, в здании было свежо, неплохо работала система кондиционирования.

– Здравствуйте, Лена, – приветливо произнес генерал. – Игорь Вячеславович мне назначил на одиннадцать тридцать.

Леночка взглянула на настенные часы и произнесла:

– Минута в минуту.

- Точность - вежливость королей, - улыбнулся генерал.

- Все могут короли, - хихикнула Леночка, подняла старорежимную трубку внутреннего телефона и произнесла: - Панасенко в приемной. А, поняла...

Обернулась к генералу:

- Присядьте. Игорь Вячеславович освободится через три минуты.

Генерал пожал плечами и двинулся к стульям.

- А еще, Леночка... - начал долговязый павлин.

Генерал сделал шаг вперед.

И тут на него сзади обрушился страшный удар. И свет на миг померк.

Долговязый вырубил генерала точным ударом в шею. Панасенко тяжело рухнул на пол. А второй чернильный червь уже подскочил к поверженному, откидывая ему голову - если очнется, чтобы не проглотил капсулу.

- Минуты три будет в отключке, - заверил долговязый.

- Интересно, он боится уколов. - «Червь» хмыкнул и опустошил в бедро генерала одноразовый шприц.

Секретарша взирала на все это совершенно спокойно. Будто в этой приемной каждый день упаковывали генералов ФСБ.

Тщательно осмотрев одежду, особенно воротник и рукава, «червь» объявил:

- Нет у него яда.

- Да я с самого начала говорил, что нет. Знаю таких кренделей. Детский сад им отравить - в любую минуту. А самому - никогда. Элита, понимаешь...

В этот же момент старшему группы охраны, который ждал шефа в машине на стоянке, позвонил генерал-полковник, входивший в число тех, кто отдает приоритетные приказы:

- Вы где сейчас?

- Ждем Панасенко на Старой площади.

- Его подберут другие, он там надолго. Снимайтесь и на базу. Это приказ.

Приказ так приказ. Наверху виднее.

- На базу, - приказал старший охраны по рации.

Между тем люди в белых халатах протащили генерала на нижний уровень, потом в подземный гараж. Погрузили в фургон «Скорой помощи», в салоне которого ждали я и довольный Куратор.

Шеф похлопал по щекам генерала, не думавшего очухиваться.

- Ну что, мразь. Молись...

А потом - подвал подмосковной базы, где специалист по допросам успел разложить в идеальном порядке инструменты.

Генерал был ошарашен, но вскоре взял себя в руки.

- Понимаешь, что утаивать что-то бесполезно. - Куратор кивнул на инструменты.

- Недооценили мы тебя, - покачал головой генерал.

- И Гаврилова. Это он тебя, суку, вычислил.

- Не надо опускаться до оскорблений, полковник. Мы профессионалы. Давай обсуждать проблему.

- Нет никакой проблемы. Ты даешь расклад. А потом мы решаем твою судьбу.

- Ты считаешь, что можно остановить лавину?

- Остановим. Не в первый раз.

- Даже если у тебя что-то и получится, то завтра вы проиграете. Исторически вы проиграете. Эта страна не может вечно идти против движения. Новый порядок будет. Это не остановить, как не остановить наступление весны и лета. За нас все решили.

- Ты, сучий потрох, вызвался быть палачом нашей страны. Ты кинул на мирное население свору бешеных псов.

- Для человека с твоей репутацией подобные сантименты смешны... Вот что, Саша. Давай говорить как взрослые люди. Весь вопрос - кто кем будет в новой иерархии.

- И кем намереваешься быть?

- Среди тех, кто дирижирует, а не среди третьих скрипок в пятом ряду. Я предлагаю тебе войти в дело. Ты и твои бандиты доказали свою эффективность. Награда будет велика.

- Ты всерьез надеешься перетянуть меня на свою сторону?

- Если у тебя есть хоть капля разума...

Куратор посмотрел на генерала с таким презрением и брезгливостью, что тот отвел глаза.

- Приступай, - махнул Куратор рукой.

И специалист по допросам направил лампу в лицо генералу...

*

России был вынесен приговор. Она должна была перестать быть единым государством.

Двадцать первый век поставил ребром вопрос нехватки основных ресурсов. Это не только нефть. Это и земля, и вода, и население. Мифы о том, что материальные ресурсы не стоят ничего, а в цене только интеллектуальные, типа ай-ти технологий, давно трещат по швам.

Компьютерная программа не заменит железной дороги и цистерны чистой воды. И владеть значительной частью ресурсов планеты России – стране, склонной к тоталитарной форме правления и постоянно создающей проблемы мировому сообществу (читай элитным группам), не даст никто.

В информационную, экономическую и организационную войну с Россией не один десяток лет вкладывались огромные ресурсы. Но страна неожиданно мобилизовывалась. Она отказывалась умирать. И постепенно начинала оживать.

Тогда наиболее активной частью мировых элит было принято решение о хирургическом вмешательстве.

Приговор был вынесен. Осталось дело за палачами. Предстояло доделать то, что не удалось Наполеону и Гитлеру, что не решились довести до логического конца во время развала СССР. С дракона планировалось содрать шкуру, лишить его зубов – ядерных ракет, низвести до состояния баранов некогда гордый народ-победитель.

Так появился план «Сибирская стужа».

Удар должен был растянуться на несколько месяцев и в конце разнести идущий трещинами кувшин российской государственности на мелкие кусочки. А в России этот кувшин содержал в себе и энергию самого народа. Так уж повелось.

Была активизирована вся агентура. Использованы все способы разворачивания сценариев «оранжевых» революций. Правозащитные фонды лопались от закачиваемых в них денег. Сыпались дождем гранты. Финансовые структуры, как зарубежные, так и внутрироссийские, нанесли ряд точечных ударов по российской экономике. Резко активизировались компрадорские силы. Прозападное крыло во власти пустилось во все тяжкие, оказывая беспрецедентное давление на государство.

Но это все старые игры, в конечном итоге они давно уже не приводили ни к чему, кроме постоянного напряжения в жизни страны.

Нужен был инструмент, который подправит политическое пространство. А он всем известен – терроризм.

Отдельные террористические акты не могли решить проблему. С исламским терроризмом российские силовики научились бороться достаточно эффективно, так что эта козырная карта девяностых годов сегодня потеряла силу. Требовалась комплексная террористическая атака. Нужно было запустить механизм гражданского светского террора, во имя светлого будущего – опыт у России тут колоссальный. Раскрутить это адово колесо. Создать организацию, одно упоминание о которой будет вызывать гамму чувств – от восхищения до омерзения. Нужно опутать общество липкой паутиной страха. Для развязывания террора решили задействовать группы «Зомби» – профессиональных боевиков, которых уже несколько лет сортировали и выводили на подпольное положение как раз для таких случаев.

Занимался проектом «Зомби» генерал Панасенко, уже больше двадцати лет сотрудничавший с мировой закулисой. Попал он на крючок, как и многие его коллеги, еще в советские времена, в ту первую командировку в Международный институт прикладного системного анализа в Вене.

С того времени его хозяева все решали за него, кем ему быть и что делать. Их ресурсов хватало, чтобы ставить его на важные посты, пусть и не слишком большие.

Генерал стал не просто их агентом. Он стал действующим лицом, искренне преданным общему делу. Это загадочный психологический феномен, схожий с тем, как люди становятся маньяками. Возникает сатанинская радость преодоления всех сдерживающих оков. Когда невозможное в принципе для человека – каннибализм, насилие над детьми, ритуальные убийства – ты делаешь возможным, то в душе уподобляешься самому сатане, тому, для кого не существует правил и ограничений. То же самое касается предательства.

Перед развернувшимся в России террором стоял ряд целей. Внесение хаоса в политику и экономику. Деморализация населения. И главное, уничтожение людей в госаппарате, которые могут оказать сопротивление с последующей расстановкой на их места марионеток.

За несколько месяцев «Альянсу действия» удалось расчистить пространство в Москве и регионах.

Последним аккордом этой увертюры должна была стать атака на химический завод в центре России – ядовитое облако накроет населенные пункты. От пяти до двадцати тысяч человек жертв, непригодные для жизни районы. Введение чрезвычайного положения.

Международные санкции. Новые теракты. Если получится, планировалось также ликвидировать Президента и Премьера, сразу обезглавив высшее руководство. Распыленные силы силовиков не смогут удержать под контролем территорию страны. После захвата государственных объектов в Москве объявляется переход полноты власти в России к Союзу спасения, члены которого пока еще глушили виски в Лондоне.

А дальше варианты – гражданская война. Объявление независимости ряда регионов. Откол Сибири, Калининграда, цепочка распада. Скорее всего, ввод миротворческого контингента под эгидой ООН для защиты особо опасных объектов – ядерного оружия, атомных электростанций. А потом марионеточное правительство на штыках НАТО.

Будущая Россия по задумке заказчика – это конгломерат из банановых республик. Постоянно тлеющие конфликты, а лучше – полноценная гражданская война. Депопуляция населения. Оккупация. Естественно, геноцид – как же без него? Это любимый инструмент западного мира, конечно, под эгидой защиты прав человека – приятно же, когда подвергнувшееся геноциду население еще и бьет благодарные поклоны за то, что его защитили «Томагавком» по родному дому. Полностью манипулируемая Западом элита. Разграбление ресурсов. И снятие русского вопроса на вечные времена.

Вот такую картину нарисовал генерал Панасенко, когда в него вкатили лошадиную долю «правдоискателя». Но главное – он, один из ключевых винтиков заговора, сыпал фамилиями своих соратников, окопавшихся в высших государственных органах, в силовых структурах, ждущих отмашку на открытие огня.

Пару раз от передозировки его хватали сердечные приступы. Но его реанимировали и опять задавали вопросы. Третьего приступа сердце не выдержало.

На базу приехал советник Президента Демидов.

- Все понятно, – кивнул он, ознакомившись с показаниями. – Мы чуть в преисподнюю не рухнули. Успели.

- Еще не факт.

- Успели. Вводим план «Стена».

- Это что? - спросил Куратор.

- А это как раз на такой случай. - Демидов помахал списком. - Силы и средства для массовой нейтрализации противника, в том числе во властных структурах.

Несколько сот человек - сотрудников различных силовых структур, целые подразделения, а иногда и отставники, многократно проверенные и верные, по сигналу должны были собраться на пунктах сбора, вооружиться и отработать по вражеской агентуре...

Ну а о том, что началось потом, можно прочитать в газетах.

На Россию обрушился новый вал терактов. За сутки была ликвидирована пара десятков чиновников и силовиков. Некоторые погибли при странных обстоятельствах. Впал в кому после покушения один из помощников президента. От пищевого отравления скончался лидер одной из партий.

Президент произвел подвижки во властных структурах. Ввел особый порядок управления на месяц, объявив, что берет всю полноту власти на себя.

Все жертвы чудесным образом совпадали со списком Панасенко.

К моему удивлению, некоторые особо важные фигуранты остались на своих местах, целыми и невредимыми.

Почему так? Я был уверен, что они сейчас должны выплевывать в подвалах последние зубы и петь, петь, петь. Выдавать заграничные счета. Сдавать подельников.

Но мир устроен сложно. И не всегда к цели ведут прямые пути. Наши противники попытались спрямить путь. И потерпели фиаско. Позорное фиаско. Откатились, зализывая раны.

Мы переломили ситуацию. Мы отвели угрозу. Пока что отвели...

Когда горячий этап зачисток, при котором моя группа отработала двух человек, закончился, мы встретились с Куратором на «кукушке».

- Похоже, мы опять победили. Хотя не имели шансов, - сказал я. - Какие силы были брошены! Какие средства!

- Я же тебе говорил, Сережа. Они всегда будут проигрывать. Они могут смести государство, затеять революцию, устроить экономический коллапс. Но в конечном итоге никогда не будет так, как им хочется.

- Так же как не будет и по-нашему.

- А вся жизнь борьба. В которой окончательных побед не бывает.

- Оптимистично, - хмыкнул я.

- Я не могу четко объяснить. Но в этом есть какая-то мистика. Вечная борьба добра и зла. Пока за нами правда - мы будем побеждать. Главное - не потерять чувство правды и справедливости. Для Запада это все чуждо. Для нас - жизненно важно.

Потом Куратор объявил, что отныне он - руководитель «НК».

- Протокол службы будете изменять? - спросил я.
- Нет, - покачал он головой. - Это гарантия. Но кое-что менять придется.
- Что с нами?
- Все по-старому. Ты лидер группы. Ты, Роб и Шатун восстановлены на военной службе, присвоены очередные звания. Вот так-то, майор.
- И я попадаю в списки личного состава ФСБ? - скривился я. - В ведомости за зарплату буду расписываться? Хороша конспирация.
- Вопрос продуман.
- Спасибо. - Тут у меня в груди как-то сжало... Еще чуть-чуть, и слезы навернутся. Вроде формальность - восстановление на службе, пусть и в другом ведомстве. А для меня это жизненно важно. Я теперь уже не непонятный агент, террорист и разыскиваемый преступник. Я снова на государевой службе...
- Поздравляю.
- Служу России, - сказал я. - А что дальше?
- Группы контртеррора продолжают действовать, - сказал Куратор. - И в ближайшее время у нас прибавится работы.
- Понятно. От антитеррора к контртеррору, а затем и к террору - дистанция не такая большая.
- Потому что есть цели, которые оправдывают такие средства.

Оглавление